Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

«МЯГКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Коллективная монография

Улан-Удэ
2022

УДК 327.82
ББК 66.4(2Рос)
М99

Работа выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований-Министерства образования и науки Монголии (проект «”Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», № 19–514–44001 Монг_т)

Ответственные редакторы:
д.полит.н., доц. ***В.А. Родионов***
к.и.н. ***А. Нямдолжин***

Рецензенты:
д.и.н., проф. ***Ц.П. Ванчикова***
д.и.н., проф. ***Ю.В. Кузьмин***
д.и.н., проф. ***В.Д. Дугаров***

М99 «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: [коллективная монография] / Отв. ред. В.А. Родионов, А. Нямдолжин; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2022. – 196 с.

ISBN 978-5-6047699-8-0

В книге описываются основные сюжетные линии, связанные с использованием «мягкой силы» в отношениях России и Монголии. С одной стороны, проанализированы различные аспекты политики «мягкой силы» России в отношении Монголии, выявлены ее основные ресурсные составляющие, сильные и слабые стороны. С другой стороны, впервые в российской науке описаны ключевые элементы «мягкой силы» Монголии, применяемой в том числе в отношении России, ее отдельных регионов.

Монография может быть интересной для специалистов и широкого круга читателей – востоковедов, историков, политологов, социологов, а также всех, кто интересуется современными международными отношениями.

© Коллектив авторов, 2022

«Soft power» policy in Russia-Mongolia relationship [collective monograph] / ed. V.A. Rodionov, A. Nyamdoljin; Federal State Budgetary Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. – Irkutsk: Pub. ‘‘Ottisk’’, 2022. – 196 p.

The book describes the main themes of “soft power” in Russia and Mongolia relationship. On the one hand, various aspects of Russia’s “soft power” policy towards Mongolia are analyzed, its main resource components, strengths and weaknesses are identified. On the other hand, for the first time in Russian humanities, the key patterns of Mongolia’s “soft power” are described, including in relation to Russia and its individual regions.

The book is addressed to specialists and a wide range of readers – the Orientalists, historians, political scientists, sociologists, and anyone interested in contemporary international relations studies.

Содержание

Предисловие 5

Глава 1. «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: историографическое и историческое преломление 11
1.1. Современная российская историография «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях 11
1.2. Монголия и политика «мягкой силы»: исторические аспекты . 30
1.3. «Мягкая сила» великих держав в Монголии: ретроспективный обзор 46

Глава 2. «Мягкая сила» России в Монголии: традиции, текущее состояние и перспективы 61
2.1. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: современное положение и потенциал использования 61
2.2. Политический образ Владимир Путина в Монголии 77
2.3. Российское образование и Монголия: от прошлого к будущему через настоящее. 88
2.4. Образование как инструмент «мягкой силы» России в отношениях с Монголией 100
2.5. Роль туризма в современных российско-монгольских отношениях 118

Глава 3. «Мягкая сила» Монголии: глобальное и региональное измерение 129
3.1. «Мягкая сила» малой страны, или как Монголия влияет на мир 129
3.2. «Мягкая сила» Монголии: истоки и основные элементы . . . 153
3.3. Приграничные регионы России в политике «мягкой силы» Монголии 165
3.4. Монголия как партнер России в зеркале региональных СМИ РФ и оценках экспертного сообщества. 181

Об авторах 195

Предисловие

На суд читателя представляется монография под названием «”Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях», явившаяся итогом работы международного коллектива авторов – сотрудников Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и Института международных исследований Академии наук Монголии. В основу данной монографии легли результаты исследований, выполненных в рамках научного проекта «”Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований и Министерством образования и науки Монголии.

Работа над выбранной темой велась в течение последних трех лет. Однако этому предшествовала целая серия совместных исследований различных аспектов российско-монгольских отношений. Так, значительный научный задел был сделан в ходе таких научных проектов как «Российское присутствие в Монголии: модернизация “советских” институтов на “постсоветском” пространстве» (2009–2010 гг.), «”Возвращение” России в Монголию: модели и сценарии» (2012–2013 гг.), «Региональное сообщество в трансграничных процессах России, Монголии и Китая: глобальное и локальное измерение» (2012–2013 гг.), «Внешние факторы политического процесса в современной Монголии» (2017–2018 гг.). Накопленный за эти годы теоретический и эмпирический материал стал важнейшим подспорьем для реализации настоящего проекта. Иными словами, исследование «мягкой силы» в отношениях России и

Монголии стало логическим продолжением серии научно-аналитических поисков авторов настоящей монографии.

Перед тем, как кратко описать содержание книги, необходимо сделать некоторые важные замечания.

Во-первых, феномен «мягкой силы» в отношениях России и Монголии при детальном рассмотрении представляет собой крайне многогранное явление, способное включить в себя самые разные аспекты общественного бытия. Не стремясь охватить все эти аспекты, авторский коллектив сосредоточился на наиболее важных из них, играющих самую заметную роль как в двустороннем, так и многостороннем сотрудничестве России и Монголии.

Во-вторых, авторы монографии, несмотря на общую направленность своих научных изысканий, в некоторых моментах расходятся между собой по выдвигаемым суждениям и выводам на представленную тему. Это в значительной степени отражает как разнообразие теоретико-методологического инструментария участников проекта, так и многоаспектность рассматриваемой проблемы, вариативность путей для ее разрешения. По этой причине некоторые из разделов книги могут быть посвящены одной и той же отрасли отношений, но при этом различны по способам описания и сделанному заключению.

В-третьих, хотя рассматриваемая тема посвящена современному этапу российско-монгольских отношений, авторы намеренно не затрагивают в данной работе вопрос о роли событий, связанных со специальной военной операцией России на Украине. Очевидно, что те глобальные процессы, что были запущены/активизированы украинским кризисом первой половины 2022 года, не могли не сказаться на российско-монгольских отношениях. В том числе, по-новому актуализировался вопрос о состоянии, потенциале и будущем «мягких» аспектов двусторонних отношений. Однако, ввиду разных причин, (включая тот факт, что на момент выхода в свет книги военная фаза событий на Украине не завершена), основательные выводы пока делать рано.

Структурно монография состоит из трех глав, каждая из которых посвящена отдельному предметному полю исследуемой темы.

Совершенно очевидно, что одной из самых заметных характеристик современной мировой политики является постоянно возрастающая конкуренция за ресурсы и влияние между национально-государственными и негосударственными акторами. В связи с этим возникает насущная потребность в разнообразии арсенала форм и методов осуществления этого влияния. Помимо таких традиционных инструментов внешней политики как официальная дипломатия, военная и экономическая мощь государства, все активнее используются иные способы достижения целей, именуемые «мягкой силой»/«мягким влиянием» («soft power»). Среди прочих проявлений «мягкой силы» наиболее часто выделяют возможности гражданского общества, образование и науку, идеологию, информационно-коммуникационные методы и технологии, пропаганду языка, атрибутов высокой и массовой культуры, образа жизни.

Не избежали внимания к этому «модному» явлению международных отношений и наши страны – Россия и Монголия. Как сам термин, так и его содержательные элементы прочно вошли в лексикон правящих элит и интеллектуальных сообществ двух стран. Однако, справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что интерес к изучению и использованию на практике «мягкой силы» оказался обусловлен не только конъюнктурными соображениями. Актуальность темы «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях определяется выше описанными объективными реалиями современного мира.

В первой главе «”Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: историографическое и историческое преломление» дается анализ основных научных наработок по представленной теме в современной историографии. В частности, в первом параграфе показано, что до недавнего времени наблюдалось преобладание публикаций на тему российско-монгольских отношений без специального акцента на феномене «мягкой силы». Более того, вопрос о монгольской «мягкой силе» в отношениях с Россией в принципе не затрагивался как в российской, так и монгольской историографии. Об историческим опыте Монголии как объекте и субъекте «мягкой силы» в отношениях с внешним миром пишут авторы второго и третьего параграфов.

Современная Монголия поддерживает дружественные отношения со всеми государствами Северо-Восточной Азии (РФ, КНР, Японией, КНДР и РК), а также с таким глобальным актором как США, не отдавая явного предпочтения ни одному из них. Улан-Батор постоянно демонстрирует свою заинтересованность в активном сотрудничестве со всеми ведущими игроками региона, извлекая пользу для себя. Согласно конституции Монголии, в стране не могут быть размещены иностранные военные базы, а через ее территорию запрещено перемещение иностранных войск. Монгольские правящие круги неоднократно заявляли о принципиальной позиции не вступать в военно-политические блоки. Такая стратегия делает Монголию мало перспективным объектом с точки зрения военно-политических методов воздействия. Именно поэтому великие державы, в свою очередь, вынуждены конкурировать между собой за влияние на Монголию, опираясь преимущественно на методы «мягкого» воздействия. Россия, желая отстоять свои стратегические интересы, также не может не участвовать в этом процессе. В свою очередь, для монгольской стороны встает важная задача грамотно и максимально эффективно для своих национальных интересов реагировать на подобные шаги великих держав.

Вторая глава «”Мягкая сила” России в Монголии: традиции, текущее состояние и перспективы» включает в себя материал о различных проявлениях и уровнях российской «мягкой силы», применяемой в отношении Монголии. Первые два параграфа это главным образом описание т.н. высокого уровня «мягкой силы» РФ, исследование имеющейся у российской стороны стратегии осуществления своего влияния в Монголии, основных институциональных ресурсов и направлений политики «мягкой силы». Изучение образа президента России В.В. Путина в Монголии представляет собой рефлексию по поводу результатов российской политики «мягкой силы», анализ ее потенциала и объективных пределов для использования. В третьем и четвертом параграфах отдельное внимание уделяется такому важному, если не ключевому, элементу российской «мягкой силы» в Монголии как образование. Именно через образование СССР в свое время добился выдающихся успехов в деле создания своего самого надежного союзника в Азии – МНР. И в наши дни образование

остается каналом формирования дружественной атмосферы между странами, способно оказать влияние на внешнеполитические предпочтения той или иной страны. Пятый параграф посвящен описанию роли международного туризма в деле продвижения позитивного образа России в глазах монгольского населения.

В третьей главе «”Мягкая сила” Монголии: глобальное и региональное измерение» исследовательский интерес сосредоточен на Монголии как субъекте политики «мягкой силы». Первый и второй параграфы включают в себя анализ основных направлений внешней политики Монголии, заинтересованной оказывать влияние на ключевые процессы мировой политики посредством позиционирования себя в качестве пацифисткой демократической страны с высоким потенциалом посреднической дипломатии. Третий и четвертый параграфы описывают другой не менее важный уровень монгольской внешней политики. Монголия, не являясь страной с ярко выраженными интересами глобального и макрорегионального масштаба, концентрирует свои усилия на сотрудничестве с ближайшими к ней странами и регионами. Можно признать тенденцией последних лет усилие внимания монгольских властей и институтов гражданского общества к необходимости активного использования «мягкой силы», в том числе на российском направлении. В отношениях с Россией Улан-Батор делает акцент на поддержании тесных комплексных связей с ее приграничными/близкорасположенными регионами (Республикой Бурятия, Республикой Тыва, Забайкальским краем, Иркутской областью, Республикой Алтай, Алтайским краем), в отношении которых также применяет «мягкую силу». В связи с этим, знание о параметрах и характере использования монгольской «мягкой силы» в отношении российских территорий представляется значимым и с точки зрения национальной безопасности РФ.

В завершении хотелось бы подчеркнуть, что авторы настоящей монографии не стремились своими выводами «закрыть» тему «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях. Скорее, наоборот, это приглашение к научной дискуссии всех неравнодушных к данной теме коллег. В связи с этим основной задачей было внести посильный вклад в дальнейшее исследо-

вание российско-монгольских отношений, внешней политики Москвы и Улан-Батора и связанных с этим перспектив взаимовыгодного сотрудничества двух стран и их народов.

Авторами монографии являются: В.А. Родионов (предисловие, параграфы 2.1, 2.2, 3.1, 3.3), А. Нямдолжин (параграфы 1.3, 2.2), Л.В. Курас (параграф 1.1), И.Г. Актамов (параграфы 2.4, 3.2, 3.3), Н. Ариунгуа (параграф 1.2), И.Ц. Доржиева (параграфы 2.3, 2.5, 3.4), Э.В. Цыремпилова (параграфы 2.3, 2.5, 3.4), А.В. Комбаев (параграф 3.4).

Глава 1
«Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: историографическое и историческое преломление

Л. В. Курас

1.1. Современная российская историография «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях

Введение

С середины 80-х гг. XX в. «мягкая сила» («soft power») стала инструментом внешней политики и международных отношений ведущих держав. Это понятие ввел американский политолог Джозеф Най[1], поняв, что «мягкая сила» стала механизмом внешней политики мировых держав, способных добиваться желаемых результатов на основе привлекательности, в отличие от «жесткой силы», т. е. силового воздействия. Благодаря Дж. Наю «мягкая сила» превратилась в доктрину, а США стали ее оплотом.

«Мягкую силу» использовал и СССР по отношению к странам Варшавского договора и СЭВ и, особенно в отношениях с Монголией[2]. В современном сообществе существуют рейтинги фактора «мягкой силы» в ведущих странах мира, что нашло от-

[1] Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. – Москва : Тренд, 2006. – 397 с.; Nye Jr. Soft Power: The Means To Success In World Politics / Jr. Nye [Най Дж.С. «Мягкая сила». Путь успеха в мировой политике]. Public Affairs, 2009. – 208 p.

[2] Курас Л.В. Грантовая деятельность РГНФ/РФФИ – МинОКН (Монголия) как инструмент «мягкой силы» (на материалах ИМБТ СО РАН) // Историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – С. 394.

ражение в современной историографии[1]. В них позиция России довольно скромная, а в начале 2000-х гг. Россия и вовсе лишилась этого потенциала в зоне своего прямого влияния, даже в Монголии, хотя в этой части у нее богатое прошлое[2]. В последнее десятилетие понятие «мягкая сила» стало важнейшей составляющей современной политологии[3]. Это обусловлено стремлением России вернуть себе былую славу великой державы как на региональном, так и мировом уровне во всех сферах. И свидетельство тому грант Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова (БГУ) «"Мягкая сила" в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», поддержанный РФФИ – МинОНК (Монголия).

До недавнего времени российская историография располагала лишь несколькими публикациями по проблеме, среди которых выделяется статья Е.В. Журавлевой, в которой осуществлен сравнительно-исторический анализ «мягкой силы» Китая, России и США по отношению к Монголии[4]. Именно поэтому историографическому анализу в рамках гранта подвергнуты, главным образом, публикации исполнителей проекта. Их можно структурировать в соответствии с поставленными проблемами: 1) «мягкая сила» во внешней политике России в Монголии и Монголии в России; 2) испытание пандемией; 3) инструменты «мягкой силы»: образование и культура; 4) роль туризма в современных российско-монгольских отношениях; 5) средства массовой информации как инструмент «мягкой силы» и экспертные сообщества двух стран; 6) академическая наука

[1] Горлова И.В., Бычкова О.И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №18. – С. 268–272; Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.04. – Москва, 2013. – 421 с.; Соломатин А.Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России : дисс. … канд. филол. наук : 10.01.10. – Москва, 2014. – 159 с.; Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04. – Санкт-Петербург, 2016. – 279 с.

[2] Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: сборник документов / отв. ред. А.В. Юрасов ; отв. сост. Е.Р. Курапова ; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. – Москва : Фонд «Связь Эпох», 2019. – 774 с.

[3] Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.04 / Г.Ю. Филимонов. – Москва, 2013. – 421 с.

[4] Журавлева Е.В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 171–192.

как наиболее действенный механизм «мягкой силы»; 7) стратегическое партнерство Монголии в XXI в.; 8) опыт Монголии для оценки «мягкой силы» малых стран; 9) политический образ Владимира Путина в Монголии.

1. «Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в Монголии и Монголии в России.

Возможности для использования российской «мягкой силы» в отношении Монголии были существенно лимитированы последствиями постсоциалистической трансформации. Произошло сокращение не только торгово-экономических связей, но и российско-монгольского сотрудничества в области образования, науки, культуры. В этой связи возрастает роль таких институтов как Посольство РФ в Монголии, Российский центр науки и культуры, фонд «Русский мир». Руководитель гранта В.А. Родионов, хотя и указывает на наличие у них определенных «ограничений в плане продвижения российских интересов в социокультурной сфере», тем не менее, он подчеркивает, что «эти структуры являются государственными организациями и ассоциируются с политикой Российского государства»[5]. В этой связи коллектив исследователей особое внимание уделяет самой идее и применению инструментов «мягкой силы» в российской политике, опираясь на эволюцию «Концепции внешней политики Российской Федерации как ключевого документа внешней политики Российской Федерации». При этом они подчеркивают, что МИД России и Россотрудничество в качестве «мягкой силы» внешней политики считают имидж государства[6]. В этой связи В.А. Родионов отмечает, что у России есть существенное преимущество перед другими государствами, имеющими свои интересы в Монголии: она воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные[7]. По его мнению, «логичными выглядят усилия российских организаций»,

[5] Родионов В.А. Политика «мягкой силы» России в Монголии // Россия и Монголия в XX – XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В.Н. Пармон, Б.В. Базаров, ред. коллегия А.М. Плеханова [и др.]. – Новосибирск : СО РАН, 2021. – С. 40.

[6] Бадмацыренов Т.Б., Бадмацыренова Е.Л., Тартыгашева Г.В. «Мягкая сила» в российской внешней политике в Монголии // Власть. – 2021. – № 2. – С. 307.

[7] Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 285.

делающие акцент на «значимые исторические события, как совместная победа в боях на реке Халхин-Гол и в освободительная война 1945 г.»[1]. Хотя подобные мероприятия, проводятся больше «для официальных лиц, тогда как «рядовые граждане Монголии мало представлены на таких мероприятиях, в результате чего эффект оказывается незначительным»[2]. Поэтому «анализ внешнеполитической деятельности России на монгольском направлении позволяет сделать неутешительный вывод. Все попытки российской стороны увеличить свое присутствие в Монголии, как правило, заканчиваются неудачей»[3]. В этой связи исследователи уделяют внимание межрегиональным связям России и Монголии. Это представляется тем более важным, что до недавнего времени Монголия рассматривалась исключительно в качестве объекта «мягкой силы» великих держав[4]. Так между Бурятией, Тывой, Забайкальским краем и рядом аймаков Монголии действуют соглашения о сотрудничестве. А «вступивший в силу с ноября 2014 г. обоюдный безвизовый режим между странами стимулировал увеличение пассажиропотоков и миграционных перемещений в обоих направлениях»[5]. Что касается других составляющих приграничного сотрудничества, то это обусловлено языковой, культурно-исторической и религиозной близостью. Все это стало основой для идейного концепта «монгольский мир», суть которого сводится к тому, что, «между монголами, бурятами, тувинцами и даже проживающими за тысячи километров от Монголии калмыками существуют тесные, хоть и незримые связи»[6]. Так, монгольский исследователь Д. Базардорж в интервью программе «Популяризация Монголии за рубежом» заявил: «Как независимое государство, … мы … несем историческую ответственность за исследование положения этнических монголов за рубежом»[7]. То есть, «Монголия позиционируется в качестве центра притяжения для всех

[1] Родионов В.А. Политика «мягкой силы» России в Монголии… С. 38.
[2] Там же.
[3] Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии… С. 283.
[4] Актамов И.Г., Родионов В.А. Инструменты «мягкой силы» Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 10: Востоковедение. – С. 94.
[5] Там же. С. 95.
[6] Там же. С. 97.
[7] Там же. С. 95.

остальных народов «монгольского мира», оказавшихся на его «периферии». Но «главным маркером в рамках «монгольского мира», является фигура Чингисхана»[8].

2. Испытание пандемией

Covid-19 вывел новую форма сотрудничества Монголии с приграничными субъектами Российской Федерации: помощь субъектам России в период пандемии, анализу которой исполнители гранта уделяют серьезное внимание. И хотя «в масштабе всей России влияние Монголии мало ощутимо, но на уровне отдельных российских регионов оно вполне заметно»[9]. В начале пандемии Монголия оказалась одной из самых успешных стран с точки зрения профилактики распространения. В течение весны 2020 г. общественные организации и граждане Монголии предоставили помощь в виде денежных пожертвований, защитных масок и респираторных средств российским приграничным регионам Российской Федерации. Правительство Монголии предоставило России мясную продукцию на сумму 1 млн долл. На такую же сумму была оказана гуманитарная помощь США[10]. Кульминацией активной гуманитарной политики Монголии стал однодневный визит Президента страны Х. Баттулги в Китай 27 февраля 2020 г., где заявил о выделении помощи китайской стороне в виде 30 тыс. овец. В.А. Родионов подчеркивает, что «вплоть до середины ноября 2020 г. в Монголии не было зарегистрировано ни одной смерти от коронавируса. Более того, не фиксировалось внутреннее заражение, а все заболевшие являлись приехавшими из-за рубежа гражданами Монголии или иностранцами. По общему числу заболевших страна была на одном из последних мест в мире»[11]. В целом, подобные шаги Монголии российские ученые совершенно справедливо рассматривали в качестве элементов политики «мягкой силы» в отношениях с внешним миром[12]. Поэтому не случайно в русле поставленной проблемы, пандемия стала объектом специально-

[8] Там же. С. 98–99.

[9] Актамов И.Г., Родионов В.А. Инструменты «мягкой силы» Монголии… – С. 101.

[10] Актамов И.Г. «Мягкая сила» Монголии: истоки и современное состояние // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2021. – № 1 (41). – С. 43.

[11] Родионов В.А. Монголия и ее соседи: испытание пандемией // Власть. – 2022. – № 2. – С. 243.

[12] Актамов И.Г., Родионов В.И. Инструменты «мягкой силы»… С. 99–100.

го исследования. Но обусловлен этот интерес был скорее не достижениями в этом вопросе, а изменением ситуации. С ноября 2022 г. «Монголия оказалась страной, скорее ищущей помощи извне, нежели готовой помогать другим, превратившись в объект «мягкой силы» великих держав»[1]. По оценке российской историографии «на фоне активной вакцинной дипломатии», в которую были вовлечены Индия, США, Китай, Япония и Россия, битва «мягких сил» была Россией проиграна, при том, что более 70% монгольских граждан готовы были выбрать российскую вакцину[2]. В условиях пандемии и «сокращения доходов госбюджета от сферы услуг, транспорта и розничной торговли как никогда прежде обнажилась уязвимость монгольской экономики, выраженная в высочайшей зависимости от экспорта (главным образом, полезных ископаемых) в Китай[3]. Более того, западные страны, помимо вакцинной политики, в эпоху пандемии стремились открыто повлиять на внутриполитическую ситуацию в Монголии.

3. Инструменты «мягкой силы»: образование и культура

Исполнители проекта вполне аргументированно утверждают, что Монголия активно «наращивает свое культурное влияние в ряде субъектов РФ (Бурятия, Тыва, Забайкальский край, Калмыкия), используя его как инструмент «мягкой силы»[4]. Поэтому не случайно, что в публикациях исполнителей гранта образование выступает как основной инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях[5]. В этой связи в статье И.Ц. Доржиевой и Э.В. Цыремпиловой основной упор делается на экспорт образовательных услуг России в Монголию[6]. Поэтому не случайно оно позиционируется как сегмент внешнеполитической деятельности России, свидетельством чего является Концепция продвижения российского образования на базе

[1] Родионов В.А. Монголия и ее соседи: испытание пандемией… – С. 243.
[2] Там же. С. 245.
[3] Там же.
[4] Актамов И.Г., Родионов В.А. Инструменты «мягкой силы» Монголии… – С. 101.
[5] Актамов И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков // Научный диалог. 2020. – № 4. – С. 221–237.
[6] Доржиева И.Ц., Цыремпилова Э.В. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 51.

представительств Россотрудничества за рубежом, принятая 27 марта 2014 г. Ее реализация вылилась в проект «Экспорт образования», направленный на повышение «привлекательности и конкурентоспособности российского образования на рынке образовательных услуг»[7]. Не случайно в период с 1922 по 1991 гг. в вузах СССР получили образование более 55 тыс. монгольских граждан[8]. Кроме того, важнейшим инструментом «мягкой силы» стала и классическая монгольская культура. Но, самым важным инструментом «мягкой силы» российско-монгольского культурного сотрудничества становится русский язык, который исполнители проекта справедливо рассматривают как ресурс мягкой силы[9]. Не случайно монгольский исследователь Г. Томтогтох назвал его «единственным окном в мир» для монголов в XX в.[10]. Именно поэтому В.А. Родионов подчеркивает, что «высшее образование является ресурсом, тесно связанным с распространением русского языка и российской культуры»[11]. Что касается возможностей российского высшего образования, то, по мнению В.А. Родионова, во-первых, «в Монголии функционирует созданная при социализме инфраструктура и технологии российских стандартов, обслуживание и подготовка которых возможна только в России. Во-вторых, наработанные академические и образовательные связи, объективно создали условия для воспроизводства новых кадров за счет направления монгольской молодежи в российские вузы. В-третьих, российское образование соответствует уровню доходов средней монгольской семьи и удовлетворяет образовательные потребности монгольской молодежи. Не последнюю роль играет фактор влияния старшего поколения монголов на умонастроения своих молодых соотечественников»[12]. И здесь важной составляющей «мягкой силы» являются образовательные стратегии монгольских студентов по отношению к российскому образованию, который был осуществлен исполнителями гранта при помощи социологического опроса с респондентами в республиках

[7] Бадмацыренов Т.Б., Бадмацыренова Е.Л., Тартыгашева Г.В. Указ. соч. – С. 308.
[8] Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы… С. 287.
[9] Там же. С. 286–287.
[10] Там же. С. 287.
[11] Там же.
[12] Родионов В.А. Политика «мягкой силы»…С. 39.

Бурятия, Тыва и Иркутской области. Этот как раз и позволило выявить ключевой фактор сотрудничества двух стран.

4. Роль туризма в современных российско-монгольских отношениях

Исполнители проекта отмечают, что «сотрудничество России и Монголии в области туризма во многом способствует укреплению социально-экономических и культурных связей между странами. В принимающей стране происходит стимулирование экономического роста, увеличение объёмов налоговых поступлений в регионе, развитие малых и средних форм предпринимательства, вследствие чего повышается занятость населения территорий»[1]. В сентябре 2014 г. подписано российско-монгольское соглашение об упрощении визового режима, согласно которому граждане России смогут находиться в Монголии, а граждане Монголии в России без визы в течение 30 дней. Не случайно Монголия определяет туризм как ведущий сектор экономики.

В монгольской историографии подчеркивается, что в Монголии на государственном уровне принята Национальная программа развития туризма на 2016–2025 гг., направленная на развитие туристского сектора. Основными целями программы обозначены:

– улучшение инфраструктуры туризма, увеличение возможности по приему туристов; – развитие регионального туризма, создание турпродуктов и услуг на особо охраняемых территориях с привлечением местного населения;

– развитие системы информационного обеспечения, улучшение доступности и качества информации для туристов;

– подготовка квалифицированного персонала для сферы туризма;

– активизация внешних взаимодействий и маркетинговое продвижение данного сектора;

– развитие внутреннего туризма[2].

[1] Доржиева И.Ц., Цыремпилова Э.В. Роль туризма в современных российско-монгольских отношениях // Вестник ЗабГУ. – 2022. – Т. 28. – № 6. – С. 57.

[2] Дуурэнбилэг Ч. Социальная роль туризма в обеспечении устойчивого развития региона // Туризм как фактор устойчивого развития региона: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т. – 2019. – С.53–57.

Россия для монгольских граждан обладает большим туристским потенциалом. В этой связи исполнители проекта выделили наиболее привлекательные направления монгольского туризма: культурно-развлекательный и деловой туризм, религиозный туризм, лечебно-оздоровительный туризм, образовательный туризм. В географическом отношении наиболее привлекательными являются оз. Байкал, Москва, С-Петербург, Черноморское побережье России[3].

Таким образом, потенциал туризма, как инструмента «мягкой силы», достаточно высок и «влияет напрямую на устойчивые представления о пространстве, участвуя в качестве одного из основных показателей его «мягкой силы»[4].

5. Средства массовой информации как инструмент «мягкой силы» и экспертные сообщества двух стран

Одним из показателей эффективности «мягкой силы» является деятельность СМИ. В 2019 г. сотрудники БГУ осуществили исследование образа Монголии в региональных СМИ республики Бурятия и Иркутской области. Они отметили, что СМИ способствуют формированию положительного образа соседа»[5], но при этом лишь фиксируют «появление здорового и искреннего оптимизма в отношении перспектив взаимовыгодного сотрудничества». Хотя эта отстраненность позволяет СМИ выполнять функцию экспертного сообщества России и Монголии. И именно это позволяет простым гражданам двух стран осознать, что Россия (Монголия) по-прежнему являются значимым для России (Монголии) партнером[6]. Поэтому, по справедливому мнению эксперта, «в условиях сокращающегося пространства русского языка в Монголии наличие российских монголо-язычных каналов информации стало бы

[3] Доржиева И.Ц., Цыремпилова Э.В. Указ. соч. С. 58, 59.

[4] Крыстев В.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии // Социально-экономическая география. Вестник Арго. – 2017 (6). – С. 92–102.

[5] Комбаев А.В., Доржиева И.Ц., Цыремпилова Э.В. Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражение «мягкой силы» Монголии (по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия) // Власть. – 2020. – № 3. – С. 145.

[6] Комбаев А.В., Болотов Р.Э. Российско-монгольские отношения сквозь призму мнений экспертного сообщества двух стран // Власть. – 2021. – № 4. – С. 208, 210.

существенным подспорьем в деле продвижения социокультурного влияния России»[1].

6. Академическая наука как наиболее действенный механизм «мягкой силы» и возможность перехода к стратегическому партнерству

Наработанные за годы Советской власти научные связи стали не только фундаментом современного научного сотрудничества двух стран, но и наиболее действенным механизмом «мягкой силы» российско-монгольских отношений. В публикациях автора настоящей главы выявлены основные сегменты научного сотрудничества России и Монголии: защита диссертационных сочинений при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, где в деятельности диссертационного совета основным фактором является подготовка специалистов высшей квалификации для научно-образовательного комплекса Монголии[2]; совместные гранты РГНФ/ РФФИ – МинОКН (Монголия)[3]. Сегодня научное сообщество стоит на пороге подписания договора между Российским научным фондом (РНФ) и Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии (МинОКНиС) о совместных исследованиях.

Прошедший 2021 г. был для Монголии рекордным по числу юбилеев, среди которых основополагающие – это 100-летие Монгольской революции и российско-монгольских дипломатических отношений, что стало информационным поводом проведения российско-монгольских научных конференций в Москве, Улан-Баторе, Владивостоке, Улан-Удэ, Иркутске, Элисте, которые мы также позиционирует как механизм «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях[4]. В этой связи мы рассматриваем и уникальный сборник документов из архивов

[1] Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы… С. 289.

[2] Курас Л.В. Диссертационные сочинения о Монголии как проявление «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях (на материалах диссертационного совета при ИМБТ СО РАН) // Власть. – 2020. – № 2. – С. 128.

[3] Курас Л.В. Грантовая деятельность РГНФ/РФФИ – МинОКН (Монголия) как инструмент «мягкой силы» (на материалах ИМБТ СО РАН) // Историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – С. 393–401.

[4] Курас Л.В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству // Власть. – 2021. – № 3. – С. 85–90.

ФСБ[5] как инструмент «мягкой силы»[6]. Таким образом, современная историография позволяет говорить о реальном переходе российско-монгольских отношений в гуманитарной области от «мягкой силы» «к стратегическому партнерству»[7].

7. Стратегическое партнерство Монголии в XX в.

Эта проблема уже не раз поднималась и в российской, и в монгольской историографии, а для реализации которой имеются все условия:

во-первых, Улан-Баторская (2000 г.) и Московская (2006 г.) Декларации, а также Договор от 3 сентября 2019 г. «О дружественном отношении и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией». Этот документ представляется тем более важным, что за месяц до его подписания Монголия объявила о готовности вывести отношения с США на уровень стратегического партнерства;

во-вторых, теоретические наработки ученых России и Монголии, позволяют вывести эти отношения на более высокий уровень[8];

в-третьих, существующие вызовы времени, когда на смену концепции «мягкой силы» приходит новая концепция «умной силы» как сочетание «мягкой силы» с «жесткой силой»[9], требуют принятия этих вызовов и адекватное реагирование на них. Тем более, что на повестке появилась sharp power – «острая сила»[10].

---

[5] Монголия в документах. Из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов / науч. ред. В.В. Наумкин; отв. ред. К.В. Орлова, В.В. Грайворонский. – Москва : ИВ РАН, 2019. – 528 с.

[6] Курас Л.В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2020. – Вып. 4. – С. 94–101.

[7] Курас Л.В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству // Власть. – 2021. – № 3. – С. 87.

[8] Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. ред. Р.Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. – Москва – Улан-Батор : ИВ РАН, Институт международных исследований АН Монголии, 2011. – 440 с.

[9] Морозов Ю.В. «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – Москва : ИДВ РАН, 2017. – С. 121–138.

[10] Кузнецов Н.М. Sharp power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // Власть. – 2022. – № 1. – С. 146.

В условиях глобализации современного мира устойчивое развитие любой страны во многом зависит от эволюции идеи «мягкой силы» и реализуется за счет выбора стратегических партнеров. Поэтому некоторые исследователи воспринимают стратегическое партнерство как «долговременное сотрудничество на международном уровне по большому числу вопросов с целью получения максимальных выгод для себя и партнера»[1]. Имеются и другие трактовки этого феномена[2]. Таким образом, в отечественной историографии нет конкретно выработанного понятия «стратегический партнер» даже на уровне экономическом и военно-политическом. Поэтому ученые допускают достаточно узкие трактовки: «Стратегический партнер в каком-либо регионе или в какой-либо отрасли»[3]. В этой связи представляет несомненный интерес стратегическое партнерство во внешней политике Монголии, которое, по нашему мнению, является логическим продолжением политики «мягкой силы». Это наиболее полно проявилось в 2021 г., в период празднования 100-летия Монгольской революции и установления российско-монгольских дипломатических отношений[4]. Что касается непосредственно стратегического партнерства Монголии, то этот вопрос получил отражение в отечественной историографии[5]. Так, В.Б. Базаров выделяет и дает емкую характеристику пяти стратегическим партнерам Монголии: Рос-

[1] Новиков И.А. Стратегическое партнерство как феномен международной политики (анализ отношений Россия – Евросоюз) // Вестник ВолГУ. – 2010. – № 1(17). – Сер. 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». – С. 118.

[2] Портяков В.Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция. ИВ РАН. М.: Восточная литература. – 2011. – С. 204–207; Жеглова Ю.Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2014. – Т. 7. – № 3. – С. 115–122.

[3] Барковский А.Н., Шуйский В.П. Стратегические партнеры России сегодня и в долгосрочной перспективе // Внешнеэкономический бюллетень. – 2005. – № 12 (декабрь). – С. 21.

[4] Курас Л.В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству // Власть. – 2021. – № 3. – С. 85–90; он же. Стратегическое партнерство Монголии в XXI в. // Банзаровские чтения: материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ – БГУ. В 2 ч. Ч. I / научный редактор В.В. Номогоева; ответственный редактор О.Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. С. 343–345.

[5] Базаров В.Б. Стратегическое партнерство во внешней политике Монголии // Власть. – 2019. – № 6. – С. 302–308.

сии, Японии, КНР, Индии и США. Это свидетельство того, что Монголия ищет новые механизмы и точки опоры для усиления своих позиций в мире. Кроме того, это в полной мере соответствует многовекторной политике Монголии в соответствии с концепцией «третьего соседа», когда Улан-Батор поддерживает отношения – «страны Запада и его союзники, традиционно маркированные как члены мирового демократического сообщества. В этой связи в политических взаимоотношениях Монголии с внерегиональными государствами идеологический фактор с самого начала играл значимую роль, а само понятие «третий сосед» приобрело статус идейно-политического концепта»[6]. Такой подход не противоречит современным мировым тенденциям, в т. ч. и российским принципам развития стратегического партнерства[7]. И в этом плане каких-либо различий в позиции России и Монголии на этот вопрос нет. Другое дело, что традиционные партнеры, такие как Россия и КНР[8], имеющие общие границы и многовековую совместную историю, готовы вкладывать в понятие «стратегическое партнерство» с Монголией значительно больше смысла и политической воли, а следовательно и ресурсов, в т. ч. финансовых[9]. Именно поэтому следует акцентировать внимание на мнении российских экономистов на проблему стратегического партнерства, которому как раз и следует современная Монголия: «Наша новая внешнеэкономическая политика должна строиться на примате национальных интересов и приоритетности решения внутренних проблем, подчеркнутом прагматизме, исключающем исторические симпатии и антипатии и предполагающем превалирование экономических соображений при определении стратегических партнеров». А это означает, что «стратегические партнеры не могут быть вечными»[10]. Говоря о стратегическом партнерстве,

[6] Родионов В.А., Аюшеева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 126.

[7] Кузнецов И.А. Развитие форм стратегического партнерства: дис. … канд. экон. наук. – М., 2014. – 189 с.

[8] Новости // Монголия сегодня. 2022. 8 февр.

[9] Базаров В.Б. Указ. соч. С. 307–308.

[10] Барковский А.Н., Шуйский В.П. Стратегические партнеры России сегодня и в долгосрочной перспективе // Внешнеэкономический бюллетень. – 2005. – № 12 (декабрь). – С. 28.

следует подчеркнуть, что это явление в современном мире выходит на новый уровень, что обусловлено вызовами времени, когда на смену концепции «мягкой силы» приходит новая концепция «умной силы» как сочетание «мягкой силы» с «жесткой силой»[1]. Более того, на повестке появилась sharp power («острая сила»), которая «подобно ножу «вонзается» в социальный строй зарубежного государства с целью его дестабилизации»[2]. Это обусловлено дальнейшей поляризацией сил, при которой США будут защищать сложившийся миропорядок со своей доминирующей ролью[3].

8. Опыт Монголии для оценки «мягкой силы» малых стран

Эта проблема получила освещение у исполнителей гранта. Руководитель проекта В.А. Родионов подчеркивает, что «применение «мягкой силы» малыми странами имеет некоторые особенности, которые выгодно отличают их от великих держав:

во-первых, «мягкая сила» малых стран вызывает меньше подозрений по поводу их далеко идущих планов, что дает им определенное преимущество при осуществлении соответствующей политики;

во-вторых, статус «малой страны» дает возможность более эффективно, нежели великие державы, выполнять функции посредника при разрешении международных споров и конфликтных ситуаций;

в-третьих, малые страны делают акцент на проведении политики «мягкой силы» на региональном уровне;

в-четвертых, «мягкая сила» для малых стран нередко выступает средством осуществления собственной безопасности и даже выживания[4]. В осуществление этой политики Монголия, на фоне соседей России и Китая, является своеобразным эталоном в стремлении «укрепить национальный суверенитет и без-

[1] Морозов Ю.В. «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 121–138.

[2] Кузнецов Н.М. Sharp power и внешняя политика США… С. 146.

[3] Морозов Ю.В. Указ. соч. С. 134.

[4] Родионов В.А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // Oriental Studies. – 2022. – Vol. 15. – №. 2. – С. 232.

опасность, расширяя круг внешних партнеров, помимо России и Китая»[5]. Этому способствуют основные элементы «мягкой силы», к которым исследователь относит парламентскую форму правления, создание

образа пацифистски настроенной страны и активная миротворческая деятельность, активное участие монгольских военнослужащих в международных миротворческих акциях в различных странах мира, признание ее потенциала как государства-посредника при разрешении международных проблем[6]. Все это, по справедливому мнению автора, позволяет сделать вывод о том, что «для Монголии, как для малой страны, применение «мягкой силы» является не только вопросом увеличения своего международного влияния, но и делом обеспечения собственной безопасности и национального суверенитета в отношениях»[7].

9. Политический образ Владимира Путина в Монголии

Для стратегического партнерства, кроме «мягкой силы», важен и позитивный образ политического лидера государства, чьи успехи отождествляются с успехами государства. Именно поэтому образ Президента Российской Федерации В.В. Путина в Монголии «представляет собой отдельное явление». Тем более, что В.В. Путин по своей популярности превосходит популярность других зарубежных политических лидеров[8]. А «в условиях, когда за последние 30 лет в Монголии было сформировано 16 правительств, политическое долголетие российского лидера – это залог стабильности и внутреннего порядка. В этом ракурсе российская модель общественно-политического развития, олицетворяемая фигурой Путина», это «один из ориентиров для Монголии»[9].

Заключение

Таким образом, подводя итоги историографического анализа феномена «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях, осуществленного, главным образом, на материалах публикаций исполнителей гранта, следует сделать вывод, во-первых,

[5] Там же.
[6] Там же. С. 234, 235, 236.
[7] Там же. С. 238.
[8] Родионов В. А, Нямдолжин А. Политический образ Владимира Путина в Монголии // Власть. – 2021. – № 1. – С. 30–35.
[9] Там же. С. 34.

о тщательном и всестороннем анализе современного состояния российско-монгольских отношений, а, во-вторых, о готовности сторон к выходу на новый уровень отношений между нашими странами.

Список использованной литературы и источников

Агеева, В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации [Текст] : дис. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Агеева Вера Дмитриевна. – Санкт-Петербург, 2016. – 279 с.

Актамов, И. Г. «Мягкая сила» Монголии: истоки и современное состояние [Текст] / И.Г. Актамов / И.Г. Актамов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2021. – № 1 (41). – С. 37–47.

Актамов, И.Г. Инструменты «мягкой силы» Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века [Текст] / И.Г. Актамов, В.А. Родионов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 10: Востоковедение. – С. 92–102.

Актамов, И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков [Текст] / И.Г. Актамов // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 221–237.

Бадмацыренов, Т. Б. «Мягкая сила» в российской внешней политике в Монголии [Текст] / Т.Б. Бадмацыренов, Е.Л. Бадмацыренова, Г.В. Тартыгашева // Власть. – 2021. – № 2. – С. 305–310.

Барковский, А.Н. Стратегические партнеры России сегодня и в долгосрочной перспективе [Текст] / А.Н. Барковский, В.П. Шуйский // Внешнеэкономический бюллетень. – 2005. – № 12 (декабрь). – С. 21–28.

Горлова, И.В. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения [Текст] / И.В. Горлова, О.И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 268–272.

Доржиева, И.Ц. Роль туризма в современных российско-монгольских отношениях [Текст] / И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // Вестник ЗабГУ. – 2022. – Т. 28. – № 6. – С. 55–62.

Доржиева, И.Ц. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования [Текст] / И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 46–52.

Дуурэнбилэг Ч. Социальная роль туризма в обеспечении устойчивого развития региона [Текст] /Ч. Дуурэнбилэг // Туризм как фактор устойчивого развития региона: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т. – 2019. – С. 53–57.

Журавлева, Е.В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии [Текст] / Е.В. Журавлева // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 171–192.

Комбаев, А.В. Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражение «мягкой силы» Монголии (по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия) [Текст] / А.В. Комбаев, И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // Власть. – 2020. – № 3. – С. 142–147.

Комбаев, А.В. Российско-монгольские отношения сквозь призму мнений экспертного сообщества двух стран [Текст] / А.В. Комбаев, Р.Э. Болотов // Власть. – 2021. – № 4. – С. 207–212.

Кузнецов, Н.М. Sharp power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? [Текст] / Н.М. Кузнецов // Власть. – 2022. – № 1. – С. 146–151.

Крыстев, В.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии [Текст] / В.К. Крыстев // Социально-экономическая география. Вестник Арго. – 2017. – №6. – С. 92–102.

Курас, Л.В. Грантовая деятельность РГНФ/РФФИ – МинОКН (Монголия) как инструмент «мягкой силы» (на материалах ИМБТ СО РАН) [Текст] / Л.В. Курас // Историко-экономический ежегодник: 2020. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – С. 393–401.

Курас, Л.В. Диссертационные сочинения о Монголии как проявление «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях (на материалах диссертационного совета при ИМБТ СО РАН) [Текст] / Л.В. Курас // Власть. – 2020. – № 2. – С. 127–131.

Курас, Л.В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов [Текст] / Л.В. Курас, Б.В. Базаров // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2020. – Вып. 4. – С. 94–101.

Курас, Л.В. Информационные письма и программы научных конференций, посвященных 100-летию Монгольской революции 1921 г.: от «мягкой силы» к стратегическому партнерству [Текст] / Л.В. Курас // Власть. – 2021. – № 3. – С. 85–90.

Курас, Л.В. Стратегическое партнерство Монголии в XXI в. [Текст] / Л.В. Курас // Банзаровские чтения: материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ – БГУ. В 2 ч. Ч. I / науч. ред. В.В. Номогоева; ответственный редактор О.Н. Полянская. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2022. – С. 343–345.

Монголия в документах. Из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) [Текст] : сборник документов / науч. ред. В.В. Наумкин; отв. ред. К.В. Орлова, В.В. Грайворонский. – Москва : ИВ РАН, 2019. – 528 с.

Морозов, Ю. В. «Мягкая и жесткая» стратегия США в отношении России, Китая и других государств ШОС [Текст] / Ю.В. Морозов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. – Москва : ИДВ РАН, 2017. – С. 121–138.

Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж. Най. – Москва : Тренд, 2006. – 397 с.

Новиков, И.А. Стратегическое партнерство как феномен международной политики (анализ отношений Россия – Евросоюз) [Текст] / И.А. Новиков // Вестник ВолГУ. – 2010. – № 1(17). – Сер. 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». – С. 117–124.

Портяков, В.Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР [Текст] / В.Я. Портяков // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция. ИВ РАН. М.: Восточная литература. – 2011. – С. 204–207.

Родионов, В. А. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт [Текст] / В.А. Родионов, И.Г. Аюшеева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 125–130.

Родионов, В.А. Монголия и ее соседи: испытание пандемией [Текст] / Родионов В.А. // Власть. – 2022. – № 2. – С. 242–247.

Родионов, В. А. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии [Текст] / В.А. Родионов // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 228–243.

Родионов, В.А. Политика «мягкой силы» России в Монголии [Текст] / В.А. Родионов // Россия и Монголия в XX – XXI вв.: к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений: сб. науч. ст. / науч. ред. В.Н. Пармон, Б.В. Базаров, ред. коллегия А.М. Плеханова [и др.]. – Новосибирск : СО РАН, 2021. – С. 37–40.

Родионов, В.А. Политический образ Владимира Путина в Монголии [Текст] / В.А. Родионов, А. Нямдолжин // Власть. – 2021. – № 1. – С. 30–35.

Родионов, В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования [Текст] / В.А. Родионов // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 283–291.

Россия и Монголия на пути стратегического партнерства [Текст] / отв. ред. Р.Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. – Москва – Улан-Батор : ИВ РАН, Институт международных исследований АН Монголии, 2011. – 440 с.

Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг. [Текст] : сборник документов / отв. ред. А.В. Юрасов ; отв. сост. Е.Р. Курапова ; сост. В.С. Пушкарев, Л. Мэндсайхан. – Москва : Фонд «Связь Эпох», 2019. – 774 с.

Соломатин, А.Н. Коммуникативные стратегии формирования международного имиджа России [Текст]: дисс. … канд. филол. наук : 10.01.10 / Соломатин Алексей Николаевич . – Москва, 2014. – 159 с.

Филимонов, Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США [Текст] : дис. … д-ра полит. наук : 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич. – Москва, 2013. – 421 с.

Nye Jr. Soft Power: The Means To Success In World Politics / Jr. Nye [Най Дж.С. «Мягкая сила». Путь успеха в мировой политике]. – Public Affairs, 2009. – 208 p.

Н. Ариунгуа

1.2. Монголия и политика «мягкой силы»: исторические аспекты

Одним из основных составляющих в системе политики «мягкой силы» является историко-культурный аспект. Именно история, т.е. исторические процессы, происходящие в течении многих веков, обуславливает возникновение культурно-политических факторов, подталкивающих к формированию политики «мягкой силы» как со стороны ее субъектов, так и с позиции объекта. Монголия как родина мировой кочевой степной цивилизации несёт на себе «груз» вековой традиции кочевников, образоваших на её территории могущественные государственные образования, такие как империя Хунну, государство уйгуров и киданей. Все это делает ее прародиной древних кочевых цивилизаций. Образование Монгольской государственности во главе с Чингис хаганом и, в дальнейшем, возникновение Монгольской империи Юань явилось окончательным «вердиктом» вписания монгольского мира в историю мировой цивилизации. Деятельность монголов в те далекие времена наложило немалый отпечаток не только на развитие завоеванных ими стран, но и на тенденцию развития мировой цивилизации. Это, в свою очередь, послужило основой для формирования современного отношения мировой общественности к монголам и их государству.

На всем протяжении существования монгольской государственности в связах кочевников с соседними государствами присутствовали сегменты политики «мягкой силы». Субьект воздействия этой политики менялся в зависимости от военно-политических условий. Так, известная политика «кнута и пряника» династии Хань и последующих китайских династий по отношению к кочевникам является одним из характерных примеров политики «мягкой силы», на что кочевники всегда отвечали достойным отпором.

Монголия сама весьма успешно проводила политику «мягкой силы» в период своих завоеваний, осуществляя её в завоеванных им странах. Это было продиктовано не только

прагматичной целью эффективного господства в завоеванных странах, но и, на наш взгляд, мировозренческими установками средневековых монголов. В результате было создано то, что можно назвать «Pax Mongolica».

О значении миссии монголов, начавшейся в период Чингис хагана и продолжившейся во времена его потомков, как никто лучше сказал мэтр монгольской историографии академик Ш. Нацагдорж в своей монографии «Биография Чингис хагана». В частности, он отмечает прогрессивную роль монгольских завоеваний, не являвшимися только безудержными жестокими кровопролитными деяниями, но носившими в себе элементы «мягкой силы». «Завоевания Чингис хагана и его потомков привели к воссоединению кочевой цивилизации монголов с европейской культурой, а также с культурой азиатских стран, что послужило причиной формирования невидимой доселе в истории человечества культурной общности и явилось огромным толчком, а также обьективной основной для ускоренного процесса интеграции человечества и перехода его на качественно новую ступень, ознаменовавшую в дальнейшем ещё большее интенсивное развитие».[1]

Завоевание кочевниками иноземных земель, в частности многонаселенного Китая, и сохранение там своего господства немногочисленными силами в течении 100 лет, является феноменальным явлением. При этом следует учитывать, что монголы очень мало подверглись синизации , а их родина полностью сохранила свою самобытность. По этой причине Монголия продолжила историю своей государственности даже после падения власти монгольской империи Юань. И в дальнейшем монголы успешно вели борьбу против агрессивной политики империи Мин, что заставило китайцев проводить оборонительную политику по отношенияю к монголам. Целью беспрерывных набегов монголов чаще всего было склонение китайской стороны к торговле, на что Китай всегда шел не охотно, подвергая Монголию к экономической блокаде[2].

[1] Нацагдорж Ш. Чингис хааны цадиг. – Улаанбаатар, 1991. – С. 133.
[2] Ариунгуа Н. История Монголии и китайские источники периода Минской династии. – Улаанбаатар, 2022. – С. 198.

Главной причиной удержания монголами власти в Китае на протяжении почти 100 лет явилось то, что монголы не стремились изменить основы социальной структуры страны (это касается не только Китая , но и всех других заваеванных монголами стран). В политике монголов того времени было много элементов «мягкой силы» в современном понимании этого термина. На это указывают китайские исследователи. В частности, известный тайваньский историк Сяо Цицин отмечает, что политика монголов в то время ничем не отличалась от современной колониальной политики еврпейцев в Азии, Африке и Латинской Америке[1].

Что касается завоевания монголами Руси, то господство их над ней продолжилось дольше, чем скажем в Иране и в Китае на столетие. Это обьяснялось той же политикой «мягкой силы», проводимой Батыем и его преемниками, а также географическим фактором. Русь находилась несколько отдалённее от "Великого шёлкого пути". Американский исследователь Ч.Дж. Гальперин, отмечая довольно «мягкий» характер монгольского господства над Русью пишет, что «сама по себе Русь играла периферийную роль для Орды не только географически, но и политически и экономически. Орда не видела необходимости в прямом управлении Русью. Во время похода на Русь монголы обнаружили прекрасные пастбища вблизи Чёрного и Каспийского морей. Золотой Орде не надо было размещать гарнизоны на территории Руси. Управление со степи позволяло... продолжить кочевой образ жизни, обеспечивая сохранение кочевой армии. Поскольку монгольское управление Русью было косвенным, то оно продлилось на столетия дольше, чем в Китае и Иране[2]. Дальше он, отмечая элементы политики «мягкой силы» монголов по отношении к Руси, пишет, что религиозные различия препятствовали тому, чтобы Орда играла значительную роль в развитии русской культуры. В то же время фискальный иммунитет, пожалованный монголами, обусловил огромную

[1] 萧啓慶。元代时 新 探. 台北 · 1987. -页18. (Сяо Цицин. Новые исследования по истории Юань. – Тайбэй 1987. – С. 18.)

[2] Halperin Ch.J. Russia in the Mongol empire in comperative perspective // Harvard journal of Asian Studies (Cambridge). – 1983. – Vol.43. – №1–2. – P. 250.

роль русской православной церкви в культурном возрождении северо-восточной Руси в XIV-XM вв[3].

Таким образом, монголы, с целью обеспечения своей власти в завоеванных странах, создавали атмосферу лояльности и терпимости, проводя политику «кнута и пряника», что по-существу являлось вариантом политики «мягкой силы» в сегоднешнем понимании.

Монголы оставили глубокий след в истории мировой цивилизации. Монгольская империя Юань наряду с Римской и другими империями сыграла большую роль в историческим процессе, что является общепризнанным историческим фактом. Признание вклада монголов в развитие мировой истории отражается на её имидже и порой также является своеобразной «мягкой силой» для современной Монголии. Не случайно, что часть монгольской интеллигенции рассматривала принятие Монголии в ООН в качестве признания со стороны мировой общественности исторического вклада Монгольской империи. Некоторые из таких представителей были подвергнуты суровой критике со стороны правящей Монгольской народно-революционной партии.[4] Следует отметить, что вхождение МНР в ООН в период «холодной войны», учитывая её, мягко говоря, неблагоприятное внешнее положение, казалось немыслимым делом. Вопрос о причинах этой большой победой монгольской дипломатии никогда не рассматривался в научной литературе с точки зрения исторического наследия Монголии. Перефразируя знаменитые слова русского классика А.С. Пушкина, произнесенные им в поэме «Евгений Онегин» по поводу причин победы в войне с Наполеоном, можно сказать, что причиной принятия Монголии в ООН являлся «Великий хаган иль монгольский тэнгэри».

Вопрос о влиянии на монголов политики «мягкой силы» со стороны других культур в мировозренческом или религиозном, а также в бытовом отношении довольно мало изучен. Почти нет комплексных специальных исследований на эту тему. Так рамках отдельных исторических исследований обсуждался вопрос

[3] Там же. P. 250.

[4] Лхамсурэн Б. Современные задачи партии в области идеологии // Сборник материалов совещания идеологических работников (доклад). – Улаанбаатар, 1963. – С.8–10.

о степени синизации монголов, а также об уровне влияния монголов на завоеванные ими страны. В качестве примеров можно привести исследование тайваньских историков Сяо Цицина и Ван Минсуна, которые касаются вопросов синизации монголов, а также монголизации китайцев в период династии Юань[1]. Сяо Цицин пишет, что китайская культура понесла большие потери только в начале монгольских вторжений. Что касается периода после завершения завоеваний, то есть в период установления и существования монгольской империи Юань, то положение Китая и его населения изменилось в лучшую сторону. Так как империя Юань была великой державой, центр которого находился в Китае, то монгольские завоеватели во главе с Хубилай хаганом, оседая там, были вынуждены относиться к местной китайской культуре с уважением. Поэтому Китай в цивилизационно-культурном отношении не понес существенных потерь Сяо Цицин имеет в виду как раз политику «мягкой силы», проводимой монголами в период своего господства.[2] И на наш взгляд, именно эта политика послужила причиной удержания монголами своего господства над Китаем нва протяжении почти 100 лет. Об этом можно говорить также в связи с завоеваниями монголами и Руси.

Таким образом, понимание идеи и практики политики «мягкой силы» монголов XIII века, говорит о том, что монгольское завоевание отнюдь не было исключительно жестоким, ничем необоснованным захватом чужих земель. Можно говорить об идее мироустроения, о глубоком понимании необходимости урегулирования отношений с завоеванными народами и странами, о создании там более или менее сбалансированной системы власти, при этом избегая синизации или славянизации

Влияние конфуцианства, а также православной церкви или ортодаксального христианства на Монголию в течение всего периода взаимодействия монголов со своими ближащими соседями в научной литературе сравнительно мало изучено. Существуют концепции о способности сохранения самобытности и

[1] 王明荪。 元代的士人与i政治。 台北。 (Ван Мин Сун. Китайские учёные мужи и их политика в период династии Юань. – Тайбэй, 1992) ; 蕭啓慶。元代时 新 探. 台北 · 1987。 (Сяоцицин. Новые исследования по истории Юань. – Тайбэй, 1987)

[2] 蕭啓慶。元代时 新 探. 台北 · 1987.-页30. (Сяоцицин. Новые исследования по истории Юань. – Тайбэй, 1987. – С. 30.)

слабой подверженности монголов иностранному культурному и мировоззренческому влиянию. Это объясняется прежде всего кочевой цивилизацией монголов, исключающей потребности в других культурных сегментах. То есть в силу господства кочевого образа жизни монголы могли обходиться шаманизмом, или тэнгрианством, а позже буддизмом. Тибетский буддизм, его глубокие философские идеи и мировоззрение органически вписались в духовный мир монголов, тем самым отвергая другие возможные религиозные альтернативы. «Родство душ» монголов и тибетцев обьясняется их кочевой жизнью, суровыми природными условиями, продиктовавшие им одинаковое восприятие мироздания и одинаковые способы приспособления к жизни. Геостратегия политики средневековых монголов во многом также обуславливали распространение тибетского буддизма, укрепляя основу утверждения этой религии в Монголии. Вышеуказанные обстоятельства явились причиной отсутствия возможности у России и Китая для успешного проведения политики «мягкой силы», используя религию. В связи с этим следует особо отметить, что и в период маньчжурского ига монголы сумели сохранить относительную суверенность своей религии, несмотря на разные попытки маньчжуров, с одной стороны, прибрать к своим рукам духовно-религиозные основы монголов, а с другой стороны, насадить среди монголов китайские духовно – религиозные ценности, такие как конфуцианство и даосизм. Тщетность вышеуказанной политики «мягкой силы» со стороны Китая говорит о том, что национально-освободительная борьба монголов происходила именно под руководством предводителя монгольского духовенства, его Величества Богдо-гэгэна, в результате чего была восстановлена монгольская государственность.

Как показывает практика мировой истории или как свидетельствует концепция Дж.Ная, политика «мягкой силы» «успешно» проводится в колониальных условиях и в условиях протектората. Сущность этой политики сродни китайской политике «кнута и пряника». Чередование жесткой колониальной политики с элементами некоторого отступления от нее как раз является классическим вариантом политики «мягкой силы», указанной в концепции Дж.Ная.

Монголия после провозглашения своей независимости и в эпоху «холодной войны» из-за отсутствия возможности выбора альтернативного пути своего развития (что было связано с ее географическим положением и давлением со стороны Советского Союза) была вынуждена войти в орбиту интересов России. Именно в эти периоды чётко прослеживается политика «кнута и пряника» СССР, преемника царской России по отношению к Монголии. Это было наиболее заметно в период активной политики Коминтерна и в годы сталинских репрессий. В этой связи следует упомянуть факт жестокого истребления по указанию И. Сталина представителей монгольского народа. Жертвы репрессий в Монголии исчисляются десятками тысяч. Называются числа от 55000 до 100000 человек, что составляло 8–13% населения тогдашней Монголии[1]. В то время было совершенно уничтожение ядра политической элиты страны, цвета монгольской нации, многие из которой были представителями «Золотого рода» Чингис хагана, а также членами буддийской сангхи. Этот трагический факт истории Монголии, глубоко сохранившийся в исторической памяти монгольского народа, тяжелым бременем лежит на современных монголо-российских отношениях.

Результатом политики «мягкой силы» Советского Союза по отношению к Монголии был отказ от традиционной монгольской письменности под предлогом ее «архаичности» и введения кириллицы в качестве основы монгольского письма. Почти до 1950-х годов официальные бумаги, (доклады и отчеты государственных ведомств Монголии) велись на корявом русском языке (в силу низкого уровня владения им), что говорит о попытках советизации/русификации МНР.

Говоря о политике «мягкой силы» по отношению к развивающимся странам, стоит отметить, что проведение данной политики в образовательной сфере бывает наиболее актуальным. Для самих развивающих стран эта часть социальной сферы бывает наиболее уязвимой и подверженной влиянию иностранных культурных ценностей. Именно овладение умом той или иной нации, приобщение ее к своим политическим

[1] Википедиа. Монгол дахь Их Хэлмэгдүүлэлт.: [сайт]. URL: https://mn.wikipedia.org/wiki/Монгол_дахь_Их_Хэлмэгдүүлэлт (дата обращения: 20.05.2022).

целям, достижение лояльного отношения к своим ценностям является главной целью политики «мягкой силы». Хотя сегодня в связи с быстрым развитием технологии и коммуникаций следует рассматривать данную проблему ещё шире. Для Монголии подготовка национальных кадров была и остается наиболее актуальной задачей. Так исторически сложилось, что после революции 1921 года у Монголии не было альтернативной возможности, кроме как принятия помощи со стороны Советского Союза, его образовательной системы. И для тогдашней Монголии, морально и физически изможденной под гнетом манчжурского правления, помощь Советского Союза несмотря на определенные издержки можно рассматривать как прогрессивное явление[2]. С другой стороны, именно политика «мягкой силы» в образовательной сфере явилась основой, на которой зижделось осуществление всей российской/советской политики, проводившей по отношению к Монголии в XX веке. Подготовка кадров Монголии в СССР явилась гарантом успешного претворения в жизнь «советизации» Монголии во всех отраслях народного хозяйства, начиная с горнодобывающей промышленности и заканчивая такими отраслями как сельское хозяйство, медицина, спорт, строительная промышленность, торговля, банковское дело, силовые структуры, армия и чиновничество. В результате просоветской политики проводился курс на внедрение однопартийной системы, комсомолизации, пионеризации, ослабление влияния религии. Влияние на руководящие элиты МНР проявилось в безвозмездной передаче частей монгольской территории (таких как Давст уул (Соленая гора)) Советскому Союзу, а также в вывозе в СССР могогочисленных культурных и археологических ценностей, хранящихся ныне в Эрмитаже. В эпоху социализма наблюдалось неприятие всего национального, искажение смысла национальных праздников, служивших фактором идентификации и обьединения монголов. Искуственно придав монгольским праздникам революционный идеологический пафос, власти нивелировали их национальный смысл и окраску, придав им второстепенное значение.

Крепкий фундамент, заложенный царской Россией в сфере экономики, науки и образования, обеспечивал дальнейшее

[2] История Монголии в 5 томах. – Улаанбаатар, 2005. – Том 4. – С. 113–115.

успешное развитие Советского Союза. Поэтому надо сказать, что Монголия, находившаяся в сфере его влияния, посредством кадров, подготовленных в СССР и через прямые советские инвестиции сумела заложить основу современной экономики. Хотя в экономическом и политическом отношениях все же являлась заложником и сырьевым придатком Советского Союза.

Распад Советского Союза внес существенные изменения в отношениях двух стран. Наблюдается снижение российского влияния на монгольскую политику и экономику. На этом фоне значительно активизируется китайский фактор развития современной Монголии. Страна, стараясь не попасть в зависимость уже от южного соседа, расширяет сферу своих внешних связей т придерживается курса «третьего соседа». По мере того, как Россия в 1990-е гг. улучшила отношения с Западом и нормализовала сотрудничество в КНР Монголия перестала быть для нее особенно значимой. Хотя полностью новая Россия не отказалась от интереса к Монголии, рассматривая ее геополитический буфер.

Годы, политического и экономического взаимодействия Монголии с СССР сформировали у монголов довольно противоречивое отношение к своему северному соседу. Определенная часть монгольского общества чувствует признательность России и русским, считая, что российский фактор во многом сыграла решающую роль в сохранении Монголией своего суверенитета. Другая часть монголов считает, что данная поддержка не была бескорыстной, а Россия изначально была заинтересована в Монголии как буферной стране, и что монголы за это заплатили слишком дорогую цену, особенно в годы сталинских репрессий.

Расхожее среди монголов выражение «старший брат», под которым подразумевается Россия, является результатом политики «мягкой силы». Восприятие же Монголии россиянами иное. Многие из них видят в Монголии хронически отсталую страну, географически привязанную к России. При случае не забывают припомнить средневековые завоевания Руси монголами, и даже склонны данный исторический факт связывать с современной отсталостью России.

Отношения Монголии с Китаем во второй половине XX века развивались крайне противоречиво и неравномерно. В период между 1952 и 1964 годами две страны заключили различные соглашения, открывшие новые возможности для сотрудничества в области культуры и образования. В эти же годы Китай начал оказывать гуманитарную и экономическую помощь Монголии, в рамках которой планировалась подготовка кадров. Однако по мере ухудшения советско-китайский отношений и неурядиц в самом Китае планы двустороннего сотрудничества были нарушены.

СССР и КНР имели свои интересы в отношении Монголии и конкурировали между собой за влияние на монгольское руководство, о чем свидетельствуют многочисленные архивные материалы того времени. По мере установления советского доминирующего влияния в Монголии, а также с началом «культурной революции» в КНР политике китайской «мягкой силы» был поставлен заслон. Вместе с этим в Монголии навсегда исчезли многие сегменты традиционной китайской культуры дореволюционного периода, имевшие неповторимый колорит и привлекательность. К 1950-м годам осталось очень мало людей, знающих китайский язык. Монголам был закрыт доступ для знакоства с достижениями современной китайской культуры, такими как литературные произведения Лу Синя и других авторов. Хотя надо сказать , что с некоторыми атрибутами китайской культуры монголы всё же успели ознакомиться, и ростки взаимодействия между Монголией и Китаем всё же имели место быть, оставив теплые вспоминание среди монгольского населения.

Осуществление политики «мягкой силы» при отсутствии активных экономических взаимодействий между странами бывает недостаточно эффективным. С сокращением экономических связей России с Монголией в начале 1990-х гг. политика «мягкой силы» стала основываться главным образом на исторической памяти двух народов, на воспоминаниях об общих победах в период Второй мировой войны. В этом смысле «мягкая сила» выступила неким балансиром двусторонних отношений, компенсируя активную торгово-экономическую составляющую отношений.

Сегодня, на наш взгляд , не приходится говорить о политике «мягкой силы» как о факторе, способном в корне изменить традиционные ценности той или иной страны. Как показывает опыт Монголии, страны с кочевыми традициями, подверженность её политике «мягкой силы» довольна поверхностна, а восприятие этой политики ею весьма рациональна и избирательна. Об этом можно судить по тому, как результаты, насаждаемые политикой «мягкой силы» в период китайско-манчжурского господства среди монголов, быстро исчезли в период социализма. Так же, как и результаты советского доминирования в Монголии сошли на нет с началом периода демократизации страны. Однако от взаимодействия с Советским Союзом Монголия оставила то, что ей было необходимо, сохранив, то, что было дорого в отношениях с Россией.

Сегодня Монголия по-прежнему заитересованна в хороших добрососедских отношениях со своими исконными соседями, в развитии с ними взаимовыгодных экономических отношений. Взаимодействие с соседями на протяжении многих веков дало стране богатый исторический опыт, который служит ей сегодня основой для дальнейшего продвижения и поступательного развития международных отношений.

Нынешняя Монголия как нация следует новым тенденциям современности. Ценностным ориентиром для нее является модернизация общества с сохранением традиционной культуры и хозяйства. Эталоном для подражания выступают такие страны как Япония и Южная Корея, страны АСЕАН , те страны, которые по существу являются «третьими соседями» Монголии.

Надо отметить, что с переходом Монголии на рыночную экономику в обществе наблюдаются некоторые изменения в характере трудовой деятельности монголов. Расцвет мелкой торговли с Китаем и другими странами, имеющими рынок дешевых потребительских товаров (Турция, Вьетнам и др.) привел к отрыву монголов от традиционного хозяйства – скотоводства. Это, в свою очередь способствует увеличению среди монгольского населения маргинальности. Стремительная урбанизация ведет к перегруженности столицы, вызывая массу проблем, начиная с автомобильных пробок, и заканчивая острой нехваткой детских садов и больниц. Ориентация страны в основном или исключи-

тельно на экспорт необработанных и полуобработанных продуктов горнодобывающей промышленности привела к застою в развитии других отраслей народного хозяйства. Эта ситуация увеличивает безработицу и миграцию трудовых ресурсов Монголии, в основном молодежи, за рубеж в поисках работы. Все эти проблемы до боли знакомы постсоветским республикам, перешедшим к рыночной экономике. Таким образом, мы видим, что ломка прежних устоев общества, основанных на советских стереотипах ведения хозяйства, происходит небезболезнено.

На смену прежней политике «мягкой силы» пришли новые формы сотрудничества. Например, «безвозмедная помощь», предоставление долгосрочного займа, льготные кредиты. Данные формы экономической помощи в странах с неразвитыми демократическими институтами ведут к «долговым ямам», т.к. зачастую значительная часть кредитных средств идет не по назначению и оседает на личных счётах крупных государственных чиновников за рубежом. Денежные махинации с долгосрочными займами приводят к невозможности по выплатам и грозят дефолтом. Что самое опасное, это может привести к потере территориальной целостности, когда часть государственной земли могут изъять в знак непогашенного долга. Об этом свидетельствует недавний пример с Таджикистаном.

Но вместе с тем в XXI веке при развитой системе глобальных демократических институтов политика «мягкой силы» не может, на наш взгляд, уничтожить традиционные ценности, исконную судьбу народов, тем более независимость той или иной страны. Да и страны и народы, подвергающиеся этой политике, имеют многовековой модифицированный на генном уровне иммуннитет, который выражен в чувствах идентичности, многовековом ведении традиционного хозяйства, культуре, государственности, исторической памяти, пусть порой горькой и поучительной. Такой иммунитет, чувство самосохранения монголов хорошо проявили себя в связи с пандемией «Covid-19», когда общество молниеносно и адекватно отреагировало на создавшуюся угрозу. Теперь наша страна является одной из стран, успешно борющихся с данной проблемой.

С другой стороны, нынешние изменения в международных отношениях дают малым странам благоприятную возможность

быть более «гибкими» во внешней политике и самостоятельно принимать решения или хотя бы открыто выражать свою позицию по тем или иным актуальным проблемам регионального и глобального развития.

Наша страна, придерживающаяся во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности политики «третьих соседей», старается как можно эффективнее и продуктивнее нейтрализовывать политику «мягкой силы» той или иной отдельной страны, придерживаясь баланса в отношениях между со всеми своими внешними партнерами. Исходя из этого, наша страна рассматривает политику «мягкой силы» других стран как взаимовыгодное сотрудничество в той или иной сфере, и даже в некоторых случаях в допустимых пределах принимает ее как знак доброй воли, стараясь не упускать из виду всевозможные последствия от ее применения.

С другой стороны, опираясь на опыт прошлого можно выяснить степень воздействия «мягкой силы», определить ее результативность в определенных временных рамках. Знание и понимание сущности «мягкой силы», ее целей и направленности в новых условиях дают возможность предусмотреть ее вероятные негативные проявления, но вместе с тем использовать эту «мягкую силу» в интересах своей страны.

Как показывает опыт, исчезновение результатов воздействия советского влияния после распада СССР, а также молниеносное исчезновение многовековых сегментов китайской традиционной культуры, говорит о том, что результаты внешнего воздействия ослабевают или вообще сходят на нет с прекращением целенаправленности данной политики, а также по мере смены поколений, которые были носителями прежних ценностей. Новые поколения с отличными от своих предшественников ценностными ориентирами как правило отторгают «традиционное» восприятие уходящей эпохи. И самое главное – отсутствие экономических рычагов для проведения политики «мягкой силы» медленно, но верно приводит к потере почвы для проведения такой политики. Достижения предыдущих лет постепенно исчезают, что видно на примере Советского Союза и пришедшей ей на смену РФ. Однако уход России вовсе не означает, что она потеряла интерес к Монголии и не заинтересована оказывать

влияние на нее и удерживать её в сфере своих интересов. Россия по-прежнему проводит политику «мягкой силы», но уже с другим содержанием, иными способами и меньшей степенью активности. Да и сама Монголия, географически граничащаяся лишь с двумя странами, заинтересована в сотрудничестве с Россией для сохранения и поддержания баланса отношений и внешнего влияния. Вместе с тем, именно геополитический фактор всегда будет определять и направлять российскую политику «мягкой силы» по отношению к Монголии. Монголия же в свою очередь аитересованна в процветающей, демократической России.

Следует отметить,что политика «мягкой силы» ныне играет немалую роль в регулировании политических отношений между странами. Именно гуманитарные отношения между народами играют роль связующего звена даже в условиях отсутствия дипломатических отношений. Народы стран дружелюбны по своей природе, и их тяга друг к другу, сотрудничество между собой, определяют отношения между странами, служа благоприятной почвой для политики «мягкой силы» в истиином ее смысле.

Культура и историческое прошлое человечества являются не только обьектом научных исследований, но и фактором привлечения интереса со стороны широких масс людей. Монголия, богатая своим историческим прошлым, являлась и является обьектом данных интересов, что привело к появлению и активному развитию международного монголоведения. Наша страна издавна считалась субъектом политики «мягкой силы», способным творить как свою историю, так и историю многих народов и стран.

Наблюдавшийся в 1950–70-е годы международный «бум» в исследовании истории и культуры Монголии ознаменовал появление громких имен как в отечественном, так и в зарубежном монголоведении. Фундаментальные труды ученых-монголоведов по истории, лингвистике и культуре Монголии послужили основой для современного международного монголоведения. Данное обстоятельство предоставило новый шанс монголам напомнить себе и миру о своем великом прошлом и сделать нашу

страну и народ привлекательным даже для Запада, который был главным противником «социалистического лагеря».

Ныне очень часто говорят о возможности проведения политики «мягкой силы» не только большими государствами и великими державами, но и другими странами, менее экономически развитыми и недостаточно сильными, но способными при этом создавать благоприятные отношения с остальным миром. Многовековая история Монголии по-прежнему служит для монголов почвой для привлечения внимания со стороны международного сообщества. Монголия как носитель цивилизации древних кочевых народов, живших когда-то на территории современной Монголии, а также наследница Монгольской империи, обладает всеми возможностями для ведения успешной политики «мягкой силы». Особенно это важно для развития сотрудничества в области культуры и образования. Вместе с тем надо сказать, что сферы для проведения политики «мягкой силы» со стороны малых стран на современном этапе достаточно широки, начиная с оказания помощи тем или странам (принятие беженцев, участие в миротворческих операциях ООН и др.) и заканчивая предоставлением благоприятных условий для иностранных инвестиций, что и старается делать современная Монголия.

Список использованной литературы и источников

Ариунгуа, Н. История Монголии и китайские источники периода Минской династии [Текст] / Н Ариунгуа. – Улаанбаатар, 2022.

История Монголии в 5 томах. – Улаанбаатар, 2004. – Том 4. – 403 с

Лекция Е. Пономаревой ««Мягкая сила» как инструмент влияния». URL: https://www.youtube.com/watch?v=obG1o1i7IPg (дата обращения: 20.05.2022).

Ли, С. Приоритетные направления китайско-монгольских отношений в начале XXI века [Текст] / С. Ли // Международные отношения. – 2020. – № 4. – С. 11–28.

Лхамсурэн, Б. Современные задачи партии в области идеологии [Текст] : сборник материалов овещания идеологических работников (доклад). – Улаанбаатар, 1963.

Рейтинг «мягкой силы» в мировой политике. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kxf0h_S9oJw (дата обращения: 20.05.2022).

Родионов, В. А. «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях [Текст] / В.А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 8. – С. 255–260.

Ариунгуа, Н. Хүйтэн дайны дараах Монгол, Хятад, Оросын гурван талт харилцааны үе шат ба онцлог [Текст] / Н Ариунгуа // Олон улс судлал. – 2019. – №1. – Х. 40–63.

Нацагдорж, Ш. Чингис хааны цадиг [Текст] / Ш. Нацагдорж. – Улаанбаатар: Соёмбо хэвлэлийн газар, 1991. – 317 х.

Halperin, Ch.J. Russia in the Mongol empire in comperative perspective [Текст] / Ch.J. Halperin // Harvard journal of Asian Studies (Cambridge). – 1983. – Vol.43. – №1–2. – P. 239–261.

萧啓慶。元代时 新 探. 台北，1987. (Сяо Цицин. Новые исследования по истории Юань. – Тайбэй, 1987.).

А. Нямдолжин

1.3. «Мягкая сила» великих держав в Монголии: ретроспективный обзор

В современных международных отношениях помимо «жесткой силы», к которой относятся политическая, военная мощь государства, исторические факторы воздействия на соседей, все большее значение стала приобретать так называемая «мягкая сила». Понятие «мягкая сила» введено в научный оборот американским политологом Джозефом Наем в начале 1990-х гг. В статье Дж.Ная под названием «Soft Power», опубликованной в журнале Foreign Policy в 1990 г., он рассуждает о новой конфигурации мирового порядка после окончания «холодной войны». По его мнению «мягкая сила» – это способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения.[1]. Позднее он также добавляет термин «умная сила» («smart power») для обозначения сочетания «мягкой» и «жесткой» силы[2].

На сегодняшний день все страны глобальных и региональных держав сформулировали для себя концепции развития своей «мягкой силы» и вкладывают в значительные интеллектуальные и финансовые ресурсы. Все ведущие державы, как Франция, США, Германия, Великобритания, Россия, Япония и Китай, проводят политику в целях расширения своего мягкого влияния на соседние страны и все мировое сообщество.

Геополитическое определение Монголии как зажатой между двумя великими державами, не имеющей выхода к морю, слаборазвитой страны, изолированной от мирового рынка, нуждающейся в помощи в целях развития, устарело. В настоящее время Монголия является одним из наиболее удачных примеров относительно быстрой и успешной трансформации из бывшей социалистической в современную, динамично развивающуюся, демократическую страну с рыночной экономикой и открытой

[1] Nye J. Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – №80. – P. 153–171.

[2] Nye J. Smart Power and the «War on Terror» // Asia-Pacific Review. – 2008. – Vol.15. – №1. – P. 1–8; Nye J. Smart power // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol.26. – №2. – P. 7–9.

внешней политикой. Повышенный интерес к Монголии обусловлен целым рядом геополитических, стратегических, экономических и других факторов. Страна, занимающая важное стратегическое положение, превращается в арену открытого политического и экономического соперничества между Россией, Китаем, США, Японией, ЕС, Великобританией, Канадой, Южной Кореей и другими странами.

«Мягкая сила» России в Монголии

В России проблематика «мягкой силы» не раз поднималась на самом высоком уровне в 2011–2014 гг. Выступая на Совещании послов и постоянных представителей России за рубежом в июле 2012 г., президент В.В. Путин заметил, что «политика "мягкой силы" предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере. Пока, надо признать, образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальной ситуации в нашей стране, ни ее вклада в мировую цивилизацию, науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. Те, кто стреляет и постоянно наносит ракетные удары тут и там, они молодцы, а те, кто предупреждает о необходимости сдержанного диалога, те вроде как в чем-то виноваты. А виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию»[3]. Министр иностранных дел С.В. Лавров также отмечал: «Сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса "мягкой силы" невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире»[4]. В «Концепции внешней политики Российской Федерации» (февраль 2013 г.) констатируется, что «мягкая сила» стала неотъемлемой частью мировой политики. В документе она определяется как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гума-

[3] Путин В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4 (25). – С. 11.

[4] Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы» // Международная жизнь. 13.12.2011. URL: http://interaffairs.ru/read. php?item=8129 (дата обращения: 20.05.2022).

нитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы»[1].

«Мягкая сила» включает в первую очередь информационные, гуманитарные, общечеловеческие и другие механизмы воздействия на другие общества. Они должны создавать образ привлекательной страны. В этом отношении бесспорно активную политику проводит наш северный сосед – Россия, которая оказала существенное влияние на политическую систему, идеологию, общество, экономику, культуру, искусство, образование и науку Монголии на протяжении всего XX века. Таким образом, с одной, стороны, наследство Советского Союза сформировало определенный задел для продвижения политики «мягкой силы» России на территории Монголии. С другой стороны, непременное условие для формирования «мягкой силы» России в отношениях с Монголией – это культурное влияние, способствующее духовной близости монгольского и российского народов, их взаимопониманию и доверию. На стратегическом уровне концепция Российской «мягкой силы» в Монголии определяется степенью совпадения и согласования национальных интересов двух государств, порождающих точки соприкосновения и сотрудничества, формирующие мотивы к сближению, общие векторы и направления внешней политики, стимулирующие выработку согласованной международной повестки дня и открывающие каналы для культурного влияния.

В современных монголо-российских отношениях «мягкая сила» становится одним из наиболее эффективных способов развития партнерских связей двух стран на глобальном и региональном уровнях. За последние 30 лет Монголия и Россия активно перестраивались, идут параллельными курсами в настоящее время: обе страны, преодолевая схожие политические и экономические проблемы, движутся к формированию современного гражданского общества, опираясь на накопленный за период социализма многолетний опыт плодотворного сотрудничества в гуманитарной сфере. Именно поэтому ценности российской цивилизации встречают понимание и одобрение у

[1] Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 20.05.2022).

населения Монголии, принимаются различными слоями монгольского общества, что во многом определяет эффективность гуманитарного сотрудничества двух стран.

В настоящее время базовым учреждением, ведущим деятельность по разработке на федеральном уровне российской стратегической модели «мягкой силы», является Федеральное агентство по делам по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданное Указом Президента РФ в сентябре 2008 года. В сферу полномочий структуры входит реализация проектов, целью которых является укрепление международных связей, сотрудничество в гуманитарной сфере и формирование позитивного имиджа России в мире. Помимо Россотрудничества вопросами развития российской «мягкой силы» занимается Фонд «Русский мир». Деятельность Фонда направлена на популяризацию и распространение русского языка за рубежом, на поддержку общественных и некоммерческих организаций, различных научно-образовательных учреждений, занимающихся усовершенствованием методик обучения языку и разработкой отдельных программ по его изучению, а также по изучению русской литературы и истории России. Деятельность Россотрудничества осуществляется при непосредственном контроле со стороны МИД, а также – администрации Президента России.

Русский Дом в Улан-Баторе, известный как Российский центр науки и культуры (РЦНК), является представительством Федерального агентства-Россотрудничество. Русский Дом в Улан-Баторе (РЦНК-ДСНК) за свою 45-летнюю историю работы в Монголии выполняет миссию проводника народной дипломатии. С переходом двух стран к рыночной экономике формат народной дипломатии претерпел некоторые изменения, изменился и сам подход к отношениям между государственными и общественными организациями, гражданами, приобретая часто прагматический характер. И все-таки добрососедские и дружественные отношения народов Монголии и России, заложенные в предыдущие годы, сохранились во многом благодаря совместной деятельности Русского дома и партнеров СМОД, МонАПРЯЛ, ОДМР, МАВСУЗ.

В новых условиях культура и язык остаются одними из важнейших каналов взаимопонимания между народами. Русский Дом ведет постоянную работу по повышению интереса монгольской молодежи к русскому языку, культуре и образованию России через открытие Центров русского языка (ЦРЯ). На сегодняшний день открыто сорок три (43) Центра: 15 в Улан-Баторе и 28 в аймаках, в которых более тысячи монгольских школьников и студентов повышают свои знания по русскому языку, знакомятся с культурой и традициями России. Деятельность ЦРЯ направлена не только на изучение русского языка, но и на популяризацию русской культуры, традиций и обычаев, формирующих позитивный образ современной России.[1]

Следует признать, что образование является мощным инструментом «мягкой силы», приобретая характер механизма, или канала публичной дипломатии. В этой связи одним из актуальных направлений взаимодействия наших стран является область образования. Основа современного сотрудничества в образовательной сфере между Монголией и Россией была заложена еще в начале прошлого столетия. Обращение к российскому опыту организации высшего образования было обусловлено в начале XX века потребностью Монголии в высших профессиональных кадрах и отсутствием опыта их ускоренной подготовки, в середине века – схожим политическим и экономическим строем двух стран, идентичными проблемами в области образования. Теория и практика СССР в области образования рассматривалась тогда как модель для создания новой системы высшего образования в Монголии. За эти годы в Советском Союзе было подготовлено более 60 тысяч монгольских специалистов.[2]

Таким образом, в течение ста лет монголов обучали на курсах, различных старжировках в СПТУ, техникумах, институтах, университетах, аспирантурах и докторантурах. Это значит, что в сфере сотрудничества двух стран монгольская доля ограничивается только обучением монголов в России. Российская доля в

[1] Кильпякова В.В. Русский Дом в Улан-Баторе – проводник народной дипломатии // Олон улс судлал – 2021: Монголын Орос судлал. Эрдэм шинжилгээний эмхэтгэл. Улаанбаатар, 2022. – С. 128.

[2] Нямдолжин А. «Мягкая сила» в монголо-российских отношениях // Россия-Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. Улаанбаатар, 2017. – С. 112.

этой сфере можно сказать преобладающая. Почему? Потому что раньше из Советского Союза нам направляли учителей, преподавателей, во многих аймаках даже были советские школы, на практику приезжали советские студенты, научные экспедиции и так далее.

После распада СССР содержание участия России в сотрудничестве в сфере образования изменилось кардинально. В конце 1980 – начале1990-х гг. в обеих странах были предприняты шоковые, по существу, революционные преобразования. Были нарушены не только многолетние двусторонние политические, торгово-экономические отношения, но и прочные гуманитарные связи. Однако, совместными усилиями обеих стран удалось приостановить процесс свертывания связей на этих направлениях, подписаны новые соглашения о сотрудничестве.

Благодаря заключению межгосударственного Договора о сотрудничестве и дружественных отношений между Монголией и РФ 1993 г. была обновлена и продолжает совершенствоваться договорно-правовая база взаимодействия в сфере образования.

В нынешних условиях правовой основой отношений в сфере образования служит межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры и науки, заключенное 5 апреля 1995 г. Соглашения о культурном и научном сотрудничестве между правительствами Монголии и РФ и затем дополнена межправительственными Программами сотрудничества в области культуры, образования и науки в 2003–2008 гг., а затем в 2008–2011 и в 2012–2015 гг., и в 2018–2020 гг. соответствующими положениями Улан-Баторской и Московской деклараций 2000 и 2006 гг., Декларации о развитии стратегического партнерства 2009 г. и Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией от 3 сентября 2019 г.

Количество распределяемых квот с каждым годом растет. Если в 2011 году на Монголию выделялось 270 мест межправительственной квоты, то в 2020 году она составила 500 мест, а в 2021 году выделено 600 мест. в связи со сложной ситуацией в мире, связанной с распространением опасного вируса COVID –19, количество кандидатов для участия в кампании по отбору

иностранных граждан на обучение в России в 2021/22 учебном году не уменьшилось.

На сегодняшний день в российских вузах обучается около 8 тысяч монгольских студентов, 4 тысячи из которых были вынуждены вернуться на родину в разгар пандемии коронавирусной инфекции в начале 2020 года и на протяжении почти двух лет, студенты не могли вернуться в свои вузы для продолжения обучения в очном формате.

С точки зрения концепции «мягкой силы» воздействие, осуществляемое во время образовательного процесса, гораздо эффективнее, нежели краткосрочные пропагандистские кампании. «Мягкая сила» образования реализуется в основном через обучение элит или будущих лидеров других стран и через обучение людей, пусть и не принадлежащих к элите, но которые после завершения учебного процесса благоприятно оценивают страну, в которой обучались. Выпускники российских вузов нередко входят в политическую и интеллектуальную элиту государств и могут способствовать формированию двусторонних связей. Среди монгольских выпускников российских учебных заведений есть много известных государственных и политических деятелей и видных ученых. Очень важно, что после возвращения домой они сохраняют профессиональные и дружеские связи с жителями страны обучения.

Монголовед Института востоковедения РАН В.В. Грайворонский в своей монографии писал в качестве рекомендации: «Для сохранения и укрепления позиции России в Монголии более четко сформулировать государственную стратегическую политику России по отношению к Монголии, по возможности укреплять существующие и завоевывать новые позиции в политической, экономической, культурной, гуманитарной сферах жизни Монголии, с учетом позитивного и негативного опыта советско-монгольских и российско-монгольских отношений в XX – начале XXI вв., способствовать формированию и закреплению в сознании новых поколений монголов традиционно дружественного позитивного имиджа России; при разработке и реализации среднесрочных и долгосрочных программ социально-экономического и культурного развития Восточной Сибири, Бурятии, Забайкальского края и других субъектов

России, граничащих с Монголией, по возможности учитывать национальные интересы Монголии и неиспользованный потенциал двустороннего сотрудничества[1]. Одним словом, в культурно-гуманитарной области и монголы, и россияне заинтересованы в сохранении, а по возможности и наполнении новым, адекватным содержанием богатейшего, многолетнего позитивного потенциала на этот счет.

Облик российской «мягкой силы» в Монголии определяется, прежде всего, форматом двусторонних монголо-российских отношений, той самой формулой «всеобъемлющего стратегического партнерства», которую Монголия и Россия стремятся реализовать на практике, привлекая для этого различный инструментарий, включающий традиционную дипломатию и «мягкую силу». Характер стратегического партнерства между двумя странами зависит от совпадения интересов, целей, которые становятся реальными при поддержке и опоре на ресурсы друг друга. Все это создает прочную основу для эффективного использования «мягкой силы» в интересах развития монголо-российских отношений.

«Мягкая сила» Китая в Монголии

Сегодня Китай является не только одним из основных центров силы международных отношений, но и сильным конкурентом в сфере «мягкой силы» США. Основными целями политики «мягкой силы» Китая являются: определение своей роли и укрепление положения на международной арене; активное участие в продвижении инновационных проектов в рамках международного сотрудничества; содействие развитию идеи «китайских возможностей» и избавлению от идеи «китайской угрозы»; продвижение новой системы китайских ценностей с элементами традиционализма.

На современном этапе политика «мягкой силы» Китая в отношении Монголии опирается на культурно-цивилизационные ценности. В 2014 г. во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Монголию была подписана совместная Деларация об установлении отношений всеобъемлющего стратегического сотрудничества. Главной целью всеобъемлющего стратеги-

[1] Грайворонский В.В. Монголия в начале XXI века. (политика, экономика, общество). – М.: ИВ РАН, 2017. – С. 268–269.

ческого партнёрства является установление «доверительных, ответственных добросоедских, партнёрских и дружеских» отношений. Во время визита была достигнута договорённость о том, что китайская сторона ежегодно будет предоставлять в течение пяти последующих лет квот на переобучение в Китае 1000 граждан Монголии, а также правительственные гранты для 1000 монгольских студентов, повышение квалификации в КНР, 500 военнослужащих, приглашение в Китай 500 молодых людей и 250 представителей прессы, журналистики[1].

Согласно договоренностям глав правительств двух стран, монгольская сторона официально взяла на себя обязательства о поддержке деятельности Центра китайской культуры и Института Конфуция, которые действует в Улан-Баторе. Центр китайской культуры с 2009 г. регулярно проводит конкурс по китайскому языку среди студентов факультетов китайского языка вузов Монголии. Конкурс стал популярным и в нём принимают участие много студентов, так как победелям предоставляется право на продолжение учёбы в КНР на стипендии правительства Китая.

За последние 10 лет в течение одного года Китай посетили по различным делам, включая торговлю, бытовую поездку и лечение более 1 миллиона монголов, что фактически составляет одну треть от всего населения страны.

Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что всестороннее культурное сотрудничество между Монголией и Китаем интесивно развивается и расширяется. Большинство китайских культурных мероприятий являются официальными и проводятся при непосредственном участии государственных культурных центров, посольств или институтов Конфуция. С точки зрения формирования привлекательного образа страны-субъекта большее внимание все же следует уделять и современным проявлениям национальной культуры с целью охватить широкие массы целевой аудитории. Судя по всему, руководство Китая проводит целенаправленную, долгосрочную, «мягкую» политику, призванную привлечь внимание населения, особенно

[1] Алтанцэцэг Н. Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность // Общество и государство в Китае. – 2018. – Том 48. – №1. – С. 363.

молодежи Монголии, к выдающимся экономическим, социальным и культурным достижениям Китая; политику, направленную на преодоление исторически сложившихся и не изжитых у большей части монголов настороженности и недоверия к китайцам и Китаю. В 2011 г. Вин Иминь, исследователь Центра исследований в области развития при Госсовете КНР, писал в своей статье «Культурная мягкая сила», опубликованной в журнале «Евразийские исследования социального развития» о монголо-китайских отношениях: «С конца прошлого века Китай стал лидером в торговле и инвестициях с Монголией. Однако осторожное и подозрительное отношение монголов к Китаю полностью не исчезло, и даже теория «китайской угрозы» существует в Монголии и продолжает оставаться голосом, несовместимым с нынешним состоянием двусторонних отношений»[2]. При этом негативные настроения в отношении КНР могут быть использованы в интересах третьей стороны для дестабилизации обстановки в регионе, что может отрицательно сказаться не только на имидже Китая, но и на реализации его амбициозных проектов, в числе которых строительство транспортно-логистической сети и создание зоны свободной торговли.

Политика «мягкой силы» США в Монголии

Наличие США в качестве «третьего соседа» и всеобъемлющего партнера Монголии продемонстрировало замечательные способности Улан-Батора проводить гибкую и суверенную внешнюю политику. Монголии важно быть активным глобальным игроком, чтобы избежать влияния ближайшего окружения. Всеобъемлющее партнерство, ставшее результатом переговоров между американским президентом Дж.Бушем-младшим и тогдашним президентом Монголии Н. Энхбаяром, включало в себя Договор «О вызовах тысячелетия», который продолжает помогать Монголии в решении возникающих проблем. Когда президент США Б. Обама вступил в должность в 2008 году, мировая политика, экономика, торговля и развивающиеся рынки были сосредоточены в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

[2] Вин Имин. Монгол-Хятадын харилцаан дахь «соёлын зөөлөн хүч» (перевод с кит. Г. Гомбо) // Евразийн нийгмийн хөгжлийн судалгаа сэтгүүл. 2011. URL: https://ubinfo.mn/read/5006 (дата обращения: 01.05.2022).

Стратегия администрации Обамы, известная как «поворот в Азию», была направлена на укрепление уже существующих двусторонних отношений и альянсов при одновременном продвижении многосторонней региональной экономической интеграции, такой как Транс-тихоокеанское партнерство (ТТП). Во время рабочего визита тогдашнего президента Ц. Элбэгдоржа в Соединенные Штаты в 2011 году Обама поддержал Монголию в международных делах – от вопросов региональной безопасности до миротворчества на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Во время правления президента Д. Трампа Соединенные Штаты стали пятым стратегическим партнером Монголии, расширив двустороннее экономическое сотрудничество.

«Мягкая сила» США в Монголии расширяется во всех сферах отношений: экономике, образовании и культуре. Постоянно растёт интерес к изучению английского языка среди монгольского населения (особенно молодёжи)[1]. Это связано с престижностью получения высшего образования в западных странах, в первую очередь в США. С 2011 г. Министерство образования Монголии при участии международного провайдера образовательных услуг из Кембриджа (Cambridge Assessment International Education) проводило реформу среднего образования для обеспечения его соответствия международным стандартам. Это не только способствовало созданию новых школ, где действуют признанные в США и Великобритании кембриджские стандарты преподавания английского языка, но и упростило для монгольских школьников последующее обучение в высших учебных заведениях англоговорящих стран. Так, ради обмена опытом институциональных реформ и развития демократии США и Монголия с 2007 г. организуют обменные программы для представителей законодательной власти двух стран. В 2011 г. монгольское правительство приняло решение дополнительно выделить 600 тыс. долл. на реализацию Программы Фулбрайта, чтобы расширить возможность участия в ней студентов из Монголии. В США в настоящее время обучаются почти 3 тысячи монгольских студентов. В рамках партнерства между двумя странами США предоставляют стипендии 120 монгольским

[1] Dulguun B. 2019 proclaimed «Mongolia-U.S. Youth Year» // The UB Post. March 2019. – №23 (1991). – P. 4.

студентам в год. США продолжат расширять свою политику «мягкой силы» в отношении Монголии в культурной сфере, пользуясь растущей популярностью английского языка и американского образования в стране, и реализовывать программы образовательного и культурного обмена.

Политика «мягкой силы» Японии в Монголии

Япония активизировала свою политику «мягкой силы» в Монголии, чтобы усилить свое влияние после того, как влияние России в Монголии ослабло. К тому же Монголии была необходимо компенсация утраченной всесторонней торгово-экономической помощи СССР. В этот критический момент в 1991 г. по инициативе Япониии была создана специальная группа развитых стран-доноров и международных финансово-кредитных организаций для содействия продвижению Монголии по пути демократии и рыночных отношений. Политика «мягкой силы» Японии в отношении Монголии реализуется по ряду направлений, наиболее эффективными из которых являются безвозмездная помощь, льготные кредиты и техническое сотрудничество.

Следующим важным направлением японской политики «мягкой силы» в Монголии является культура и образование. После 1990 г. одновременно с увеличением масштабов двустороннего сотрудничества в Монголии наблюдался стремительный рост интереса к японской культуре, языку и образованию. Правительства двух стран реализуют обменные программы для представителей законодательной власти, частных предпринимателей, а также студентов вузов. В настоящее время в Японии учатся более 5 тысяч монгольских студентов. Свои программы в сфере образования в Монголии реализуют также АБР, JAICA, SPF, JETRO, Japan Foundation и другие международные и неправительственные организации с японским участием. Всего в Японии проживают более 5500 монгольских граждан, а в Монголии – около 400 японцев. Кроме того, за счёт финансирования со стороны Японии был проведён капитальный ремонт и оснащены современным учебным оборудованием 55 общеобразовательных школ в 10 монгольских аймаках. Недавно в Монголии была внедрена японская система инженерного образования «Kosen», и в настоящее время в Монголии действуют три технологические школы «Kosen», которые начали готовить

высококвалифицированных инженеров, пользующихся большим спросом в Монголии. В ходе реализации «тренингового инженерного проекта тысячелетия» стороны договорились обучить в Японии в 2021 г. 200 монгольских студентов по программе «Kosen», 320 студентов по совместной программе бакалавриата, 160 студентов по докторским и магистерским программам и 320 студентов – по неюридической программе[1] Японская традиционная борьба сумо играет важную роль в распространении японской культуры в Монголии с 1990-х годов. С одной стороны, монгольская молодежь добилась больших успехов в японской борьбе сумо и познакомила Монголию с островной Японией, но, с другой стороны, очевидно, что они вносят значительный вклад в популяризацию Японии среди монгольской аудитории. Благодаря борьбе сумо монголы стали так же хорошо осведомлены о японских обычаях и традициях, как и любой другой народ в мире, а тенденция уважать и подражать японской культуре стала обычным явлением среди монгольской молодежи.

Другой институциональной формой реализации потенциала «мягкой силы» Японии является, созданный в 2002 г. Японский центр, который предоставляет информацию о Японии широкой общественности по различным каналам, включая библиотеки, аудиовизуальные ресурсы и Интернет, передает заинтересованным лицам целевую информацию о местах их пребывания в Японии. Тем самым Центр играет значительную роль в развитии взаимодействия и взаимопонимания между Монголией и Японией , постоянно расширяя свою деятельность, вовлекая в сотрудничество частные предприятия, органы государственной власти, студентов и широкую общественность.

Заключение

Обобщая обзор политики «мягкой силы» великих держав в Монголии, можно сказать, что Китай, несомненно, является страной с наиболее интенсивной политикой из четырех упомянутых стран. КНР является крупнейшим торговым партнером Монголии, занимая первую строчку в её импорте и экспорте. Доля Китая во внешнеторговом и инвестиционном секторе

[1] Майдар С. 369 студентов из Монголии обучаются в стране Восходящего Солнца. URL: https://asiarussia.ru/news/19609 (дата обращения: 01.05.2022).

Монголии неуклонно растет. Политика «культурной мягкой силы», как второй этап реализации политики «мягкой силы» Китая, широко применяется в области языка, культуры, туризма, кино и музыки, особенно в сфере образования.

В такой ситуации Монголия должна работать над тем, чтобы правильно определить свою политику и реагировать на политическом уровне. В январе 2016 г. правительством Монголии была утверждена «Программа по пропаганде Монголии за рубежом», которая направлена на определение ведущих приоритетов внешней пропаганды в рамках внешнеполитической концепции страны, созданию комплексного взаимосвязывающего механизма, и содействию продвижения двустороннего и многостороннего сотрудничества с помощью внешнепропагандистских составляющих и культурных ценностей. Также был утвержден план действий по реализации «Программы по пропаганде Монголии за рубежом», чтобы установить контроль над ее выполнением. За период реализации Программы с 2016 по 2019 годы было запланировано в общей сложности 316 проектов, в рамках которых организовано 650 мероприятий за рубежом и в стране. Поскольку пропаганда далеко не всегда основывается на привлекательности, которая является ключевым моментом концепции «мягкой силы» Дж.Ная, правительству Монголии пора разработать обоснованную политику «мягкой силы» Монголии. Опыт других стран в области выстраивания национальной модели «мягкой силы» может стать полезным и для Монголии, которая пока еще делает первые шаги в плане комплексного применения национальных ресурсов «мягкой силы» в целях продвижения своего собственного бренда.

Список использованной литературы и источников

Алтанцэцэг, Н. Китайско-монгольские отношения в рамках всеобъемлющего стратегического сотрудничества: желания и реальность [Текст] Н. Алтанцэцэг // Общество и государство в Китае. – 2018. – Том 48. – №1. – С. 357–367.

Грайворонский, В.В. Монголия в начале XXI века. (политика, экономика, общество) [Текст] / В.В. Грайворонский. – М.: ИВ РАН, 2017. – 352 с.

Майдар С. 369 студентов из Монголии обучаются в стране Восходящего Солнца. URL: https://asiarussia.ru/news/19609 (дата обращения: 01.05.2022).

Министерство иностранных дел Российской Федерации. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 20.05.2022).

Нямдолжин, А. «Мягкая сила» в монголо-российских отношениях [Текст] / А. Нямдолжин // Россия-Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. – Улаанбаатар, 2017. – С. 109–117.

Путин, В.В. Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности [Текст] / В.В. Путин // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №4 (25). – С. 8–11.

Студнева, Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы» [Текст] / Е. Студнева // Международная жизнь. 13.12.2011. URL: http://interaffairs.ru/read. php?item=8129 (дата обращения: 20.05.2022).

Вин Имин. Монгол-Хятадын харилцаан дахь соёлын “зөөлөн хүч” // Евразийн нийгмийн хөгжлийн судалгаа сэтгүүл. 2011. URL: https://ubinfo.mn/read/5006 (дата обращения: 20.05.2022).

Dulguun, B. 2019 proclaimed «Mongolia-U.S. Youth Year» [Текст] / B. Dulguun // The UB Post. March 2019. – №23(1991). – P. 4.

Nye, J. Soft Power [Текст] / J. Nye // Foreign Policy. – 1990. – №80. – P. 153–171.

Nye, J. Smart Power and the «War on Terror» [Текст] / J. Nye // Asia-Pacific Review. – 2008. – Vol.15. – №1. – P. 1–8.

Nye, J. Smart power [Текст] / J. Nye // New Perspectives Quarterly. – 2009. – Vol.26. – №2. – P. 7–9.

Глава 2
«Мягкая сила» России в Монголии: традиции, текущее состояние и перспективы

В. А. Родионов

2.1. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: современное положение и потенциал использования

Даже самый поверхностный анализ текущей внешнеполитической деятельности России на монгольском направлении позволяет сделать один главный и в целом не утешительный вывод. Все попытки российской стороны увеличить свое присутствие (прежде всего, в экономической сфере) в Монголии, как правило, заканчиваются неудачей. Достаточно вспомнить такие резонансные события как борьба российских компаний за право разработки крупнейших монгольских месторождений меди (Оюу Толгой), угля (Таван Толгой), серебра (Асгат), урана (Мардай), попытки РЖД принять участие в модернизации Трансмонгольской железной дороги. Несмотря на поддержку со стороны высшего руководства Российский Федерации, ни одно из вышеперечисленных событий не увенчалось успехом, отечественный капитал так и не смог решить поставленные задачи и зайти на монгольский рынок полезных ископаемых или успешно инвестировать в транспортную отрасль Монголии. Данные результаты заставляют задуматься о причинах подобного положения вещей и способах изменения ситуации в лучшую для России сторону.

Принимая во внимание высочайшую степень конкуренции, развернувшейся в современной мировой политике, многие

авторы констатируют активное использование государствами различных форм, методов и инструментов, объединяемых общей категорией «мягкая сила» («soft power»). Несмотря на известное противоречивое и зачастую скептическое отношение ряда представителей исследовательского сообщества к «мягкой силе» как научной категории, мы вслед за родоначальником данного понятия Дж. Наем-младшим видим в ней, прежде всего, «способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности»[1]. Конкретизируя функциональное назначение данного явления, можно сказать, что речь идет в том числе о формировании и культивировании в стране-объекте влияния общественного мнения, отвечающего интересам страны-субъекта влияния.

Институционализация «мягкой силы» в России произошла в 2010-е гг., когда упоминание этого понятия в официальных документах и выступлениях государственных лиц стало нормой. В действующей Концепции внешней политики РФ, утвержденной 30 ноября 2016 г., указано, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»[2]. О важности «мягкой силы» для российской внешней политики неоднократно высказывался президент В.В. Путин[3], министр иностранных дел С.В. Лавров. В частности, глава МИД во время одной из пресс-конференций заявил: «Более широкое задействование так называемой «мягкой силы» будет способствовать повышению практической эффективности внешней политики России»[4].

---

[1] Nye J. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs. – P. 7.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 20.05.2022).

[3] Путин назвал русский язык «мягкой силой». URL: https://ria.ru/20191105/1560601120.html (дата обращения: 20.05.2022).

[4] Лавров: Россия продолжит политику «мягкой силы». URL: https://ria.ru/20130123/919370016.html (дата обращения: 20.05.2022).

Помимо развития идейно-политического дискурса, реализация «мягкой силы» требует наличия институциональных структур, представленных государственными и негосударственными организациями. В современной России можно отметить ряд подобных организаций (например, Россотрудничество, фонд «Русский мир», Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова), которые в основу своей деятельности включают распространение российского культурного влияния за рубежом, используя широкую палитру методов «мягкой силы». В целом, общий настрой на использование «мягкой силы» во взаимоотношениях с зарубежными партнерами, а также соответствующее институциональное сопровождение являются частью внешнеполитической стратегии России.

Однако, общая стратегия не тождественна конкретному сценарию/алгоритму действий по отношению к той или иной стране-объекту влияния. Что именно и как применять в отношениях со страной-объектом влияния является одним из главных вопросов в рамках стратегии применения «мягкой силы». С.К. Песцов и А.М. Бобыло выделяют три основных элемента формулы «мягкой силы»: ресурсы, привлекательность и желаемое поведение, объединяемые между собой производством привлекательности и производством желаемого поведения[5]. А.П. Ворочков, изучая публичную дипломатию как проявление «мягкой силы», указывает на технологии, ресурсы, институциональных участников и эффект, при помощи которых возможен анализ данного феномена[6]. Учитывая многоаспектность темы российского влияния в современной Монголии, в данном параграфе основное внимание будет сосредоточено на состоянии ресурсной и институциональной базы «мягкой силы» России в ее отношениях с монгольской стороной.

В начале 1990-х гг. была открыта новая страница в истории отношений России и Монголии. Взаимный отказ двух

[5] Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. – История. – 2015. – №2. – С. 111.

[6] Ворочков А.П. Институты реализации «мягкой силы» в современной России // Вестник Марийского государственного университета. – Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – №2 (6). – С.55.

государств от социалистической идеологии и союзнических отношений привел к коренным изменениям в системе двустороннего сотрудничества. Стремясь укрепить добрососедские отношения с Россией и Китаем и развить партнерские связи с внерегиональными державами, Монголия отказалась от членства в каких-либо военно-политических союзах и сделала ставку на многоопорную внешнюю политику. В результате впервые за многие десятилетия монгольская территория перестала рассматриваться в качестве арены потенциального военного противостояния великих держав. Данные изменения стали предпосылкой для принципиально новой международно-политической ситуации вокруг Монголии, характеризующейся невоенным соперничеством великих держав за влияние в регионе. Конкурентная среда, созданная под влиянием многоопорной внешней политики Улан-Батора, заставляет основных игроков, включая Россию, активно использовать методы «мягкой силы».

Однако, возможности для применения российской «мягкой силы» оказались существенно лимитированы последствиями постсоциалистической трансформации. Наряду с резким сокращением торгово-экономических связей, значительно просело российско-монгольское сотрудничество в сфере образования, науки, культуры. На взгляд монгольской исследовательницы А. Нямдолжин, именно сфера гуманитарных связей «в наибольшей степени пострадала в результате произошедших перемен»[1]. В связи с этим главным лейтмотивом стратегии «мягкой силы» России в Монголии в начале XXI в. стала тема восстановления/возрождения ранее наработанных связей.

По общему мнению, имидж, или образ страны можно считать центральной частью «мягкой силы». Например, такие страны как Канада и Норвегия, не обладая значительными ресурсами в военной, политической и демографической сферах, активно позиционируют себя как страны с высокими социальными стандартами и либеральным миграционным режимом, тем самым привлекая к себе симпатии миллионов людей по всему свету[2]. По большому счету образ страны это эффект (результат)

[1] Нямдолжин А. Монголо-российские отношения на современном этапе (1990–2004 гг.). – Улаанбаатар, 2016. – С.39.

[2] Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan. 2005. – P.69.

использования «мягкой силы». Согласно данным социологических опросов, ежегодно проводимых известным фондом Монголии «Сант Марал», Россия воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные. Можно сказать, что у России в этом плане существенное преимущество перед другими государствами, имеющими свои интересы в Монголии.

Таблица 1.

Какая страна является лучшим партнером для Монголии? (%)[3]

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	59,0	61,1	66,6	69,8	70,0	67,8	73,0
Китай	1,3	1,6	0,6	0,8	2,4	5,8	5,3
Южная Корея	0,7	1,6	0,9	2,4	4,0	3,9	2,8
США	6,5	6,8	6,5	6,3	5,6	4,6	2,7
Япония	7,0	6,3	7,3	5,9	7,3	6,1	5,2
ЕС и Великобритания	2,3	4,0	1,6	1,3	4,6	2,3	1,7

Таблица 2.

С гражданами какой страны монголы лучше общаются и сотрудничают? (%)[4]

Годы	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	31,3	38,7	32,1	42,5	34,0	32,3	40,4
Китай	10,8	10,7	13,6	9,8	11,3	19,3	16,0
Южная Корея	7,1	13,9	17,8	19,0	30,7	28,5	21,0
США	2,3	1,6	1,9	1,8	3,3	1,9	1,4
Япония	6,2	4,5	6,2	7,3	5,4	4,6	3,3
ЕС и Великобритания	1,2	1,2	0,8	0,8	2,1	0,7	0,5

[3] Sant Maral Foundation. Politbarometer. URL: https://www.santmaral.org/publications (дата обращения: 20.05.2022).
[4] Там же.

Пытаясь понять причины положительного образа России необходимо обратиться, прежде всего, к истории отношений между странами в эпоху социализма, когда СССР и советские граждане воспринимались в Монголии как самый надежный союзник и друг монгольского народа, образно обозначались в качестве «старшего брата», т.е. морального авторитета. И хотя с тех пор роль России в отношениях с Монголией кардинально изменилась, для многих монголов (особенно старшего и среднего поколения) наша страна по-прежнему ассоциируется с самыми позитивными страницами своей истории. Отсюда можно заключить, что образ России в Монголии это не только (а возможно и не столько) результат деятельности российских субъектов «мягкой силы», сколько ресурс, доставшийся со времен социализма.

Организаторы социологических опросов не показывают поколенческий срез полученных результатов. Однако, судя по общему высокому проценту положительных оценок России и россиян, монгольская молодежь также в массе своей позитивно настроена в отношении нашей страны. В связи с этим можно предположить, что для молодого поколения монголов, в основном не владеющих русским языком и не заставших эпоху социализма, положительный образ России определен не столько социалистическим прошлым, сколько текущими геополитическими установками. Суть этих установок сводится к тому, что северный сосед видится естественным (прежде всего, военным) противовесом Китаю, как главному источнику вызовов и угроз национальной безопасности страны, что также можно отнести к исторически обусловленному образу России.

В связи с этим логичными выглядят усилия российских организаций, ведущих свою деятельность в Монголии, по актуализации в общественном сознании монголов таких значимых исторических событий как совместная победа в боях на реке Халхин-гол и в освободительной войне 1945 г., большая роль России в становлении независимости Монгольского государства, развитии его экономики, социальной сферы, науки и образования. Достаточно вспомнить серию торжественных

мероприятий, проведенных в 2019 г. в честь 80-летия победы на Халхин-голе, кульминацией которых стал визит в Монголию президента России В.В. Путина. Вместе с тем, как отмечает В.И. Терентьев, многие подобные мероприятия плохо рекламируются, проводятся, в первую очередь, для официальных лиц и тех монголов, которые различным образом связаны с Россией. В то время как рядовые граждане Монголии мало представлены на таких мероприятиях[1]. В результате эффект оказывается незначительным.

В социалистический период важнейшим ресурсом советского влияния в Монголии был русский язык. Как указывает известный английский монголовед К. Хамфри, «в социалистический период широкие слои населения Монголии узнавали о современном мире по большей части из русско-советской учебной и художественной литературы»[2]. Монгольский исследователь Г. Томтогтох, характеризуя роль русского языка в истории Монголии XX в., образно называет его «единственным окном в мир» для монголов[3]. С 1950-х гг. во всех общеобразовательных школах Монголии с 5 класса русский язык стал обязательным предметом[4]. О глубине проникновения русского языка в монгольское общество свидетельствуют следующие данные Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. К началу 1990-х гг. 67,5% монголов читали и понимали по-русски, 45% – писали, 44,8% – понимали, 33,7% – говорили[5]. Практически вся управленческая и интеллектуальная элита социалистической Монголии свободно владела рус-

[1] Терентьев В.И. Россия и россияне глазами современных монголов // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №10. – С. 46.

[2] Хамфри К. Русский язык как средство взаимоотношения между Монголией и Россией в XX – начале XXI века – Русский язык в постсоветском мире: уход и возвращение? Опыт Монголии // Материалы международной научно-практической конференции, Улаанбаатар, 15–16.09.2010. – Улаанбаатар, 2012. – С. 15.

[3] Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №4 (18). – С. 209.

[4] Свердлова Н.А., Энхбаатар У. Русский язык: история и перспективы изучения в Монголии // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2015. – №2(18). – С.35.

[5] Фалилеева Н.В., Филин С.А., Дугаржав Л., Ерофеева И.А. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Приоритеты России. – 2013. – №12 (201). – С.14.

ским языком, а сам язык носил неофициальный статус второго государственного.

Однако, за последние три десятилетия русский язык утерял свои былые позиции в Монголии. Сокращение экономических, научно-образовательных, культурных связей между Россией и Монголией на фоне расширения контактов со странами Запада и Востока снизило ценность и практическую значимость русского языка в глазах монгольского общества. С 2002 г. обязательным для изучения в монгольских школах стал английский. Русский язык в свою очередь вошел в число факультативных предметов наряду с другими иностранными языками. Это привело к тому, что значительная часть монгольских учителей-русистов оказались без работы и либо ушли из профессии, либо были вынуждены переквалифицироваться на преподавателей английского языка.

Несмотря на негативную тенденцию сокращения пространства русского языка в Монголии, определенный интерес к нему остался в силу сохраняющихся торгово-экономических связей, активизировавшегося в последние годы научного и образовательного сотрудничества. Помимо этого, среди факторов потенциального увеличения количества изучающих русский язык также можно выделить:

1) Остающееся значительное количество людей, владеющих в различной степени русским языком, в организационном плане объединенных Монгольской ассоциацией преподавателей русского языка (МонАПРЯЛ)

2) Увеличившиеся за последнее время в связи отменой визового режима повседневные контакты между русскими и монголами.

3) Наличие общего для обоих языков алфавита – кириллицы.

Так, в 2006 г. министерство образования, науки и культуры Монголии приняло решение об обязательном преподавании русского языка (по 2 часа в неделю) в 7–9 классах средних образовательных школ. Начиная с 2016–2017 учебного года, русский язык в средней школе преподают в 10, 11 и 12 классах,

как обязательную дисциплину[1]. Чтобы понять эффективность подобных нововведений, необходимо рассмотреть состояние институциональной базы для изучения и популяризации русского языка в современной Монголии.

Обучение русскому языку происходит на нескольких образовательных уровнях, начиная с ряда детских садов и ясельных групп и продолжая средними общеобразовательными школами. Несмотря на формальное возвращение русского языка в школьную систему Монголии, условия для его преподавания не отвечают методическим требованиям. В частности, учебники содержат фактические, грамматические и стилистические ошибки, ощущается острая нехватка учителей русского языка, большая часть из которых относится к старшему поколению[2]. В Монголии, главным образом в Улан-Баторе, насчитывается 12 школ с преподаванием на русском языке[3]. Среди них выделяются школа при российском посольстве, российско-монгольская школа №3, школа-лицей при улан-баторском филиале Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, работающие по российским программам и стандартам. С одной стороны, качество обучения русскому языку в этих школах выгодно отличается от общеобразовательных школ. С другой стороны, все подобные школы берут плату за обучение, что не всегда по карману средней монгольской семье. В результате малоимущие слои населения, в том числе из сельской местности, лишены возможности получить качественное образование на русском языке.

Важными проводниками русского языка в Монголии являются Русский дом, бывший Российский центр науки и культуры (РЦНК), входящий в структуру федерального агентства Россотрудничество, а также Русские центры фонда «Русский мир», при которых действуют обучающие языковые курсы. С сентября 2009 г. при поддержке Фонда «Русский мир» в Свято-Троицком приходе Улан-Батора действует Русский детский культурный

[1] Мунхцэцэг Б. Русский язык в Монголии угасает при отсутствии политических усилий. URL: https://regnum.ru/news/polit/2173654.html (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Терентьев В.И. Русский язык в Монголии сегодня //Азия и Африка сегодня. – 2017. – №9. – С. 58.

[3] Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №4 (18). – С. 211.

центр, предоставляющий детям из малообеспеченных семей бесплатно изучать русский язык[1]. Несмотря на усилия, предпринимаемые сотрудниками этих структур, важнейшей задачей на данный момент является повышение мотивации монгольских граждан для изучения русского языка, в том числе посредством развития интереса к получению высшего образования российского образца.

Высшее образование является ресурсом, тесно связанным с распространением русского языка и российской культуры. В период с 1922 по 1991 гг. в вузах СССР получили образование около 55 тысяч монгольских граждан[2]. В 1990-е гг. многие монголы переориентировались на получение высшего образования в ЕС, США, Южной Корее, Японии, Австралии. Отдельное место в этом ряду занял Китай, ежегодно предоставляющий около тысячи квот для обучения монгольских граждан за счет китайской стороны.

Как и в случае с русским языком, престиж российского высшего образования, несмотря на некоторое снижение в начале постсоциалистического периода, сохранился на довольно высоком уровне. К факторам, поддерживающим заинтересованность монголов в получении российского высшего образования, можно отнести следующие. Во-первых, в Монголии по-прежнему функционирует созданная в социалистическую эпоху инфраструктура, технологически основывающаяся на советских/российских стандартах. Яркими примерами этому являются Улан-Баторская железная дорога – основная транспортная магистраль страны, Эрдэнэт – один из крупнейших монгольских комбинатов по добыче меди, а также система ТЭЦ, обслуживающая нужны столицы Монголии, а также таких аймачных центров как Эрдэнэт, Дархан, Чойбалсан. Обслуживание и периодическое обновление данных технологически сложных объектов требует соответствующих специалистов, подготовка которых возможна только в России. Во-вторых, наработанные за годы социа-

[1] В столице Монголии при Свято-Троицком приходе открылся Русский детский культурный центр. URL: https://mospat.ru/ru/2009/10/21/news6803/ (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. – М.: ИВ РАН, 2011. – С.287.

лизма академические и образовательные связи, в том числе через систему совместных научно-исследовательских экспедиций, также не могли полностью исчезнуть. Потребность в продолжении научных исследований объективно создала условия для воспроизводства новых кадров за счет направления монгольской молодежи в российские вузы. В-третьих, российское образование с точки зрения соотношения «стоимость обучения – качество образования», по мнению исследователей, в наибольшей степени соответствует уровню доходов средней монгольской семьи и удовлетворяет образовательные потребности монгольской молодежи[3]. Наконец, не последнюю роль играет фактор влияния старшего поколения монголов на умонастроения своих молодых соотечественников. Показательны в этом смысле слова генерального секретаря МонАПРЯЛ С. Эрдэнэмаама: «У нас в стране все еще есть огромное количество людей, получивших образование в России, в бывшем Советском Союзе, в странах СНГ. Они-то знают, что такое российское образование, что такое русский язык, что такое русский человек, что есть русский характер и т.д. Они, их дети и внуки просто не могут не тяготеть к этому великому языку»[4].

Основными каналами вовлечения монгольских граждан в систему российского высшего образования являются их обучение в вузах России и коммерческое присутствие в Монголии через филиалы.

В допандемийный период (в 2017–2018 учебном году) в вузах России обучалось 3198 монгольских студентов[5]. В последние годы российская сторона постепенно увеличивает количество мест в вузах страны для обучения граждан Монголии за бюджетный счет, что влечет за собой общее увеличение монгольских студентов в России, способствует

[3] Фалилеева Н.В., Филин С.А., Дугаржав Л., Ерофеева И.А. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Приоритеты России. – 2013. – №12 (201). – С. 12.

[4] Мунхцэцэг Б. Русский язык в Монголии угасает при отсутствии политических усилий. URL: https://regnum.ru/news/polit/2173654.html (дата обращения: 20.05.2022).

[5] Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2019. – С. 186.

определенной популяризации отечественного высшего образования, а следовательно, и улучшает образ нашей страны среди молодых монголов.

Таблица 3.

Динамики численности квот для монгольских студентов в российских вузах[1]

Учебные годы	Количество мест
1999–2000	130
2000–2001	150
2004–2005	200
2009–2010	230
2010–2011	270
2011–2012	300
2014–2015	383
2017–2018	450
2018–2019	500
2019–2020	500
2020–2021	550

В то же время, в системе предоставления квот существуют проблемы. По информации главного специалиста Министерства образования и науки РФ Т. Соболевой, многие из приезжающих в российские вузы монгольских студентов предъявляют аттестаты об окончании российской школы в Улан-Баторе, но при этом совершенно не говорят по-русски. Проверки показывают значительное количество подделок предоставляемых школьных аттестатов. Это приводит к большому проценту отчислений монголов из российских вузов, что негативно сказывается на общем имидже российского высшего образования и подрывает эффективность системы выделения квот[2]. Кроме того, многие монголы, получившие российские дипломы, возвращаясь домой не в состоянии трудоустроиться, что определяется отсутствием

[1] Образование в России для иностранцев. URL: https://studyinrussia.ru/ (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Монгольские родители покупают детям места в вузах РФ. URL: https://st-news.info/mongolskie_roditeli_pokupayut_detyam_mesta_v_vuzah_rf.html (дата обращения: 20.05.2022).

соответствующих их профессиям рабочих мест и других условий[3]. В период пандемии проявила себя еще одна проблема, связанная с обучением монгольских студентов в России. Из-за ограничительных мер, принятых двумя странами, многие из монгольских учащихся не могли продолжить образовательный процесс в России. В связи с этим в августе 2021 г. в Улан-Баторе была проведена акция под названием «Мы хотим в Россию!», в рамках которой ее участники обратились к правительствам двух стран с просьбой об организации возможности для студентов отправиться в российские вузы для очного обучения[4].

Одним из потенциально перспективных направлений для улучшения качества отбора монгольских абитуриентов является запланированное открытие в Монголии центра довузовской подготовки. Так, в конце 2019 г. между российской и монгольской стороной было подписано соглашение о создании подобного центра, преподавать в котором будут специалисты ведущих российских университетов. Наряду с прочими предметами предполагается преподавание русского языка[5].

Пессимистично выглядит ситуация с филиалами российских вузов в Монголии. В течение последних десяти лет наблюдается устойчивая тенденция сокращения количества филиалов российских вузов в Монголии. По состоянию на конец 2019 г., в Монголии реально осуществлял свою деятельность только филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, при том, что еще в конце 2000-х гг. действовало по меньшей мере 6 филиалов российских вузов[6]. К основным причинам подобного положения дел можно отнести слабое взаимодействие между филиалами в плане координации деятельности, их недостаточную материальную и кадровую базу, жесткую конкуренцию со стороны других иностранных вузов в Монголии. Отдельно стоит отметить практическое отсутствие финансовой и иной поддержки филиалам российских вузов в Монголии со стороны российского частного бизнеса. В

[3] Терентьев В.И. Россия и россияне глазами современных монголов // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №10. – С. 47.

[4] «Мы хотим в Россию!»: студенты из Монголии просят помочь им приступить к очному обучению. URL: https://russkiymir.ru/news/291180/ (дата обращения: 20.05.2022).

[5] Россия намерена создать 50 центров довузовской подготовки за рубежом к 2024 году. URL: https://tass.ru/obschestvo/7196145 (дата обращения: 20.05.2022).

[6] Россия и Монголия на пути стратегического партнерства. – М.: ИВ РАН, 2011. – С.275.

качестве противоположного примера можно привести наличие в Монголии Американского университета, учрежденного бизнесменами из США.

Каналом наращивания российского влияния в Монголии могли бы стать различные СМИ, способные транслировать на монгольскую аудиторию привлекательные образы России и задавать выгодную российской стороне повестку. В условиях сокращающегося пространства русского языка в Монголии наличие российских монголоязычных каналов информации стало бы существенным подспорьем в деле продвижения социокультурного влияния России. К сожалению, на данный момент в Монголии нет ни одного представительства российских СМИ, способных предоставлять альтернативную западным масс-медиа информацию о России и мире. В 2013 г. прекратила свое вещание на Монголию радиостанция «Голос России – монгольская редакция»[1]. Спустя некоторое время перестал работать русскоязычный телеканал «АИСТ-Монголия». «RT» и «Sputnik», флагманы российской информационной политики, располагающие внушительной зарубежной аудиторией, не имеют специального отдела по Монголии, их сайты не размещают текстовую версию на монгольском языке. В результате такие важные для отношений между странами события как безвозмездная передача российской стороной военной техники и совместные военные учения, предоставление крупной партии вакцин для монгольского скота, оказание гуманитарной помощи в случаях стихийных бедствий остаются вне поля зрения широкого круга общественности Монголии, либо подаются монгольскими СМИ сухо и буднично.

Помимо указанных выше проблем и ограничений российской политики «мягкой силы» в Монголии необходимо указать на следующее. Деятельность таких институтов, как Посольство РФ в Монголии, Русский дом (РЦНК), фонд «Русский мир» при всей их важности и результативности имеет свои ограничения в плане продвижения российских интересов в социокультурной сфере.

Во-первых, все эти структуры являются государственными организациями и напрямую ассоциируются с политикой Рос-

[1] «Голос России» умолк в Монголии. URL: http://zabinfo.ru/108741 (дата обращения: 20.05.2022).

сийского государства. Это, в свою очередь, нередко порождает недоверие среди граждан Монголии, опасающихся попадания страны под иностранное влияние. Кроме того, по этой же причине российские институты «мягкой силы» становятся удобными мишенями для критики со стороны различных НПО (правозащитных, религиозных, экологических и пр.), ориентированных на Запад, Японию или Южную Корею. В связи с этим важнейшей задачей в рамках стратегии «мягкой силы» в Монголии является увеличение участия российских НПО, способных продвигать интересы России без формальной привязки к государственным структурам.

Во-вторых, практика последних лет показывает, что отечественные институты нацелены на работу в основном с узким кругом лиц (официальными представителями властей, бизнесменами, деятелями культуры и науки, российскими соотечественниками, постоянно проживающими в Монголии). Этого явно недостаточно, если речь идет о такой задаче как формирование общественного мнения и привлечение на свою сторону широких масс населения. Говоря иначе, высокая «мягкая сила», нацеленная на работу с элитой, должна идти рука об руку с низкой «мягкой силой», т.е. работой с массами.

Список использованных источников и литературы

Ворочков, А.П. Институты реализации «мягкой силы» в современной России [Текст] / А.П. Ворочков // Вестник Марийского государственного университета. – Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2016. – №2 (6). – С. 53–59.

Нямдолжин, А. Монголо-российские отношения на современном этапе (1990–2004 гг.) [Текст] / А. Нямдолжин. – Улаанбаатар, 2016. – 184 с.

Песцов, С. К., Бобыло, А. М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта [Текст] / С.К. Песцов, А.М. Бобыло // Вестник Томского государственного университета. – 2015. Сер. История. – №2. – С. 108–114.

Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / Отв. ред. Р.Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. – М.: ИВ РАН, 2011. – 440 с.

Свердлова, Н. А., Энхбаатар, У. Русский язык: история и перспективы изучения в Монголии [Текст] / Н.А. Свердлова, У. Энхбаатар //

«Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2015. – №2(18). – С. 34–40.

Терентьев, В.И. Россия и россияне глазами современных монголов [Текст] / В.И. Терентьев // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №10. – С. 45–50.

Терентьев, В.И. Русский язык в Монголии сегодня [Текст] / В.И. Терентьев // Азия и Африка сегодня. – 2017. – №9. – С. 56–60.

Томтогтох, Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии [Текст] / Г. Томтогтох // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – №4 (18). – С. 208–213.

Хамфри, К. Русский язык как средство взаимоотношения между Монголией и Россией в XX – начале XXI века – Русский язык в постсоветском мире: уход и возвращение? Опыт Монголии [Текст] / К. Хамфри // Материалы международной научно-практической конференции: Улаанбаатар, 15–16.09.2010. – Улаанбаатар, 2012. – С. 13–18.

Фалилеева, Н. В., Филин, С. А., Дугаржав, Л., Ерофеева, И.А. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования [Текст] / Н.В. Фалилеева, С.А. Филин, Л. Дугаржав, И. А Ерофеева // Приоритеты России. – 2013. – №12 (201). – С. 10–22.

Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2019. – 536 с.

Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Palgrave Macmillan. 2005.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

В.А. Родионов, А. Нямдолжин

2.2. Политический образ Владимир Путина в Монголии

Вопрос о роли образов государств и их руководителей в международной политике неоднократно становился объектом для научного исследования. Восприятие Иного через выстраивание/воспроизводство его образа, наделение позитивными, негативными или ценностно нейтральными чертами является частью политической реальности. Преобладание того или иного образа оказывает влияние на характер и динамику отношений между странами и народами, выступает дополнительным фактором сотрудничества в различных сферах. При помощи позитивного образа можно сформировать нужное общественное мнение, что, в свою очередь, будет способствовать достижению политических целей. И наоборот, преобладание негативных черт в образе, скорее всего, будет препятствием для реализации намеченной политики в отношении страны-объекта.

Несмотря на кажущуюся спонтанность, политический образ это результат соединения объективных, обусловленных историей и современной ситуацией факторов с одной стороны, и целенаправленной деятельности различных субъектов: специализированных пиар-агентств, масс-медиа, общественных деятелей и др., с другой стороны. Иными словами, образ в определенной мере является социальным конструктом и в этом смысле совпадает с понятием «имидж», определяемым как «поведенческий стереотип, основанный не на действительных фактах, а на престиже, людских мнениях и иллюзиях, на мифологическом представлении о прошлом, на воображаемом представлении о будущем»[1].

Конструирование может быть позитивно направленным, посредством выдвижения на первый план положительных и сглаживания отрицательных характеристик носителя образа. В то же время имеет место и негативное конструирование, связанное с акцентированием внимания целевой аудитории на

[1] Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М.: Известия, 2003. – С.7.

отрицательных сторонах вплоть до демонизации объекта. Все это позволяет отнести образ страны и ее лидеров к одному из элементов «мягкой силы» во внешней политике государства.

Россия в монгольском общественном сознании традиционно занимает одно из центральных мест. Многовековая история отношений двух стран, тесные торгово-экономические, культурные контакты, протяженная совместная граница объективно делают Россию одним из самых важных и заметных внешнеполитических партнеров Монголии. Граждане обеих стран, пользуясь преимуществами безвизового режима, ежегодно совершают взаимные поездки. В современном общественно-политическом лексиконе монголов распространено обозначение России в качестве «северного соседа» (монг. «умард хөрш»), «вечного соседа» (монг. «мөнхийн хөрш»). При упоминании России и российского народа преобладают положительные коннотации. До сих пор можно встретить появившийся еще в социалистический период эпитет «старший брат» (монг. «ах»). Используя данное слово, монголы тем самым наделяют Россию высоким моральным авторитетом, связанным с традиционным для восточного общества почитанием старших. Как отмечает В.И. Терентьев, «в монгольском языке отсутствуют клички-прозвища для русских, кроме совершенно безобидного «шонхор» (рус. «остроносый»)»[1]. В целом, среди монгольского населения не распространены русофобские настроения (чего не скажешь об отношении к китайцам).

Положительное восприятие России в монгольском обществе подтверждается данными социологических опросов, ежегодно проводимых фондом «Сант Марал» (см. таблицы 1 и 2 параграфа 2.1 настоящей монографии).

Устойчивость позитивного образа России выглядит в некотором роде парадоксально, учитывая пассивность российской гуманитарно-информационной политики в Монголии и широко развернутую деятельность ряда монгольских и западных организаций, направленную на дискредитацию социалистического опыта советско-монгольских отношений.

[1] Терентьев В.И. Россия и россияне глазами современных монголов // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №10. – С. 47.

К факторам, обусловившим преобладание позитивных черт в образе России среди монголов, можно отнести следующие. Во-первых, это особая роль России в деле обретения независимости Монголии в XX в. Сначала царская Россия, а затем Советский Союз оказали всестороннюю (в том числе, военную) поддержку молодому монгольскому государству в его борьбе против Китая и Японии. Во-вторых, колоссальный вклад Советского государства и его граждан в развитие народного хозяйства страны, ее промышленности, городской и транспортной инфраструктуры. В-третьих, глубокое проникновение советской (русской) культуры в монгольское общество, десятки тысяч представителей которого получили высшее образование в вузах СССР.

Если образ России и российского народа в Монголии уже являлся предметом для научных исследований[2], то тема восприятия российского президента до последнего времени специально не рассматривалась. Между тем, образ главы России в Монголии представляет собой отдельное явление. В силу известных обстоятельств именно президент России играет ключевую роль как во внутриполитических процессах в стране, так и при определении основных направлений ее внешней политики. В связи с этим мнение монголов о главе РФ во многом является отражением представлений о всей стране, ее положительных и отрицательных характеристиках.

Анализ материалов популярного новостного сайта Монголии – news.mn показал, что Владимир Путин является самым упоминаемым иностранным политиком, опережая лидеров других стран мира и уступая лишь ведущим политикам Монголии. Например, в период с 01.01.2010 по 23.02.2022 на сайте news.mn фамилия российского политика встречалась 5317 раз, Д. Трампа – 3274, Д. Байдена – 845, Си Цзиньпина – 3814.

Визуальные образы Путина (фотографии, картинки, фигурки) можно наблюдать во многих магазинах сувенирной продукции, газетных киосках, книжных отделах. В одном из наиболее просматриваемых новогодних роликов на канале You-

[2] Родионов В.А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Серия «Востоковедение». – С. 152–155.; Терентьев В.И. Россия и россияне. – С.48.

tube с участием президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа присутствует человек, олицетворяющий собой российского президента[1].

Помимо количественных, не менее важными являются качественные показатели, отображающие отношение к личности Путина. В рамках экспертного опроса, проведенного авторами данного параграфа в 2019 г., был задан вопрос: «Какое влияние на восприятие России в Монголии оказывает личность В.В. Путина и его деятельность?». Подавляющее большинство монгольских экспертов дали ответ: «положительное» – 44,9% и «скорее положительное» – 51,0%. На другой вопрос: «Какое событие в российско-монгольских отношениях за последние 10 лет (2009–2019 гг.) стало наиболее заметным?», больше половины экспертов ответили «Визит В.В. Путина в Монголию в 2019 г. и установление всеобъемлющего стратегического партнерства» – 51%.

Как и в большинстве других стран современного мира, основной массив информации монгольское общество получает через масс-медиа: интернет-сайты и социальные сети, печатные издания, телевидение, радио. Можно согласиться с утверждением, что «СМИ являются основными «поставщиками» коллективного знания, или посредниками в его распространении»[2].

Отображение Путина в монгольских СМИ многоаспектно. С одной стороны, на монгольскую аудиторию большое влияние оказывает общий международный контекст, в рамках которого сформирован и продолжает развиваться и видоизменяться образ Путина. Многие упоминания Путина в новостных лентах монгольских СМИ относятся к категории «международная политика», «события в мире». С другой стороны, существуют специфические факторы, обусловленные особенностями как российско-монгольских отношений, так и внутриполитической ситуацией в Монголии. В связи с этим нас, прежде всего, интересовал информационный контент, в котором имя главы

[1] Элбэгдорж мэндчилгээ. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GyQZdqKyHcI (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Володина М.Н. Когнитивный аспект исследования языка массовой коммуникации в сборнике Язык массовой и межличностной коммуникации : [монография] / [Бельчиков Ю.А. и др. ; редкол.: Я.Н. Засурский и др.]. – Москва : Медиа-Мир : Фак. журналистики МГУ, 2007. – С. 54–64.

российского государства используется в связи с монгольской политической реальностью.

В качестве высокопоставленного политика В. Путин четыре раза посещал Монголию: в 2000, 2014 и 2019 гг., будучи президентом, в 2009 г. – председателем правительства РФ. Каждый из этих визитов был отмечен важными и резонансными с точки зрения двусторонних отношений событиями.

Первое широкое знакомство монгольской общественности с персоной Владимира Путина состоялось в ноябре 2000 г., когда он в качестве недавно избранного президента РФ посетил Монголию. Приезд российского главы был первым событием подобного уровня за последние 26 лет, когда в 1974 г. в Улан-Батор приезжал лидер Советского Союза Л. И. Брежнев. Многими в Монголии это было воспринято как начало нового этапа в двусторонних отношениях. Спустя несколько лет после этого визита стороны сумели урегулировать вопрос о т.н. «большом долге» (более 11 млрд. долл.) Монголии перед Россией, накопившемся за годы социалистического сотрудничества.

Визит 2009 г., самый скоротечный из всех, по неофициальной информации был нацелен на решение вопроса о предоставлении российскому капиталу права на разработку Оюу Толгой, крупнейшего месторождения меди в Монголии. Политической окраски этому визиту придал тот факт, что он состоялся незадолго до президентских выборов в Монголии. Встреча Путина с одним из кандидатов, действующим на тот момент президентом Намбарын Энхбаяром, дала повод обвинить российского руководителя в косвенном вмешательстве во внутриполитический процесс.

Главным итогом визита 2014 г. стало подписание сторонами долгожданного соглашения о введении безвизового режима для поездок граждан обеих стран. Наконец, визит 2019 г., приуроченный к 80-летнему юбилею совместной победы на Халхин-голе, ознаменовался подписанием Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве. Особую значимость этому событию придал тот факт, что буквально за месяц до этого Монголия объявила о выводе отношений с США на уровень стратегического партнерства.

Все упоминания личности российского президента в связи с Монголией условно можно подразделить на 2 группы. Первая включает в себя информацию, касающуюся российско-монгольских отношений и, шире, стратегии Монголии в отношениях с внешним миром. В рамках второй группы фигура Путина активно используются в контексте монгольского внутриполитического процесса. При этом обе группы зачастую тесно взаимосвязаны, а оценки фигуры российского президента во многом зависят от изначальных установок авторов, их идеологических предпочтений и политической мотивации.

Прозападно настроенные СМИ и отдельные монгольские публицисты активно продвигают негативный образ Путина, наделяя его чертами ревизиониста сложившегося после распада СССР международного порядка. В частности, ему в вину ставятся агрессивная внешняя политика РФ в отношении Украины (т.н. «аннексия Крыма», война на Донбассе), попытки восстановить влияние на постсоветском пространстве, ухудшение отношений с Западом и др[1]. Содержание подобных материалов мало чем отличается от ставших уже традиционными публикациями западных СМИ о современной России и ее президенте. Отчасти это определяется широко распространенной в Монголии практикой публикаций переводных статей западных СМИ (BBC, CNN, Deutsche Welle и пр.), посвященных российскому президенту.

Авторы отдельных публикаций переносят аргументы и риторику западных СМИ на почву российско-монгольских отношений, демонизируя личность российского президента. Например, поставки нефтепродуктов и электроэнергии из России, по аналогии с украинским и восточноевропейским случаями называются рычагом геополитического давления Путина на Монголию[2]. Нередким является использование исторических аллюзий. Так, в одной из публикаций Путин подается в качестве «нового Сталина», «хозяина Монголии», якобы ради визита которого в стране может вводиться выходной день[3].

[1] Баабар. Путиний намтарт нэмж тодотгох нь. URL: http://baabar.mn/article/6401 (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Бадбаяр Д. Бид дарангуйлагчтай болно. URL: http://baabar.mn/article/6064 (дата обращения: 20.05.2022).

[3] Нямаа Б.В. Путин Монголд байх өдрийг засгийн газраас бүх нийтийн амралтын өдөр

В противоположность таким материалам можно найти статьи, в которых Путин восхваляется как прагматичный и одновременно с этим патриотично мыслящий политик, сумевший восстановить былое величие России и не побоявшийся бросить вызов Западу, «без всяких колебаний или страха высказал свою позицию, защищая свою страну и ее интересы»[4]. В подобных текстах героический облик Путина призван выступить назиданием монгольским политикам: «монголам нравится руководитель, похожий на отца – жесткого и даже способного «огреть» в случае необходимости. И ближайшим примером такого руководителя является Путин»[5]. В некоторых вопросах фигура Путина оценивается даже более высоко, нежели российская политическая система в целом. Существующие в двусторонних отношениях проблемы и трудности нередко относятся на долю российских чиновников, отдельных представителей министерств и ведомств, препятствующих реализации политики российского главы.

Отдельного внимания заслуживает использование образа Путина во внутриполитическом процессе Монголии.

Долгое нахождение Путина у власти двояко трактуется в Монголии. С одной стороны, сторонники сохранения парламентской формы правления расценивают это как признак авторитаризма, одним из элементов которого называется несменяемость власти. Ряд публикаций изображают российского президента в качестве «нового царя», де-факто сделавшего политическую систему РФ монархической[6]. Совершенный Путиным в период между 2008 и 2012 гг. политический маневр, связанный с переизбранием на де-факто третий президентский срок, оказал определенное влияние на политический контекст в Монголии. Ц. Элбэгдорж, бывший президентом Монголии с 2009 по 2017 гг., некоторыми экспертами в свое время стал

болгов. URL: https://dnn.mn/в-путин-монголд-байх-өдрийг-засгийн-газраас-бүх-нийтийн-амралтын-өдөр-болгов/?fbclid=IwAR1nuJpaHD5gjb95vNEjZpenA3xfecKTRcFV5vdtThYkDZtXDYB8k9z2YQ8 (дата обращения: 20.05.2022).

[4] Базарваань Г.В. Путин, Б. Обама нарын уулзалт бие биеэ хүлээн зөвшөөрсөн өнгө аястай байсан. URL: https://dnn.mn/г-базарваань-в-путин-б-обама-нарын-уулзалт-бие-биеэ-хүлээн-зөвшөөрсөн-өнгө-аястай-байсан (дата обращения: 20.05.2022).

[5] В. Путин с Орденом «Драгоценный жезл» // Монголия сегодня. 29.08.2014. – С.7.

[6] Путин Оросын «хаан» болох уу? URL: https://news.mn/r/766323/ (дата обращения: 20.05.2022).

подозреваться в попытке повторить путинский маневр, а в монгольский политический лексикон проникло выражение «Путиндэх» («По-путински»).

С другой стороны, в условиях частых отставок монгольских правительств (за последние 30 лет в Монголии было сформировано 17 правительственных кабинетов), политическое долголетие российского президента видится залогом стабильности и внутреннего порядка. В этом ракурсе российская модель общественно-политического развития, олицетворяемая фигурой Путина, выступает одним из возможных ориентиров для Монголии.

Дискурс «сильной руки», способной консолидировать общество для решения наиболее важных задач, имеет широкое хождение в Монголии и тесно связан с образом Путина. Действующий президент Монголии Ухнаагийн Хурэлсух в качестве пиар-акций некоторое время в своих аккаунтах социальных сетей размещал личные фото, имевшие схожесть с фотографиями Путина. Содержательной основой этих кадров были образы мужественного, порой брутального человека, сочетающего в себе физические и волевые качества[1].

Другим примером политика, успешно использовавшего образ Путина в своей политической практике, является бывший в 2017–2021 гг. президентом Монголии Халтмаагийн Баттулга. В период своей предвыборной кампании 2017 года он самым активным образом позиционировал себя в качестве сторонника политического стиля Путина и Трампа. Его пиар-команда активно применяла образы-параллели с российским и американским лидерами. В телевизионном репортаже российского телеканала «Вести 24» одна из сторонниц Х. Баттулги, объясняя свои симпатии к нему, воскликнула по-русски: «Он мужик, настоящий мужик!»[2].

Как показывает практика, монгольские политики, которых сравнивают по стилю с Путиным, пользуются широкой поддержкой среди населения. Согласно социологическим опросам

[1] Quartz сравнил Хурэлсуха с Путиным. URL: http://asiarussia.ru/news/17921/ (дата обращения: 20.05.2022).

[2] Улан-Батор ликует: нового президента страны называют «монгольским Трампом». URL: https://www.youtube.com/watch?v=i1lh0_jv4xo (дата обращения: 20.05.2022).

«Сант Марал», к наиболее популярным политическим фигурам Монголии в течение последних лет относятся те, к которым примеряли образ Путина – премьер-министр У. Хурэлсух и президент Х. Баттулга[3].

На наш взгляд, подобная закономерность может быть объяснена не столько умелыми пиар-технологиями, сколько более глубинными процессами, протекающими в монгольском обществе. С начала 1990-х гг. в Монголии конституционно была закреплена парламентская форма правления. Фигура президента играла второстепенную роль в политической системе страны. Однако хроническая нестабильность партийных кабинетов вкупе с нерешенными социально-экономическими проблемами снизили уровень доверия монголов к подобной форме. Как следствие, в монгольском обществе был сформирован запрос на сильную власть, олицетворением которой должен стать президент. Введение президентского правления, согласно данным «Сант Марал», поддерживает около половины респондентов: 60,6% в 2018 г., 53,2% в 2019 г., 50,7% в 2020 г., 47,5% в 2021 г.[4] На этом фоне образ Путина, которого «поддерживают даже души великих ханов»[5], является удобным объектом для подражания.

Таким образом, в политическом образе Владимира Путина в Монголии в основном присутствуют положительные черты. Отчасти это обусловлено тем, что его фигура как главы российского государства рассматривается в неотрывной связи с образом России в целом. Высоко положительное отношение монголов к России автоматически распространяется и на ее президента. Однако было бы неправильно сводить популярность Путина только к этому. Фигуры Бориса Ельцина и Дмитрия Медведева в их бытность президентами РФ не пользовались подобным успехом в Монголии. Поэтому очевидно, что положительные оценки Путина определяются в том числе и его индивидуаль-

[3] Sant Maral Foundation. Politbarometer. URL: https://www.santmaral.org/publications (дата обращения: 20.05.2022).

[4] Sant Maral Foundation. Politbarometer. URL: https://www.santmaral.org/publications (дата обращения: 20.05.2022).

[5] Монгольский олигарх сравнил Владимира Путина с монгольскими ханами. URL: https://www.infpol.ru/152541-mongolskiy-oligarkh-sravnil-vladimira-putina-s-mongolskimi-khanami/ (дата обращения: 20.05.2022).

ными характеристиками. Кроме того, восприятие российского президента вариативно и зависит от идейно-политических предпочтений как ретрансляторов образа, так и тех, на кого этот образ транслируется. Иными словами, политический образ Путина амбивалентен, что во многом определяется широкой плюралистичностью монгольского общества, различными политическими взглядами и установками монголов.

Список использованных источников и литературы

Володина, М.Н. Когнитивный аспект исследования языка массовой коммуникации в сборнике Язык массовой и межличностной коммуникации : [монография] / [Бельчиков Ю.А. и др. ; редкол.: Я.Н. Засурский и др.]. – Москва : Медиа-Мир : Фак. журналистики МГУ, 2007. – С. 54–64.

Галумов, Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования [Текст] / Э.А. Галумов. – М.: Известия. 2003. – 446 с.

В. Путин с Орденом «Драгоценный жезл» // Монголия сегодня. 29.08.2014. – С.7.

Родионов, В.А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.) [Текст] / В.А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Серия «Востоковедение». – С. 152–155.

Терентьев, В.И. Россия и россияне глазами современных монголов [Текст] / В.И. Терентьев // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №10. – С. 45–50.

Улан-Батор ликует: нового президента страны называют «монгольским Трампом». URL: https://www.youtube.com/watch?v=i1lh0_jv4xo (дата обращения: 20.05.2022).

Баабар. Путиний намтарт нэмж тодотгох нь. URL: http://baabar.mn/article/6401 (дата обращения: 20.05.2022).

Бадбаяр Д. Бид дарангуйлагчтай болно. URL: http://baabar.mn/article/6064 (дата обращения: 20.05.2022).

Базарваань Г.В. Путин, Б. Обама нарын уулзалт бие биеэ хүлээн зөвшөөрсөн өнгө аястай байсан. URL: https://dnn.mn/г-базарваань-в-путин-б-обама-нарын-уулзалт-бие-биеэ-хүлээн-зөвшөөрсөн-өнгө-аястай-байсан (дата обращения: 20.05.2022).

Нямаа Б.В. Путин Монголд байх өдрийг засгийн газраас бүх нийтийн амралтын өдөр болгов. URL: https://dnn.mn/в-путин-монголд-байх-өдрийг-засгийн-газраас-бүх-нийтийн-амралтын-өдөр-болгов/?f

bclid=IwAR1nuJpaHD5gjb95vNEjZpenA3xfecKTRcFV5vdtThYkDZtXDYB8k9z2YQ8 (дата обращения: 20.05.2022).

Путин Оросын «хаан» болох уу? URL: https://news.mn/r/766323/ (дата обращения: 20.05.2022).

Элбэгдорж мэндчилгээ. URL: https://www.youtube.com/watch?v=GyQZdqKyHcI (дата обращения: 20.05.2022).

Quartz сравнил Хурэлсуха с Путиным. URL: http://asiarussia.ru/news/17921/ (дата обращения: 20.05.2022).

Sant Maral Foundation. Politbarometer. URL: https://www.santmaral.org/publications (дата обращения: 20.05.2022).

И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова

2.3. Российское образование и Монголия: от прошлого к будущему через настоящее

Образование на сегодняшний день является одним из значимых каналов реализации политики «мягкой силы» государства на другие страны. Образование и образовательное сотрудничество, как инструменты «мягкой силы», в настоящее время активно используется во внешней политике государств, создавая им благоприятный имидж на международной арене.

Россия и Монголия являются ближайшими соседями, взаимоотношения которых имеют давнюю историю. В области образования до 90-х годов XX столетия между СССР и МНР установилось тесное сотрудничество, которое развивалось в основном в двух направлениях. Первое направление было связано с обучением граждан МНР и подготовкой высококвалифицированных кадров в учебных заведениях СССР. Вторым направлением было обеспечение предприятий МНР советскими специалистами для оказания квалифицированной помощи.

Обучение монгольских граждан в Советском Союзе началось с 1922 г. Всего за довоенный период в СССР было подготовлено более 500 специалистов из Монголии[1], прежде всего врачей и учителей, в которых остро нуждалась страна на тот период. Согласно соглашению «Об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР», заключенному в 1952 г. между СССР и МНР, советская сторона брала на себя обязательство оплачивать 50% всех затрат на обучение монгольских граждан. За десять лет с 1951 по 1961 год в вузах Советского Союза было подготовлено 410 специалистов для Монголии[2].

Большая нехватка квалифицированных кадров для монгольской экономики вызвала активизацию процесса подготовки специалистов. С 1960 г. он приобретает массовый характер. В октябре 1960 г. между правительствами СССР и МНР было за-

[1] Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (на трудном пути реформ); Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Бурят. науч. центр, Байкал. ин-т рацион. природопользования, Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – С. 28.

[2] История советско-монгольских отношений. – М.: Наука, 1981. – С. 170.

ключено соглашение об условиях взаимного обучения студентов и аспирантов в высших гражданских и научно-исследовательских учреждениях, согласно которому принимающая сторона брала на себя расходы по обучению приезжающих, а также обеспечению их общежитием, медицинским обслуживанием[3]. Однако реализация данного соглашения носила односторонний характер (монгольские студенты обучались в вузах СССР), т.к. в этот период в МНР происходило становление системы высшего образования, отсутствовали высококвалифицированные кадры в вузах, соответственно не было востребованности в монгольском образовании среди советских граждан.

К 1960 г. обучение монгольских граждан осуществлялось в 148 высших учебных заведений в 19 городах Советского Союза, прежде всего в Москве, Ленинграде, Иркутске, Новосибирске и др. Значительное увеличение числа монгольских студентов в вузах СССР наблюдалось в 1970-е гг. Так, в 1960–1961 учебном году обучалось 2083 студентов и аспирантов, а в конце 1970-х гг. – более 3 тысяч[4].

За период 1950–1985 гг. численность выпускников советских вузов среди монгольских граждан составила 16579 человек[5]. Монгольские специалисты, получившие высшее и специальное образование в Советском Союзе, работают в различных сферах экономики, науки, образования, культуры, здравоохранения, политики. За годы учебы в СССР монгольские студенты обрели не только профессиональные знания и навыки, но также освоили русский язык, приобщились к ценностям мировой культуры, ознакомились с достижениями русской культуры, обрели новых друзей.

Большинство бывших и многие из современных политических лидеров Монголии получили высшее образование в вузах СССР. Среди них Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР (1974–1984) Юмжагийн Цэдэнбал (Сибирский Финансово-экономический

[3] Ганжуров В.Ц. Россия – Монголия (на трудном пути реформ). С. 29.

[4] Сотрудничество СССР и МНР в области науки и культуры / Э.Г. Азербаев [и др.]. – Новосибирск. Наука : Сиб. отд-ние, 1983. – С. 74.

[5] Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2019. – С. 24.

институт в Иркутске), первый Президент Монголии (1990–1997) Пунсалмагийн Очирбат (Ленинградский горный институт), Президент Монголии (1997–2005) Нацагийн Багабанди (Ленинградский техникум холодильной промышленности, Одесский технологический институт пищевой промышленности), Президент Монголии (2005–2009) Намбарын Энхбаяр (Московский литературный институт), Президент Монголии (2009–2017) Цахиагийн Элбэгдорж (Львовское высшее военно-политическое училище).

Сотрудничество СССР и МНР в области образования, как было уже сказано, реализовывалось также в направлении обеспечения советскими кадрами предприятий МНР. Советские специалисты были востребованы во всех важнейших сферах экономики Монголии, поскольку страна испытывала дефицит профессиональных кадров. С 1980 по 1990 г. ежегодно в МНР отправлялись 6–7 тыс. советских специалистов[1]. Таким образом, Советский Союз оказал огромную помощь и поддержку МНР в деле подготовки высококвалифицированных специалистов для всех областей народного хозяйства страны. При поддержке СССР в МНР была ликвидирована неграмотность населения.

В современной Монголии более 30 тысяч специалистов являются выпускниками вузов СССР и России[2]. Как уже отмечалось, обучение иностранных граждан можно рассматривать одним из основных инструментов «мягкой силы» государства. Полученные в студенческие годы знания надолго закрепляются в памяти, оказывают влияние на их убеждения, взгляды, ценности и интересы. «Такие студенты приобретают ценный социальный капитал и, вернувшись на родину с новым багажом накопленных знаний, связей, симпатий и новых друзей, как правило, становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились. В итоге эффективность воздействия на внешний мир с помощью национального образования как инструмента «мягкой силы» оказывается в конечном счете гораздо выше, чем с помощью военных или иных рычагов давления»[3].

[1] Ганжуров В.Ц. Россия – Монголия (на трудном пути реформ). С. 56.

[2] Дугаржав Л., Филин С.А. Взаимодействие России и Монголии в сфере образования. – Улан-Батор, 2012. – С. 153.

[3] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике

До 90-х годов XX столетия система образования МНР строилась по принципам советской модели системы образования. Конституция 1924 г. гарантировала право всех трудящихся на бесплатное образование. В 1933 г. Министерство просвещения МНР на примере советских школ разработало типовые учебные планы и программы для начальной и средней школы. В конце 1930-х гг. в учебные планы средних школ Монголии было введено обучение русскому языку, а в 1941 г. старомонгольская письменность была заменена на кириллицу[4]. Первоначально обучение русскому языку в школах велось советскими учителями, приглашенными специально на работу в МНР. Советские специалисты оказали большую помощь в подготовке учебников, учебно-методических пособий и научной литературы на монгольском языке. Это позволило значительно повысить качество общего образования в МНР и уровень грамотности населения.

Социально-экономический, политический кризис в Монголии в 90-е годы XX в. негативно отразился на образовательной сфере. Дошкольные учреждения перестали получать государственную поддержку, значительно сократилось финансирование общеобразовательных и профессионально-технических школ, высших учебных заведений. Отсев из общеобразовательной школы возрос с 4% в 1988/89 учебном году до 22% в 1992/93. В некоторых сомонах (районах) начальным обучением в указанный период было охвачено только 40% детей в возрасте 8–12 лет. В сфере профессионального образования количество учащихся сократилось с 34 тыс. в 1989 г. до 7 тыс. в 1995 г.[5]

В новых социально-экономических условиях система образования нуждалась в реформировании. Прежде всего изменения коснулись законодательной базы, которая и определило дальнейшее развитие всей образовательной системы Монголии. В отличие от Конституции МНР, которая гарантировала бесплатное образование гражданам на всех уровнях образовательной системы, принятый в 1991 году Закон об образовании обеспечи-

России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №4 (25). – С. 86. URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1792/1377 (дата обращения: 20.05.2022).

[4] Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // Власть. – 2011. – № 3. – С. 96.

[5] Цит. по: Супрунова Л.Л. Образование в Монголии: трудности и достижения переходного периода // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 102.

вал бесплатность обучения только на уровне основного общего образования. С 2005 г. монгольская общеобразовательная школа перешла на 11-летний срок обучения, а с 2008 г. – на 12-летний срок обучения.

В новом Законе от 1991 г. право учреждать учебные заведения предоставляется не только государству, но также органам местного самоуправления, общественным организациям и частным лицам, иностранным организациям и фондам. Эти нововведения вызвали резкий рост новых частных учебных заведений. Если в 1990 г. в Монголии действовали 1 государственный вуз, 8 институтов, 14 техникумов, то в 2009–2010 гг. численность вузов и колледжей выросла до 146, из которых 42 государственных, 99 частных, 5 филиалов зарубежных вузов[1]. Многие частные вузы не отличались высоким качеством подготовки специалистов, так как были в основном ориентированы на получение доходов за образовательные услуги. Поэтому большинство молодых людей предпочитали учиться в государственных образовательных организациях, так как выпускники государственных вузов были более востребованы на рынке труда.

С 1995 г. высшее образование в Монголии претерпевает изменения, связанные с переходом на двухуровневую систему образования (бакалавриат – магистратура) в соответствии с Болонским процессом. Подготовка бакалавров в основном реализовывалась в колледжах и институтах. Программы магистратуры были представлены преимущественно в университетах. Эти изменения в системе высшего образования способствовали развитию международного сотрудничества в этой сфере. В Монголии расширилась сеть иностранных учебных заведений. Так, в 1996 г. в Монголии был открыт японский институт «Соёл Эрдэм». На инвестиции Кореи был образован Монгольский интернациональный университет, институт Хурээ, Университет Улан-Батор, Монголо-Корейский технико-технологический колледж, с помощью США в Монголии открылся филиал Хартфордского университета и др.[2] В сферу образования вкладываются значительные иностранные инвестиции, благодаря

[1] Дугаржав Л., Филин С.А. Взаимодействие России и Монголии в сфере образования. – Улан-Батор, 2012. – С. 127.

[2] Навааншоч Х. Цэдэв, Дашдоржийн Мунхбат Высшее образование в Монголии // Вестн. Моск. Ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2013. – № 3. – С. 57.

которым существенно обновилась материально-техническая база вузов. К странам, оказывающим финансовую поддержку учебным заведениям Монголии, относятся Япония, США, Республика Корея, КНР, Канада. Таким образом, конкуренция среди иностранных вузов значительно выросла. Многие молодые люди уезжают из страны для получения образования в вузах США, Японии, Республики Корея, Китая. Согласно данным Института Юнеско, в 2019 г. число выехавших за рубеж монгольских граждан с целью получения образования составило 10598 человек, из них 2707 обучаются в Южной Корее, 1438 – в Японии, 1335 студентов в США[3]. Образование в этих странах стало более привлекательным и престижным. Так, по данным социологического исследования общественного сознания монгольской молодежи, на вопрос «если бы вы решили переехать учиться или работать в другое государство, то куда именно?», 36,8% опрошенных ответили, что хотели бы переехать в США, 21,1% – в Республику Корея, 15,3% – в Россию[4].

В постсоциалистический период в Монголии были открыты филиалы ряда российских вузов: Бурятского государственного университета, Московского энергетического института, Кемеровского госуниверситета, Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Восточно-Сибирского государственного технологического университета и др. Для работы в этих учебных заведениях приезжали российские преподаватели, а также сюда поступали российские студенты, которые в свою очередь выступали проводниками русского языка и культуры. После 2 курса студенты могли продолжить обучение в головных вузах и получить российский диплом. К сожалению, на данный момент функционирует только филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, остальные филиалы были закрыты, в связи с сокращением финансирования, недостатком кадров, снижением спроса на российское образование на фоне конкуренции с другими вузами.

В начале 1990-х годов происходит снижение статуса русского языка, связанное с введением обязательного изучения в школах

[3] Краснова Г.А. Маркетинг образовательных услуг. – М.: Проспект, 2021. – С. 235.
[4] Общественное сознание современной молодежи Монголии / Отв. ред. Э.Д. Дагбаев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. – С. 90.

английского языка вместо русского языка. Также все большую популярность приобретает изучение китайского, корейского, японского, французского, немецкого и других языков. Выросло поколение молодежи, не владеющее русским языком, ориентированное на западные ценности и установки. «Наибольшее количество школ ориентировано на преподавание английского языка (программы по стандартам Кембриджа, Оксфорда и др.). На втором месте школы, в которых изучают китайский и русский языки. … Первые китайские школы начали появляться в конце 1990-х годов, в том числе две основные школы Путонхуа и Үй Цай были основаны в 1997 году»[1]. Незнание русского языка явилось одним из факторов снижения численности студентов из Монголии в российских вузах.

В 2020 г. в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ-Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии «“Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ» был проведен опрос российских и монгольских экспертов по вопросам российско-монгольских отношений. В исследовании приняли участие 44 российских и 49 монгольских экспертов, среди которых представители органов власти, науки, образования, СМИ. Согласно данным экспертного опроса, происходит ослабление сотрудничества в образовательной сфере между государствами. Этому способствовало сокращение политических, военных, торгово-экономических и культурных связей между странами в 1990-х годах и усиление влияния третьих стран в Монголии, в частности Китая. Так, 36,7% монгольских экспертов и 40,9% российских экспертов считают, что в советско-монгольских отношениях сотрудничество в области образования было достаточно интенсивным. Что касается российско-монгольских отношений, то только 12,2% монгольских экспертов и 6,8% российских экспертов считают, что сотрудничество в сфере образования имеет динамичный характер.

Несмотря на некоторый спад интереса к российскому образованию, по мнению монгольских экспертов, Россия все равно

[1] Актамов И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 230.

является наиболее предпочтительной страной для получения образования гражданами Монголии и в рейтинге стран разделяет 1 место с США. Однако оценки российских и монгольских экспертов разделились: большинство российских экспертов считают, что для граждан Монголии получение образования в Китае и США предпочтительнее, чем российское образование (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов экспертов на вопрос «Какие страны являются наиболее предпочтительными для получения образования гражданами Монголии?», %.

Страны	Российские эксперты	Монгольские эксперты
Россия	38,6	61,2
Китай	72,7	34,7
Япония	38,6	44,9
Южная Корея	34,1	2,0
США	63,6	61,2
Великобритания	4,5	14,3
Германия	31,8	49,0
Нет данных	2,3	2,0
Всего	100,0	100,0

Среди российских вузов, по данным экспертного опроса, наибольшую популярность представляют столичные вузы, образование в которых отличается высоким качеством (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие российские вузы, на Ваш взгляд, наиболее популярны среди монгольских граждан?»

Варианты ответов	Кол-во %
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ)	91,8
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)	61,2

Московский государственный университет международных отношений (МГИМО)	53,1
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова	10,2
Другой вуз	6,2
Российский университет дружбы народов (РУДН)	4,1
Высшая школа экономики	4,1
Таких нет	2,0
Всего	100,0

Начиная с 2006 г. наблюдается постепенный рост численности монгольских студентов, обучающихся в вузах России (табл. 3). Интерес к российским вузам обусловлен программой предоставления квот на обучение иностранных граждан в российских вузах за счёт бюджета. Так, в 2017–2018 академическом году из 3198 обучающихся из Монголии 1810 человек (56,6%) учились в российских вузах по очной форме обучения на бюджетной основе[1]. Ежегодно Правительство РФ выделяет гарантированное количество бюджетных мест для обучения иностранцев в высших учебных заведениях страны. В 2021 г. иностранным гражданам было выделено 18000 мест, далее предлагается увеличить количество квот до 30000 к 2023 г.[2]

Таблица 3

Численность монгольских граждан, обучающихся в российских вузах в 2006/2007–2017/2018 академических годах*

Год	2006/ 2007	2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018
Чел.	1768	2164	2569	2593	2998	3048	3084	3200	3058	2870	2989	3198

*составлена по: Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Выпуск 9. М., 2019. 536 с.

[1] Экспорт российских образовательных услуг, 2019. С. 186.

[2] В России увеличили квоту на обучение иностранцев за счёт бюджета // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-uvelichili-kvotu-na-obuchenie-inostrancev-za-schyot-byudzheta.html (дата обращения: 20.05.2022).

Важную роль в российско-монгольском сотрудничестве сыграло подписание межправительственного Соглашения между Россией и Монголией о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях (2013 г.), которое решает проблему легитимизации российских дипломов в Монголии[3]. В связи с этим наблюдается высокая заинтересованность граждан Монголии в обучении не только по образовательным программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, но также в аспирантуре с последующей защитой в диссертационных советах Российской Федерации.

Таким образом, СССР сыграл значительную роль в становлении и развитии системы образования Монголии в советский период, обеспечив обучение граждан МНР и подготовку высококвалифицированных кадров в учебных заведениях СССР. В 90-е годы XX столетия происходит трансформация образовательной системы Монголии: советская модель образования сменяется западной. В эти годы происходит сокращение контактов между нашими странами в различных сферах, в том числе в области образования. Несмотря на снижение востребованности российских вузов среди монгольских студентов и роста конкуренции среди иностранных вузов на образовательном рынке Монголии с начала 90-х годов, сегодня российское образование остается привлекательным для монгольских граждан. Об этом свидетельствует рост численности монгольских студентов, обучающихся в российских вузах как на бюджетной, так и на коммерческой основе. Правительство России продолжает предпринимать меры по продвижению российских образовательных услуг и популяризации российского образования в Монголии. Заключены ряд соглашений, продолжается активная деятельность представительства Россотрудничества в Монголии, Российским центром науки и культуры в Улан-Баторе организуются традиционные мероприятия (Дни российской культуры и русского языка, выставка образовательных услуг и т.д.). В целом экспорт образовательных услуг и высшего образования за рубеж несомненно становится одним из механизмов реализации «мягкой

[3] Международные договоры о взаимном признании документов об образовании: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях (Москва, 1 июля 2003 года). URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/agreem_recog_Mongolia_2003 (дата обращения: 15.06.2021).

силы» государства, способствуя распространению русского языка и культуры в целом. В связи с этим необходимо расширять взаимодействие наших стран в рамках студенческой мобильности, а также продолжить реализацию мер по повышению конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг (повышение качества российского образования, предоставление квот в российских вузах, повышение статуса русского языка и др.).

Список использованных источников и литературы

Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York, 2004. – 192 p.

Politbarometer // Sant Maral Foundation. URL: https://www.santmaral.org/publications (дата обращения: 09.06.2021).

Актамов, И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков [Текст] / И.Г. Актамов // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 221–237.

В России увеличили квоту на обучение иностранцев за счёт бюджета // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-uvelichili-kvotu-na-obuchenie-inostrancev-za-schyot-byudzheta.html (дата обращения: 20.05.2021).

Ганжуров В.Ц. Россия-Монголия (на трудном пути реформ) [Текст] / В.Ц. Ганжуров; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Бурят. науч. центр, Байкал. ин-т рацион. природопользования, Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 106 с.

Дугаржав, Л., Филин, С.А. Взаимодействие России и Монголии в сфере образования [Текст] / Л. Дугаржав, С.А. Филин. – Улан-Батор, 2012. – 300 с.

История советско-монгольских отношений [Текст] / М.И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др. – М. : Наука, 1981. – 352 с.

Краснова, Г.А. Маркетинг образовательных услуг [Текст] / Г.А. Краснова. – М.: Проспект, 2021. – 348 с.

Наваанзоч Х. Цэдэв, Дашдоржийн Мунхбат Высшее образование в Монголии [Текст] / Х. Цэдэв Наваанзоч, Мунхбат Дашдоржийн // Вестн. Моск. Ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2013. – № 3. – С. 51–62.

Общественное сознание современной молодежи Монголии [Текст] / Отв. ред. Э.Д. Дагбаев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. – 160 с.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях URL: https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/confirmation/agreem_recog_Mongolia_2003 (дата обращения: 15.06.2021).

Сотрудничество СССР и МНР в области науки и культуры [Текст] / Э.Г. Азербаев, Р.Л. Балдаев, Х.Ж. Гармаева и др.; Отв. ред. Р.Е. Пубаев. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1983. – 300 с.

Супрунова, Л.Л. Образование в Монголии: трудности и достижения переходного периода [Текст] / Л.Л. Супрунова // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 101–112.

Торкунов, А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012; – 4 (25). – С. 85–93. URL: https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1792/1377 (дата обращения: 05.04.2021).

Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2019. – 536 с.

Энхбаяр, Д. Трансформация системы образования Монголии [Текст] / Д. Энхбаяр // Власть. – 2011. – № 3. – С.96–97.

Актамов И.Г.

2.4. Образование как инструмент «мягкой силы» России в отношениях с Монголией

Исторический экскурс в советско-монгольские двусторонние отношения в области образования

Официальная новейшая история двух стран охватывает период с начала 1921 г., когда Советская Россия подписала Соглашение с Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений от 5.11.1921 г., которое стало первым международным актом, признававшим суверенитет монгольского государства[1]. Таким образом, именно с этого момента начинаются советско-монгольские отношения практически во всех сферах. Принципиальной важным моментом в истории советско-монгольских отношений является подписание Протокола о взаимной помощи в 1936 году, после которого на территории Монголии были дислоцированы советские военные части. Это был определяющий этап в развитии двусторонних отношений, поскольку непосредственно касался национальных интересов двух государств. Что же касается социально-экономического развития, то Монголия с начала 1930-х гг. начала полностью перенимать советский опыт[2]. Началась ускоренная модернизация монгольского общества посредством его секуляризации, создания и развития системы массового начального и среднего образования, большое внимание уделялось становлению системы здравоохранения, всей социальной сферы[3].

Создание системы всеобщего начального и среднего образования в Монголии было сопряжено с решением ряда проблем как материального, так и методического характера. Принципиальной проблемой, которую необходимо было решить, являлось отсутствие кадров, способных реализовывать образовательный

[1] Советско-монгольские отношения. 1921–1966: сборник документов. – М.: Международные отношения, 1966. – Т. 1. – С. 13.

[2] Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации / науч. ред. А.С. Железняков. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. – С. 212.

[3] Бойкова Е.В. Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 120–121.

процесс в новых условиях. Традиционная система образования Монголии носила преимущественно религиозный характер, вместе с тем, существовало относительно небольшое количество школ, созданных при Цинской империи, где готовили писарей для нужд маньчжурского правительства. С изменением социально-политической ситуации новому правительству Монголии нужно было заново создать инфраструктуру для искоренения неграмотности. Схожие проблемы решались Советским Союзом в указанный исторический период. Исторически важным решением стал переход Монголии с классической монгольской письменности на кириллицу. Эксперименты с письменностью начали реализовываться в Бурят-Монгольской АССР, которая находилась в составе Советского Союза. Классическая монгольская письменность использовалась монгольскими племенами с XIII века. Под воздействием разных факторов она видоизменялась, трансформировалась, но сохранила свою систему до настоящего времени[4]. После непродолжительного периода использования латиницы, в 1939 году Б-МАССР перешла на кириллицу. После совещаний между главами СССР и МНР, было решено, что Монголия также перейдет на кириллицу с 1941 года. По мнению Д. Энхбаяра, переход на кириллицу позволил приступить к реализации первоочередных задач в построении современной системы образования Монгольской Народной Республики – ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, максимальный охват начальным образованием детей и переход к профессиональному образованию.

Изначально уроки русского языка велись советскими специалистами. Подготовка монгольских учителей велась в разных городах Советского Союза – Москве, Ленинграде, Иркутске, Улан-Удэ, Кяхте[5]. Вместе с тем, руководители страны понимали, что без собственной системы подготовки кадров государство не может успешно развиваться. При помощи СССР в 1940 г. в Улан-Баторе был основан учительский институт. Собственных

[4] Классическая монгольская письменность до сих пор используется как в самой Монголии, так и в Бурятии в сфере науки, культуры, образования. Но официальный статус ей придали в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР, где он используется наряду с китайским языком – И. А.

[5] Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // Власть. – 2011. – №3. – С. 97.

ресурсов было недостаточно, поэтому в 1941 г. в Улан-Батор перевозят педагогическое училище, которое находилось в Улан-Удэ. Это в определенной степени помогает решить ряд вопросов, в том числе по кадрам и контингенту учащихся.

В подготовке высококвалифицированных кадров невозможно переоценить значение первого высшего учебного заведения Монголии – Монгольский государственный университет, который был открыт в 1942 г. при помощи Советского Союза. В связи с открытием университета Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР 5 октября 1942 г. направил приветствие премьер-министру МНР Х. Чойбалсану. В нем говорилось: «Всесоюзный комитет по делам высшей школы по указанию советского правительства всегда оказывал, оказывает и будет оказывать помощь и поддержку развитию культуры в Вашей стране!» В качестве первоначальной помощи и дара молодому высшему учебному заведению Всесоюзный комитет по делам высшей школы направил научных работников по семи специальностям, а также оборудование для учебных лабораторий по физике, химии, ботанике, зоологии и животноводству[1].

Монгольский госуниверситет на этапе своего становления был представлен тремя факультетами – зоологический, медицинский и педагогический. Общее количество студентов составляло 90 человек, и в 1946 году был осуществлен первый выпуск. По состоянию на 1957 год в составе университета уже были созданы исторический, экономический факультеты, факультет монгольского языка и литературы, факультет иностранных языков, ветеринарный, зоотехнический, агрономический факультеты, а также математический, химический, биологический, физический факультеты. Отдельная подготовка велась по медицинским специальностям. В составе университета функционировало 39 кафедр, общий контингент студентов составил свыше двух с половиной тысяч[2].

Несмотря на все сложности, в результате реализации комплекса мероприятий монгольских и советских педагогов, уже

[1] Джагаева О.А., Манжиков Э.Б. Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. // Теория и практика общественного развития,. – 2015. – №12. – С. 262.

[2] Монгол улсын түүх. V боть. – Улаанбаатар, 2003. – 374 х.

к концу 1957 г. количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4%, а в начале 1970-х гг. МНР стала страной сплошной грамотности и вошла в ряд стран, обладающих высоким научным и культурным потенциалом[3].

В период с 1980 по 1990 гг. Советский Союз усилил научно-педагогическое направление сотрудничества, велась подготовка кадров высшей квалификации для всех сфер жизнедеятельности. В 1986–1990 гг. из Монголии в советские вузы ежегодно направлялось до 1 300 чел., тогда как общее количество первокурсников из всех других стран, вместе взятых, составляло лишь 160 чел. в год[4]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что образовательное сотрудничество с Монголией имело особое значение во внешней политике Советского Союза.

Начало 1990-х гг. было ознаменовано кардинальными изменениями в социально-экономической и политической сферах в Советском Союзе, которые в итоге привели к распаду государства. В 1987 г. руководством Монголии было принято принципиальное решение – в вузах был отменен государственный экзамен по русскому языку, а в 1988 г. – выпускной экзамен по этому предмету в школах. Почти 500 учителей русского языка остались без работы[5]. Конец XX века был ознаменован подъемом антисоветских (антироссийских) настроений во многих странах бывшего СССР и стран социалистического блока. На волне демократической эйфории многие страны полностью отказались от многих позитивных достижений советской эпохи. Руководство Монголии настояло на отзыве советских специалистов, что автоматически сказалось на сокращении культурных, образовательных и научных связей. Советское (российское) культурное влияние воспринималось как наследие «имперской политики», от которого необходимо было в кратчайшие сроки избавляться. Как отмечает В.А. Родионов, нередко попытки сознательного дистанцирования от любых атрибутов собственного социалистического прошлого, становившиеся частью государственной политики, являлись по существу действиями

[3] Энхбаяр Д. Трансформация системы образования Монголии // Власть,. – 2011. – №3. – С. 97.
[4] Там же.
[5] Там же.

по отторжению культурного влияния России[1]. Несмотря на все сложности и испытания, которые пришлись на конец XX века, в начале XXI века в российско-монгольских отношениях произошел постепенный переход к нормализации отношений в гуманитарной сфере. В 2002 году страны подписали «Программу сотрудничества Правительства РФ и Правительства Монголии в области науки и культуры на 2003–2006 гг.». Это стало знаковым моментом в новейшей истории российско-монгольских отношений. После этого были заключен ряд соглашений в сфере культуры и образования, расширились образовательные программы, стали функционировать учреждения высшего образования в Улан-Баторе, увеличилось количество студентов, получающих образование в рамках квот по линии Россотрудничества. Но принципиальное значение имело принятие Правительством Монголии решения о введении русского языка в средних общеобразовательных школах Монголии с 7 класса[2]. Таким образом, российское влияние на культурно-образовательную сферу Монголии на институциональном уровне начало возвращать свои позиции.

Краткая характеристика образовательного пространства современной Монголии

Монголия постсоциалистического периода находится в поиске оптимальной модели образовательной системы, которая позволила бы не только ответить на современные глобальные вызовы с точки зрения подготовки кадров, воспитания подрастающего поколения, но и позволить стране конкурировать на региональном и международном уровнях. Руководство страны перед выбором: возврат к «российской линии» в изменившихся условиях, переход на западную модель, или конструирование собственной национальной системы. Очевидно, что в современных условиях невозможно развиваться абсолютно независимо, вне глобальных тенденций и взаимовлияния. Именно поэтому интерес вызывает то, как Монголия пытается выстроить свою систему с учетом двух своих географических соседей и «третьего соседа»[3].

[1] Родионов В.А. «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №8. – С. 257.

[2] Там же, С. 258.

[3] Родионов В.А., Аюшиева И.Г. «Третий сосед» Монголии как идейно- политический

Система образования Монголии в современном виде принципиально не отличается от российской системы, поскольку обе страны включены в болонский процесс. В Монголии реализуется модель высшего образования «бакалавриат – магистратура – докторантура». Статистические данные представлены в Таблице 1[4].

Таблица 1.

Учреждения высшего образования Монголии

Период	Общее количество	Государственные учреждения	Негосударственные учреждения	Иностранные учреждения
2014–2015	101	16	80	5
2015–2016	100	17	78	5
2016–2017	95	17	74	4
2017–2018	96	18	75	3
2018–2019	94	18	73	3

Как видно из таблицы, подавляющее большинство высших учебных заведений представлены частными заведениями. Вместе с тем, есть незначительная тенденция к сокращению частных вузов и увеличение количества государственных учреждений. Из 94 высших учебных заведений Монголии, 86 реализуют свою деятельность в Улан-Баторе, 8 расположены в аймаках (районах) страны. Очевидная диспропорция количества вузов в столице страны и в аймаках объясняется характером расселения – по разным оценкам, примерно половина из более чем трехмиллионного населения страны проживает в Улан-Баторе. Это существенным образом влияет на внутреннюю миграцию молодежи, которая стремится после окончания школ в аймаках переехать в столицу и остаться тут. Получив образование, молодые люди в большинстве своем уже не хотят заниматься сельским хозяйством, традиционными видами деятельности. В результате, аймаки Монголии ощущают острую нехватку

концепт // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №420 – С. 125–130.

[4] Дээд боловсролын салбарын 2018–2019 оны хичээлийн жилийн статистикийн мэдээллийн танилцуулга. URL: https://mecss.gov.mn/news/1388/. (дата обращения: 13.01.2020).

населения, что сказывается на социально-экономическом развитии регионов страны. Районы, в которых расположены высшие учебные заведения, представлены ниже. Большинство этих заведений расположены в центральной и северо-западной частях страны. Исключение составляют два учреждения – это Университет Дорнод, который находится на востоке страны (район носит название Восточный – «Дорнод аймаг») и Университет Ховд, который находится на западе (Кобдосский аймак). Примечательно, что в районах Монголии нет иностранных высших учебных заведений. Очевидно, это объясняется высокими затратами и небольшим количеством обучающихся по образовательным программам.

Таблица 2.

Организации высшего образования, расположенные в аймаках Монголии

Государственные	Негосударственные	Филиалы иностранных вузов
Университет Ховд	Институт Дархан (Дархан-ул)	-
Университет Дорнод	Институт Маргад (Орхон)	-
Учебно-исследовательский институт Министерства сельского хозяйства (Дархан-ул)	Колледж Гурван тамир (Архангай)	-
	Институт Далай ван (Хубсугул)	-
	Национальный институт торговли (Баянхонгор)	

В Таблице 3 представлены данные по распределению вузов по типу[1].

[1] Дээд боловсролын салбарын 2018–2019 оны хичээлийн жилийн статистикийн мэдээллийн танилцуулга. URL: https://mecss.gov.mn/news/1388/. (дата обращения: 20.05.2022).

По представленным ниже данным мы можем проследить, что идет тенденция к сокращению количества институтов и увеличения количества университетов.

Таблица 3.

Типы высших учебных заведений Монголии

Период	Общее количество	Университеты	Институты	Колледжи	Филиалы иностранных вузов
2014–2015	101	18	70	8	5
2015–2016	100	25	64	6	5
2016–2017	95	31	57	3	4
2017–2018	96	35	52	6	3
2018–2019	94	35	49	7	3

В 2018–2019 учебном году количество учащихся в учреждениях высшего образования (94 организации) составило 157 625 человек. В процентном соотношении это выглядит следующим образом: в вузах обучается – 32,7%, в институтах – 52,1%, в колледжах – 7,4% и в иностранных учебных заведениях – 3,2% от общего количества учащихся. Министерством образования, культуры, науки и спорта Монголии реализуется работа по повышению качества высшего образования, сокращению вузов, не соответствующих требованиям ведомства. Например, наибольшее количество учреждений высшего образования было отмечено в 2004 году и составило 184 организации, в 2006 году их стало уже 170, в 2012 году – 99, а в 2018 году – 94, что по сравнению с 2004 г. сократилось практически в два раза[2].

Это образовательная политика правительства, нацеленная на повышение требований к организационным, методическим, кадровым условиям реализации программ высшего образования. В результате, некоторые вузы были объединены, а некоторые прекратили свою деятельность.

В количественном отношении, наибольшее количество обучающихся было в 2014 г. и составило 178295 человек. По состоянию на 2018–2019 учебный год – 157625 человек. Сокращение

[2] Монгол улсын боловсролын суурь мэдээллийн тайлан. – Улаанбаатар, 2019 он. – 152 х.

количества студентов профильное министерство связывает, в первую очередь, с демографическими процессами, которые имеют волнообразный характер.

Несмотря на то, что количество государственных вузов составляет всего 18 учреждений (данные в Таблице 1), что составляет 19,1% от всех учреждений высшего образования, общее количество обучающихся в государственных вузах составляет 55,8%. По сравнению с 2006 годом, когда обучающихся в государственных учреждениях было 65,6%, показателен процесс снижения количества студентов, тем не менее, общая тенденция высокого спроса на государственные вузы сохраняется.

По данным Министерства образования, культуры, науки и спорта страны, Монголия по охвату высшим образованием на 100000 населения в 5 раз превышает показатели России, в 5,4 раза показатели Японии, в 15 раз показатели Турции[1].

Таким образом, сеть учреждений высшего образования Монголии представляет собой сочетание государственных, негосударственных (частных) и иностранных заведений. Исходя из контингента обучающихся, мы можем сделать вывод, что монгольская молодежь все же предпочитает в большинстве своем государственные высшие учебные заведения.

Образовательная политика является одним из важнейших направлений развития государства. После 1990 года Монголия пошла по пути модернизации высшего образования в соответствии с международными тенденциями и стандартами. В 1995 году был принят пакет законов, согласно которому, образование определялось как «приоритетное направление развития, которое находится под патронажем правительства и пристальным вниманием общественности»[2]. В этом же пакете были определены уровни высшего образования – бакалавриат, магистратура, докторантура, а также количество кредитов, которые должны быть освоены на каждом из уровней образования. В 1998 году были внесены поправки и скорректированы основные принципы, в соответствии с которыми образование в Монголии реализуется с целью формирования интеллектуально, морально и физически развитых граждан, которые обладают гуманизмом,

[1] Там же.
[2] Там же, 164 х.

способностью к самообразованию, самостоятельной профессиональной и общественной деятельности[3].

«Битва за умы»: образовательное пространство Монголии как арена борьбы разных акторов «мягкой силы»

Как известно, термин «мягкая сила» впервые был оформлен как научный концепт в 1990-е годы, затем он применялся во внешней политике США, в том числе через образ «американская мечта». Выражение «американская мечта» восходит к периоду великой депрессии, но особое распространение по всему миру оно получило после развала СССР. Концепт «Американская мечта» сами американцы в общем виде определяют как стремление человека к достижению успеха, материального благополучия, которое предполагает социальный рост от низших слоев общества к элите, что в конечном счете выражается в признании, богатстве и славе. Кроме того, это выражается в возможности позволить себе собственный дом, иметь высокооплачиваемую работу, занимать достойное положение в современном обществе[4]. Все это зависит от личностных качеств человека, его целеустремленности, что, в конечном счете, говорит о наличии равных для всех возможностей достичь успеха. Американское правительство начало активно использовать данный термин в качестве примера справедливого общественного устройства, которое дает всем людям одинаковые шансы, исключает протекционизм, дискриминацию по различным критериям. Концепт «американская мечта» довольно успешно конструировал образ Америки как страны, где сбываются мечты, в сознании граждан разных стран по всему миру и был весьма эффективным инструментом «мягкой силы».

Однако идея использовать «мягкую силу» для распространения влияния на другие государства восходит к древнекитайским философам. К примеру, один из величайших мудрецов в китайской истории Лао-цзы, которому приписывают авторство философского трактата «Дао-Дэ-Цзин», отмечал: «Лучшие узы те, что не удерживаются ничем материальным, но их

[3] Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (Единая юридическая информационная система). URL: https://www.legalinfo.mn/law/details/9020. (дата обращения: 20.05.2022).

[4] Коршунова Е.С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. – Серия «Общество. История. Современность». – 2017. – №4. – С. 22.

нельзя разорвать»[1]. Данную стратагему начали использовать в новейшее время, в первую очередь через гуманитарное направление внешней политики – специально созданную Канцелярию (汉办), которая начала развивать сеть Институтов Конфуция[2]. Не вдаваясь в детальный анализ направлений внешней политики КНР в новейшее время, постараемся проанализировать соперничество между Россией и Китаем в образовательном пространстве Монголии. Ареной соперничества образовательное пространство Монголии стало после 1991 года. Особую активность в этом плане стали проявлять США, которые были заинтересованы в распространении своего влияния в Северо-Восточной Азии, а Монголия в этом плане представляла стратегический интерес. По данным информационных ресурсов, в Улан-Баторе в настоящий момент функционирует несколько частных средних общеобразовательных школ, которые реализуют свои образовательные программы в соответствии со стандартами Министерства образования, культуры, науки, спорта Монголии. Преобладают школы, в которых приоритетом является изучение иностранных языков с младших классов – английского, китайского, русского, корейского, японского. Наибольшее представительство школ, в которых изучают английский язык (программы по стандартам Кембриджа, Оксфорда и др.). На втором месте школы, в которых изучают китайский и русский языки. Школы с китайским языком – это Путонхуа, СЭН ЛИЗЭ, Үй Цай, «Хишиг», «Тольт» (англо-китайский, класс Конфуция)[3]. Первые китайские школы начали появляться в конце 1990-х годов, по крайней мере, две основные школы Путонхуа и Үй Цай были основаны в 1997 году. Частные школы, с углубленным изучением русского языка представлены такими учебными заведениями как Русская гимназия, «Радуга», русская школа имени Плеханова, «Ромашка», совместная российско-монгольская школа. Что интересно, в «Ромашке» помимо русского языка изучают и китайский. Российская государственная школа в Монголии одна

[1] Лао Цзы. Дао-Де-Цзин / Под ред. В.В. Антонова. – Одесса: New Atlanteans. – 60 с.

[2] Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. – 2019. – Том 27. – №3. – С. 231–236.

[3] Улаанбаатар хотын бүх хувийн дунд сургуулиуд. URL: https://huree.mn/. (дата обращения: 20.05.2022).

– средняя школа при Посольстве РФ, которая была основана в 1992 году. Школа «Кириллица» функционирует на базе Российского центра науки и культуры, и ее деятельность не ограничивается только учебным процессом. Сотрудники РЦНК, учителя школы проводят различные культурные мероприятия с привлечением широкого круга участников, в том числе и старшего поколения, людей с ограниченными возможностями здоровья. Аналогичных китайских школ в Улан-Баторе нет. Вместе с тем, китайские школы имеют как минимум одно конкурентное преимущество – выпускники средних школ с очень высокой долей вероятности имеют возможность продолжить обучение в вузах КНР за счет правительства Китая, либо за счет стипендий провинций (автономий)[4]. Таким образом, мы видим, что учреждения среднего образования, представленные частными учебными заведениями, в основном ориентирована на американские, британские стандарты. На втором месте учебные заведения, опирающиеся на китайские и российские стандарты. Спрос на западную модель образования, как уже отмечалось выше, был обусловлен желанием дистанцироваться от коммунистического прошлого, «имперского наследия» Советского Союза. Справедливости ради следует отметить, что подобные процессы протекали во многих странах, в том числе и в самой России. В новейший период своего развития Монголия активно привлекала международные организации для реализации различных образовательных программ, такие как ЮНЕСКО, Азиатский банк развития, Международный банк реконструкции и развития и другие. Кроме того, большую активность проявляют государства-партнеры Монголии. Активность в сфере образования в виде прямых инвестиций проявляют такие страны, как Япония, Соединенные Штаты Америки, Р. Корея, КНР, Канада. Например, в 2001 году, благодаря корейским инвестициям открылся Монгольский международный университет, в 2005 году открылся филиал Гарвардского университета, а еще раньше, в 1996 году был открыт институт «Соёл Эрдэм» (Япония) и др.[5].

[4] Например, 100% выпускников школы Путонхуа имеют возможность продолжить обучение. URL: https://www.facebook.com/putonghuau/ (дата обращения: 20.02.2022).

[5] Цэдэв Н.Х., Мунхбат Д. Высшее образование в Монголии // Вестник Московского государственного университета. – Серия 7. Философия. – 2013. – №3. – С. 57.

Как отмечают монгольские исследователи, развитие образовательного пространства Монголии, инновационная деятельность зарубежных консультантов в сфере образования позволяет преподавателям, студентам легче адаптироваться к новым реалиям, помогает приобщиться к научно-исследовательской деятельности, обновить и обогатить методический опыт. Вместе с тем, иностранные специалисты предоставляют свою помощь не без стратегических целей. Руководители проектов Дж.Г. Хван (J.G. Hwang) и Дж.С. Вейдман (J.C. Weidman) в своих публикациях недвусмысленно отмечали, что главное в этой работе – демонтаж социалистической системы образования, а также переориентация населения с социалистических на капиталистические идеалы демократии[1]. Нет сомнения в том, что кроется за «весьма щедрыми инвестициями» со стороны развитых держав: через свои образовательные проекты они воспитывают в Монголии убежденных сторонников идей и ценностей, которых придерживаются сами. Именно в этом выражается реализация политики «мягкой силы» со стороны иностранных держав в образовательном пространстве Монголии.

За последние десять лет получение образования в Китае для граждан Монголии стало уже стратегией, которая в перспективе принесет хорошие дивиденды с точки зрения трудоустройства или ведения бизнеса. Именно поэтому многие родители стремятся отправить своих детей на обучение в вузы Китая по программам бакалавриата, магистратуры, докторантуры[2]. Однако по данным Министерства образования, культуры, науки, спорта Монголии, с 2012 по 2018 гг. по двусторонним соглашениям о сотрудничестве в сфере образования, количество монгольских студентов по странам выглядит следующим образом: в Российской Федерации обучалось 34,6%, в КНР – 33,7%, в Венгрии – 8,2%, в Японии – 4,5%, в Турции – 4,4%. В табличном виде динамика по годам выглядит следующим образом[3]:

[1] Супрунова Л.Л. Образование в Монголии – трудности и достижения переходного периода // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 110.

[2] Актамов И.Г. Гуманитарная география трансграничья: ценностные доминанты и модели поведения иностранных студентов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – №1. – С. 5–10.

[3] Боловсрол, соёл, шинжлэх ухаан, спортын яам. URL: https://mecss.gov.mn/news/1388/ . (дата обращения: 20.05.2022).

Таблица 4.

Количество монгольских студентов, обучающихся за границей

Страна	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Итого
РФ	208	220	226	350	474	496	510	2484
КНР	319	355	353	376	361	399	258	2421
АРВМ (КНР)	-	-	-	-	-	-	100	100
Венгрия	4	5	15	79	98	185	200	586
Япония	58	58	35	-	58	58	58	325
Турция	53	-	35	-	75	75	75	313

Как видно из таблицы, практически все страны наращивают количество квот на обучение для монгольских абитуриентов. Показательна в этом плане динамика России, которая обогнала Китай по данному показателю. То есть увеличение бюджетной поддержки на обучение иностранных граждан напрямую говорит о планомерной государственной политике в данном направлении. Вместе с тем, увеличение квот со стороны России невозможно без инициативы со стороны монгольских властей. Вполне вероятно, что это взвешенная политика монгольского правительства, которое стремится сохранить баланс между своими географическими соседями – Россией и Китаем, без предоставления кому бы то ни было преимущественного положения. Россия, пользуясь сложившейся конъюнктурой, наращивает гуманитарную составляющую в двусторонних российско-монгольских отношениях.

Опасения руководства Монголии вполне понятны, поскольку экономически Китай доминирует с большим отрывом. Например, по результатам 2019 года, доля экспорта Монголии в Китай составила 89,1% от всего объема (44,4% в структуре экспортируемой продукции составляет каменный уголь, 26,4% – редкоземельные металлы). По предварительным оценкам национального бюро статистики, импорт в 2019 г. представлен следующим образом: КНР – 33,6%, Россия – 28,2%, Япония – 9,6%, США – 4,7%, Р. Корея – 4,4%. Что касается структуры импорта, то 55,8% из общего объема импорта из России составляют нефтепродукты, 60,9% импорта из Японии составляют

легковые автомобили, 13,8% импорта из КНР составляют грузовые автомобили[1].

Выводы

История российско-монгольского двустороннего сотрудничества, несмотря на периоды охлаждения отношений между странами, в целом носила дружественный характер. Этому во многом способствовала историческая память о помощи Советского Союза в создании и развитии нового монгольского государства, военная, социальная и экономическая помощь в трудные периоды развития страны. Особое значение имеет то, что старшее поколение современных монгольских политиков, чиновников, ученых, деятелей культуры, представителей бизнеса получили образование еще в СССР, в большинстве своем они сохранили позитивный образ «русского человека». Образ Китая, наоборот, имеет отрицательную историческую коннотацию. Однако с начала нового тысячелетия «хороший образ» России начал размываться в силу ослабления гуманитарных и экономических контактов. Эту нишу довольно активно начал заполнять Китай. При этом китайская сторона системно подошла к этому направлению внешней политики. В первую очередь, через сотрудничество в сфере образования – обучение китайскому языку, культуре, организация и проведение летних школ, реализация совместных образовательных программ в вузах. На втором этапе – подготовка кадров высшей квалификации в вузах КНР. В течение четырех лет монгольские магистранты и докторанты получают профессию по различным направлениям подготовки за счет Правительства КНР. После возвращения к себе на родину они становятся невольными трансляторами китайского образования, образа жизни, культуры в целом. По образному выражению одного из моих коллег, получившего образование в Китае, «мы становимся китайскими агентами мягкого влияния». Следует отметить, что это касается не только Китая, но и других стран. Например, довольно активно функционирует общество выпускников германских вузов Монголии, выпускников американских вузов и т.д. Одной из самых представительных является Ассоциация

[1] Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2019, 67 х. URL: https://drive.google.com/file/d/1Ane3V_B1jmKnqTuQio80is_Cn5fkWI_h/view. (дата обращения: 20.05.2022).

выпускников советских / российских вузов Монголии[2]. Исторически наиболее многочисленными являются представители московских, уральских и иркутских вузов. Если еще лет пятнадцать назад данная ассоциация практически не имела конкурентов в плане численности, представительства в различных сферах, то сейчас ситуация изменилась. Приходит новое поколение, которое получило образование в 1990-е годы странах запада. Очевидно, что через какое-то время придет третья волна – выпускников вузов КНР. И эти специалисты практически не будут уступать в количестве, представительстве в разных сферах советским / российским выпускникам. Исходя из этого, данное направление деятельности требует детального анализа для выявления закономерностей двусторонних российско-монгольских взаимоотношений, а также взаимоотношений в треугольнике Китай – Монголия – Россия.

Список использованных источников и литературы

1. Актамов, И.Г. Гуманитарная география трансграничья: ценностные доминанты и модели поведения иностранных студентов [Текст] / И.Г. Актамов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – №1. – С. 5–10.

2. Актамов, И. Г., Бадмацыренов, Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния [Текст] / И. Актамов, Т. Бадмацыренов // Власть. – 2019. – Том 27. – №3. – С. 231–236.

3. Бойкова, Е.В. Советско-монгольское сотрудничество в 1930-е годы [Текст] / Е.В. Бойкова // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 120–121.

4. Джагаева, О. А., Манжиков, Э.Б. Сотрудничество СССР и МНР в области образования и науки в 1940-е гг. [Текст] / О.А. Джагаева, Э.Б. Манжиков // Теория и практика общественного развития, 2015. – №12. – С. 262.

5. Коршунова, Е. С. «Американская мечта» в американской художественной литературе [Текст] / Е.С. Коршунова // Омский научный вестник. – Серия «Общество. История. Современность». – 2017. – №4. – С. 22.

[2] Форум выпускников советских/российских вузов и молодежи в Улан-Баторе, посвященный 80-летию Победы на Халхин-Голе. URL: http://mng.rs.gov.ru/%20%09/news/52754. (дата обращения: 20.05.2022).

6. Лао Цзы. Дао-Де-Цзин [Текст] / Под ред. В.В. Антонова. – Одесса: New Atlanteans. – 60 с.

7. Политический процесс в Монголии в условиях постсоциалистической трансформации [Текст] / науч. ред. А.С. Железняков. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. – С.212.

8. Родионов, В. А. «Мягкая» сила в современных российско-монгольских отношениях [Текст] / В.А. Родионов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №8. – С. 255–260.

9. Родионов, В. А., Аюшиева, И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт [Текст] / В.А. Родионов, И.Г. Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – №420. – С.125–130

10. Советско-монгольские отношения. 1921–1966 [Текст]: сборник документов. – М.: Международные отношения, 1966. – Т. 1. – С. 13.

11. Супрунова, Л.Л. Образование в Монголии – трудности и достижения переходного периода [Текст] / Л.Л. Супрунова // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 110.

12. Форум выпускников советских/российских вузов и молодежи в Улан-Баторе, посвященный 80-летию Победы на Халхин-Голе. URL: http://mng.rs.gov.ru/%20%09/news/52754. (дата обращения: 31.03.2020).

13. Цэдэв, Н. Х., Мунхбат, Д. Высшее образование в Монголии [Текст] / Н.Х. Цэдэв, Д. Мунхбат // Вестник Московского государственного университета. – Серия 7. Философия. – 2013. – №3. – С. 56–57.

14. Энхбаяр, Д. Трансформация системы образования Монголии [Текст] / Д. Энхбаяр // Власть. – 2011. – №3. – С. 96–99.

15. Nye Joseph. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N. Y., 2004. – P. 61.

16. Боловсрол, соёл, шинжлэх ухаан, спортын яам. URL: https://mecss.gov.mn/news/1388// (дата обращения: 28.03.2020).

17. Дээд боловсролын салбарын 2018–2019 оны хичээлийн жилийн статистикийн мэдээллийн танилцуулга. URL: https://mecss.gov.mn/news/1388/ (дата обращения: 13.01.2020).

18. Монгол улсын боловсролын суурь мэдээллийн тайлан. – Улаанбаатар, 2019 он. – 152 х.

19. Монгол улсын түүх. V боть. – Улаанбаатар, 2003. – 374 х.

20. Монгол улсын үндэсний статистикийн хороо, 2019, 67 х. URL: https://drive.google.com/file/d/1Ane3V_B1jmKnqTuQio80is_Cn-5fkWI_h/view. (дата обращения: 28.03.2020).

21. Улаанбаатар хотын бүх хувийн дунд сургуулиуд. URL: https://huree.mn/. (дата обращения: 27.03.2020).

22. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (Единая юридическая информационная система). URL: https://www.legalinfo.mn/law/details/9020. (дата обращения: 27.03.2020).

И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова

2.5. Роль туризма в современных российско-монгольских отношениях

В современном мире туризм прочно вошел в структуру международных отношений. Сфера туризма выходит за рамки национальных границ и дает возможности социально-экономического, культурного развития для стран, осуществляющих взаимодействие. Туристский потенциал государства формирует его положительный имидж, что увеличивает приток туристов, а вместе с тем, и инвестиций. Как отмечает В.К. Крыстев, туризм «влияет напрямую на устойчивые представления о пространстве, участвуя в качестве одного из основных показателей его «мягкой силы»… В качестве геополитического инструмента «мягкой силы» туризм формирует образы пространства и, при этом, специфическое видение мира, чья структура геокогнитивной привлекательности градуирует страны и регионы в международном сообществе»[1].

Сложившаяся международная ситуация, введение санкций в отношении России со стороны США, многих европейских и других стран вызвала переориентацию политики и экономики России на Восток, связанную с укреплением отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим взаимодействие России с Монголией в сфере туризма на современном этапе представляет особый интерес.

Концепция «мягкой силы» предложена американским политологом, профессором Гарвардского университета Джозефом Наем-младшим, которая в дальнейшем получила широкое распространение в качестве одного из ключевых направлений внешней политики государств. Под «мягкой силой» Д. Най понимал форму политического властвования, основанную на способности добиваться желаемых результатов благодаря добровольному участию, симпатии и привлекательности. В отличие от «жесткой силы», основанной на принуждении,

[1] Крыстев В.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. – 2017. – №6. – С. 95.

применении военного и экономического давления, санкций, «мягкая сила» для воздействия на другие государства предполагает использовать культурные, политические ценности, достижения в разных сферах жизни[2]. По мнению Д. Ная, именно привлекательность является ключевым моментом в его концепции, достичь которой возможно различными инструментами. Согласно автору концепции, понятие «мягкая сила» включает три блока:

1) политические ценности и институты (многопартийность, демократические выборы, права человека, рыночная экономика);

2) культурные ценности (достижения страны в культурной сфере, музыка, кино, театр, массовая культура);

3) сфера потребления (идеологическая составляющая потребительских товаров, марка, бренд)[3].

В дальнейшем спектр инструментов «мягкой силы» расширялся, и одним из инструментов государства в современных условиях можно рассматривать туризм. Так, одним из первых выделил туризм в данном качестве Дж. Мак Клори в 2010 г., включив его в «индекс мягкой силы быстро растущих рынков», наряду с иммиграцией, мировым университетским рейтингом, экспортом медиапродукции и т.д.[4]

Российско-монгольские отношения основаны на продолжительной истории добрососедского сотрудничества. Взаимодействие в положительном ключе отмечается в разных направлениях – политическом, торгово-экономическом, культурном, образовательном и т. д. Несмотря на некоторое охлаждение отношений в постсоветский период, обе стороны заинтересованы в развитии дальнейшего сотрудничества. В связи с этим, как считает В.А. Родионов, «главным лейтмотивом стратегии «мягкой силы» России в Монголии в начале XXI в. стала тема восстановления/возрождения ранее наработанных связей»[5].

---

[2] Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N. Y., 2004. – 192 p.

[3] Там же.

[4] McClory J. The Soft Power 30: A global ranking of soft power. Portland, PR Limited, 2015. – 53 p.

[5] Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 2. – С. 285.

Сотрудничество России и Монголии в области туризма во многом способствует укреплению социально-экономических и культурных связей между странами. В принимающей стране происходит стимулирование экономического роста, увеличение объёмов налоговых поступлений в регионе, развитие малых и средних форм предпринимательства, вследствие чего повышается занятость населения территорий.

Среди благоприятных условий, определяющих возможность развития отношений в сфере туризма, по мнению Н.Н. Даниленко, можно выделить «геополитическое положение стран, делающее их надежными и стратегическими партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе; наличие значительного опыта сотрудничества между странами в сфере гуманитарных отношений; наличие туристских ресурсов, которые могут быть совместно использованы, что повышает их инновационную привлекательность»[1].

В сентябре 2014 г. подписано российско-монгольское соглашение об упрощении визового режима, согласно которому граждане России смогут находиться в Монголии, а граждане Монголии в России без визы в течение 30 дней. Данное соглашение существенно облегчило возможность поездок для граждан обеих стран и вызвало рост миграций населения в обоих направлениях (табл.1, 2). Поток туристов со стороны Монголии в Россию вырос в несколько раз, достигнув своего пика в 2016 г. В то же время, несмотря на рост числа российских туристов в Монголию, их все же меньше, чем монгольских туристов.

Особенно активные миграционные перемещения населения характерны для приграничных регионов. Регулярные автобусные рейсы, железнодорожные и авиаперевозки, возможность поездок автомобильным транспортом между двумя странами стимулировали развитие туризма и вместе с тем туристической инфраструктуры.

[1] Даниленко Н.Н., Суранова О.А. Необходимость и возможность активизации сотрудничества России и Монголии в сфере туризма // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2019. – С. 120.

Таблица 1

Число въездных туристских поездок монгольских граждан в Российскую Федерацию

Годы / Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Монголия	157 663	378 196	522 026	396 125	387 492	375 701	45 006

Таблица 2

Число выездных туристских поездок граждан Российской Федерации в Монголию

Годы / Страна	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Монголия	57 192	71 948	91 206	110 749	129 644	15 072	1 792

Источник: Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок. Сайт Федерального агентства по туризму Минэкономразвития РФ // https://www.russiatourism.ru (дата обращения 25.05.2022).

Монголия большое значение придает развитию туризма, определяя его в качестве ведущего сектора экономики в соответствии с международными стандартами. На государственном уровне принимаются программные документы. Так, в 2015 г. в Монголии утверждена Национальная программа развития туризма на 2016–2025 гг., направленная на развитие туристского сектора. Основными целями программы обозначены:

– улучшение инфраструктуры туризма, увеличение возможности по приему туристов;

– развитие регионального туризма, создание турпродуктов и услуг на особо охраняемых территориях с привлечением местного населения;

– развитие системы информационного обеспечения, улучшение доступности и качества информации для туристов;

– подготовка квалифицированного персонала для сферы туризма;

– активизация внешних взаимодействий и маркетинговое продвижение данного сектора;

– развитие внутреннего туризма[1].

В июле 2016 г. по итогам совещания министров по делам туризма Китая, России и Монголии создан китайско-российско-монгольский международный туристический союз «Великий чайный путь», в рамках которого разрабатывается Международный туристический маршрут Хулун – Байкал – Хубсугул, направленный на развитие приграничного туризма[2].

Широкое распространение получили организованные туристические поездки населения как со стороны Монголии, так и России. Туристические фирмы России предлагают туры в Монголию, в которых граждане России могут познакомиться с историей и культурой Монголии. Программы таких познавательных туров, насыщенные и интересные, обычно предполагают посещение крупнейшего буддийского монастыря в Улан-Баторе Гандан, дворца Богдо-хана, статуи Чингисхана, национального парка Тэрэлж, музеев (Монгольский национальный исторический музей, музей естественной истории и др.), площади Чингис-хана и др.

Монголия привлекает туристов своей самобытной кочевой культурой, в связи с этим распространение получил кочевой туризм. Популярными маршрутами стали путешествия по пустыне Гоби, на оз. Хубсугул. В рамках реализации этого направления туристы знакомятся с кочевым образом жизни, быта и традициями разных народностей, проживающих в Монголии. Знакомство с культурой другой страны создает благоприятный положительный образ государства, усиливая воздействие «мягкой силы».

Пандемия COVID-19 (2020-2021) негативно отразилась на развитии туризма, а вместе с тем на внешнеэкономическом сотрудничестве. С ноября 2020 г. по июнь 2021 г. по решению монгольского правительства в целях борьбы с распространени-

[1] Дуурэнбилэг Ч. Социальная роль туризма в обеспечении устойчивого развития региона // Туризм как фактор устойчивого развития региона. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2019. – С. 53–57.

[2] Ву Ю. Нынешнее состояние и особенности обмена по сотрудничеству в области туризма между Китаем, Россией и Монголией // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. – 2019. – № 11 (68). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/8125 (дата обращения: 08.06.2022).

ем COVID-19 закрыта граница с Россией, запрещен въезд людей и перемещение товаров из России в Монголию[3]. За период действия ограничений 2020–2021 гг. убыток туристической отрасли Монголии составил около 3 млрд тугриков. Из-за пандемии доходы учреждений туристической отрасли уменьшились на 76%, а число рабочих мест в этой отрасли сократилось на 63%[4].

Со снятием пандемийных ограничений туристический поток в обоих направлениях восстановится, и развитие отношений между двумя странами вернут широкий спрос и предложение на рынок туристических услуг.

Активизации сотрудничества в сфере делового туризма между странами способствуют различные мероприятия. Так, 29 апреля 2022 г. в Бурятии Национальная торгово-промышленная палата Монголии (НТПП) и Торгово-промышленная палата Республики Бурятия совместно организовали Российско-Монгольский форум делового сотрудничества в целях поддержки расширения и развития торгово-экономического сотрудничества и создания благоприятной деловой среды. В работе форума приняли участие президент НТПП Монголии О. Амартувшин, генеральный консул Монголии в Улан-Удэ Д. Нямцэрэн, вице-президент Торгово-промышленной палаты Республики Бурятия В. Намсараева, а также более 20 монгольских и более 25 российских предприятий, работающих в сфере торговли, транспорта, логистики и строительства[5].

В начале июня 2022 г. в г. Улан-Удэ состоялась Байкальская туристская выставка-ярмарка Baikal Travel Mart, в которой приняли участие Ассоциация туризма Монголии и туристические организации Бурятии. Такие мероприятия дают возможность презентовать регионам свой туристский потенциал, привлечь новых партнеров, повысить интерес к туристическим продуктам.

В рамках совместного российско-монгольского проекта ««Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ» в 2019 г. нами проведен экспертный опрос, направленный

[3] Монголия открыла границы для иностранных туристов. URL: https://ria.ru/20220216/mongoliya-1773058103.html (дата обращения: 13.04.2022).

[4] Число рабочих мест в туристической отрасли Монголии сократилось на 63%. URL: https://regnum.ru/news/economy/3530507.html (дата обращения: 10.04.2022).

[5] Мунхзул Б. В Бурятии прошел российско-монгольский форум делового сотрудничества. URL: https://www.montsame.mn/ru/read/295999 (дата обращения: 02.06.2022).

на изучение феномена «мягкой силы» в отношениях России и Монголии. Экспертами выступали российские и монгольские ученые, политики и общественные деятели. В исследование включены вопросы, касающиеся развития туризма между странами.

Россия для монгольских граждан обладает большим туристским потенциалом. Как отмечают А.П. Суходолов и В.В. Бережных, наиболее перспективным в трансграничном туристском пространстве является международный маршрут, связывающий два озера – Байкал и Хубсугул[1]. По данным опроса, привлекательность России для монгольских туристов отмечают большинство экспертов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов экспертов о привлекательности Россия для монгольских туристов, в %

№	Варианты ответов	Монгольские эксперты	Российские эксперты
1.	Очень привлекательна	16.3	4.5
2.	Привлекательна	69.4	84.1
3.	Не очень привлекательна	12.2	6.8
4.	Совсем не привлекательна	-	-
5.	Другой вариант	-	2.3
6.	Нет данных	2.0%	2.3%

Среди видов туризма в России наибольший интерес, по мнению монгольских экспертов, представляют культурно-развлекательный и деловой туризм (табл. 4). Следует отметить, что российские эксперты полагают, что для монгольских туристов наиболее привлекателен религиозный туризм (65,9%). Это объясняется возможностью посещения монгольскими туристами буддистских святынь – нетленного тела XII Пандито Хамбо-Ламы Даши-Доржо Итигэлова, центра российского буддизма – Иволгинского дацана, расположенных в Республике Бурятия. Также для монгольских туристов интересен куль-

[1] Суходолов А.П., Бережных В.В. Перспективы российско-монгольского сотрудничества в сфере международного туризма в Байкальском регионе (на примере туристского маршрута Байкал-Хубсугул) // Baikal Research Journal. – 2011. – №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiysko-mongolskogo-sotrudnichestva-v-sfere-mezhdunarodnogo-turizma (дата обращения: 12.04.2022).

турно-развлекательный туризм (61,4%). Однако, как считают монгольские эксперты, в России монгольских туристов больше заинтересует этнический и лечебно-оздоровительный туризм, чем религиозный.

Таблица 4

Распределение ответов экспертов о предпочтительных видах туризма в России для монгольских туристов, в %

№	Варианты ответов	Монгольские эксперты	Российские эксперты
1.	Деловой туризм	55.1%	45.5%
2.	Культурно-развлекательный туризм	67.3%	61.4%
3.	Религиозный туризм	12.2%	65.9%
4.	Этнический туризм	32.7%	13.6%
5.	Лечебно-оздоровительный туризм	32.7%	31.8%
6.	Экологический туризм	26.5%	6.8%
7.	Спортивный туризм	14.3%	2.3%
8.	Шоп-туризм	-	4.5%

Наиболее привлекательными для туризма территориями в России, как считают монгольские и российские эксперты, являются оз. Байкал, г. Санкт-Петербург, г. Москва. Немалый интерес для монгольских граждан, по результатам опроса, представляет Черноморское побережье России (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов экспертов о предпочтительных территориях туризма в России для монгольских туристов, в %

№	Варианты ответов	Монгольские эксперты	Российские эксперты
1.	Москва	65.3%	72.7%
2.	Санкт-Петербург	75.5%	45.5%
3.	«Золотое кольцо» России	2.0%	2.3%
4.	Озеро Байкал	75.5%	95.5%
5.	Алтай	8.2%	6.8%
6.	Черноморское побережье России (Сочи, Анапа, Крым)	42.9%	11.4%
7.	Другой вариант	4.1%	11.4%

Отдельным направлением можно выделить образовательный туризм. Наиболее распространенными формами образовательного туризма являются стажировки, языковые практики, повышение квалификации, получение высшего образования. Несмотря на снижение востребованности российского образования среди монгольских студентов и рост конкуренции с иностранными вузами на образовательном рынке Монголии конца XX – начала XXI вв., российское образование остается привлекательным для монгольских граждан. Об этом свидетельствует рост численности монгольских студентов, обучающихся в российских вузах как на бюджетной, так и на коммерческой основе[1]. Так, в 2017–2018 академическом году из 3198 обучающихся из Монголии 1810 человек (56,6%) учились в российских вузах очно и на бюджетной основе[2]. В рамках образовательного туризма студенты знакомятся с культурой, языком, образом жизни принимающей страны.

Таким образом, потенциал туризма, как инструмента «мягкой силы», достаточно высок. Монголия прилагает усилия для развития туристической отрасли. Совершенствование туристической инфраструктуры, повышение доступности поездок для населения, наличие эффективной рекламы на международном рынке, расширение спектра туристических продуктов и услуг будет содействовать укреплению взаимодействия России и Монголии не только в туристической, но и в культурной, социально-экономической сферах.

Список использованных источников и литературы

Ву Ю. Нынешнее состояние и особенности обмена по сотрудничеству в области туризма между Китаем, Россией и Монголией // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. – 2019. – № 11 (68). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/8125 (дата обращения: 08.06.2022).

Даниленко, Н. Н., Суранова, О.А. Необходимость и возможность активизации сотрудничества России и Монголии в сфере туризма

[1] Доржиева И.Ц., Цыремпилова Э.В. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 46–52.

[2] Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Выпуск 9. – М., 2019. – 536 с.

[Текст] / Н.Н. Даниленко, О.А. Суранова // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2019. – С.119–123.

Доржиева, И. Ц., Цыремпилова, Э.В. Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования [Текст] / И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6. – С. 46–52.

Дуурэнбилэг Ч. Социальная роль туризма в обеспечении устойчивого развития региона [Текст] / Ч. Дуурэнбилэг // Туризм как фактор устойчивого развития региона. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2019. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2019. – С. 53–57.

Крыстев, В.К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии [Текст] / В.К. Крыстев // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. – 2017 (6). – С. 92–102.

Монголия открыла границы для иностранных туристов. URL: https://ria.ru/20220216/mongoliya-1773058103.html (дата обращения: 13.04.2022).

Мунхзул Б. В Бурятии прошел российско-монгольский форум делового сотрудничества. URL: https://www.montsame.mn/ru/read/295999 (дата обращения: 02.06.2022).

Родионов, В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования [Текст] / В.А. Родионов // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 2. – С. 283–291.

Россия сняла ограничения на поездки в Казахстан и Монголию. URL: https://ria.ru/20220324/granitsa-1779794624.html (дата обращения: 13.04.2022).

Суходолов А.П., Бережных В.В. Перспективы российско-монгольского сотрудничества в сфере международного туризма в Байкальском регионе (на примере туристского маршрута Байкал-Хубсугул) // Baikal Research Journal. – №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossiysko-mongolskogo-sotrudnichestva-v-sfere-mezhdunarodnogo-turizma (дата обращения: 12.04.2022).

Число рабочих мест в туристической отрасли Монголии сократилось на 63%. URL: https://regnum.ru/news/economy/3530507.html (дата обращения: 10.04.2022).

Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. – Выпуск 9. – М., 2019. – 536 с.

McClory J. The Soft Power 30: A global ranking of soft power. – Portland, PR Limited, 2015. – 53 p.

Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – N. Y., 2004. – 192 p.

Глава 3
«Мягкая сила» Монголии: глобальное и региональное измерение

В.А. Родионов

3.1. «Мягкая сила» малой страны, или как Монголия влияет на мир

Роль малых стран в системе международных отношений является одной из популярных тем в современных политологических исследованиях. В частности, все чаще подвергается сомнению классический тезис школы политического реализма о том, что только (или преимущественно) великие державы способны вершить судьбы мира, заслоняя собой всех остальных участников международных отношений. Как показывает практика, возможности иных акторов, включая малые страны, во многом недооцениваются и нуждаются в более пристальном внимании. Именно растущая субъектность малых стран стала объективным основанием для пересмотра утвердившихся ранее положений об абсолютной гегемонии великих держав. Цель настоящей статьи – дать ответ на вопрос о том, каким образом малая страна (на примере Монголии) способна отстаивать свои интересы на международной арене, используя «мягкую силу».

С одной стороны, наличие и даже количественное преобладание малых стран в современном мире давно является очевидным фактом. По словам Д. Турера, «при взгляде на сегодняшний мир мы увидим, что он в первую очередь состоит из малых государств»[1]. С другой стороны, возникает вопрос о

[1] Thurer D. The Perception of Small States: Myth and Reality / Ed.by L. Goetschel // Small

содержательном наполнении самого понятия «малая страна», которое зачастую носит оценочный характер и не всеми понимается одинаково. Условно можно выделить два подхода к определению малых стран.

Первый основывается на попытке выявить количественные критерии. Так, ряд авторов указывают на численность населения страны, размер ее территории, объем экономики. Д. Витал в качестве количественного критерия «малых стран» выделяет цифру в 10–15 миллионов человек для экономически развитых стран и 20–30 миллионов – для развивающихся[1].

Мировой банк наряду с небольшой численностью населения (не более 1,5 млн. чел.) обозначает такой критерий, как слабая (уязвимая) экономика, характеризуемая высоким уровнем внешней задолженности, высокой зависимостью от внешних рынков, подверженностью экзогенным рискам (стихийные бедствия и изменения климата)[2].

Попытки выделить размер ВВП в качестве критерия «малой страны» были сделаны в работах отечественных авторов[3].

При всей внешней привлекательности количественного подхода, позволяющего буквально математически ранжировать страны мира, у него есть недостатки. К таковым относится изменчивость во времени выделяемых количественных показателей. Например, размер ВВП той или иной страны в течение относительно небольшого количества времени может серьезно варьироваться в ту и другую сторону. Наглядны в этом плане стремительные взлеты экономик микроскопических по размеру территорий и численности населения Катара и Сингапура. Кроме того, численность населения, достаточно большая для европейской страны, применительно к Азии может рассматриваться как незначительная.

States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies. – Boston: Kluwer, 1998. – P. 37.

[1] Vital D. The Inequality of States: a Study of the Small Power in International Relations. – Oxford: Clarendon Press, 1967. – P. 8.

[2] The World Bank in small States // The World Bank. Where we work. Overview. URL: https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview (дата обращения: 16.01.2022).

[3] Малые страны Западной Европы: экономические проблемы: Реф. сб. АН СССР / отв. ред. Ю.А. Борко. – М.: ИНИОН, 1987–214 с.; Зимин Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследований // Известия РАН. – Серия «География». – 1993. – № 2. – С. 95–104.

В основе второго подхода лежит стремление исследователей выйти за рамки количественных характеристик и найти качественные критерии отличия малых стран от остальных участников международных отношений. Примерами этого стали исследования Р. Ротштайна, А. Ванденбоша и Р. Кохейна, проведенные ими еще в 1960-е гг. Согласно Р. Ротштайну, малые страны «признают неспособность обеспечить национальную безопасность исключительно собственными силами и вынуждены прибегать к помощи со стороны иных государств, организаций и т.д.»[4].

В том же духе высказывается А. Ванденбош, считающий, что малые страны предпочитают отстаивать свои национальные интересы не напрямую, а опосредованно, используя международные институты[5]. Следуя этой логике, можно легко признать «малыми странами» подавляющее большинство из ныне существующих, в том числе Германию, Францию, Японию, обеспечивающих свою безопасность в рамках союзнических отношений с США.

Р. Кохейн называет степень влияния на систему международных отношений критерием, на основе которого можно ранжировать все страны, включая малые[6]. И здесь мы сталкиваемся с ещё более сложным вопросом: как определить степень влияния той или иной страны. Круг стран, которые при определенных условиях могут быть отнесены к категории влиятельных или невлиятельных, в зависимости от предпочтений может как расширяться, так и сужаться, что, в свою очередь, ставит под сомнение сам смысл выделения «малых стран». В целом недостатком подобного подхода нужно признать субъективность в оценках.

Суммируя выше сказанное, с одной стороны, можно констатировать отсутствие абсолютного, эмпирически выверенного критерия, по которому можно было бы определить малые страны. С другой стороны, полностью отказаться от использования

[4] Rothstein R. Alliances and Small Power. – New York, London: Columbia University Press, 1968. – P. 29.

[5] Vandenbosch A. The Small States in International Politics and Organization // The Journal of Politics. – 1964. – May. Vol. 26. – №2. – P. 301.

[6] Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. – 1969. – Vol. 23. – №. 2. – Pp. 291–310.

данной категории представляется нецелесообразным. Отнесение той или иной страны к категории «малой» во многом носит контекстуальный характер, зависит от внешнеполитической стратегии руководства, в рамках которой оно позиционирует свою страну. А это, в свою очередь, оказывает влияние на статусно-ролевую структуру международных отношений, позволяет выявить природу внешнеполитического поведения их участников. Поэтому деление стран на «великие» и «малые» во многом функционально по своему характеру. И здесь можно согласиться с Д. Хэй, считающей, что «малые государства выделяются не на основе объективного определения, а в силу их воспринимаемой роли в международной иерархии»[1]. Ключевой характеристикой здесь является восприятие (ощущение) той или иной страны себя в качестве малой по отношению к более могущественным партнерам.

«Мягкая сила» как новая возможность

Важнейшим обстоятельством, способствующим международно-политической эмансипации малых стран, выступает появление объективных условий и, как следствие, способов для того, чтобы оказывать влияние как на страны, с которыми происходит взаимодействие, так и на внешнюю среду в целом. Не случаен тот факт, что исследовательский интерес к теме малых стран возник во второй половине XX в., когда установление ядерного баланса между СССР и США и утверждение доктрины взаимного гарантированного уничтожения объективно способствовало актуализации иных, не военных форм и методов ведения внешней политики. В результате корректировке подверглись и представления о природе и проявлениях силы в отношениях между государствами. В теоретическом плане этот сдвиг был зафиксирован в концепции «мягкой силы» Дж. Ная[2], предполагающей использование несиловых методов воздействия для достижения своих целей во внешней политике.

[1] Hey J.A. K. Introducing Small State Foreign Policy // Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A.K. Hey. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2003. – P. 2.

[2] Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990. – 307 p.; Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.; Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. – 224 с.

Малые страны, как правило, заметно отстают от великих держав в военном отношении. Именно военная мощь традиционно считается неотъемлемым атрибутом «жесткой силы». Малые страны не сопоставимы с ведущими лидерами мировой политики по основным экономическим показателям, также относимым к проявлениям «жесткой силы». Как следствие, не имея возможностей для достойной конкуренции в этой области с признанными великими державами, малые страны видят выход в активном применении методов и форм «мягкой силы». Действуя именно на этом поле, малые страны оказались способны увеличить свой международно-политический вес. Можно сказать, что «мягкая сила» для малых стран выступает в качестве источника, компенсирующего их отставание от великих держав в военной и экономической сферах, того, что А. Чонг назвал «способом „виртуального укрупнения“ малых стран в отношениях с более сильными и могущественными партнерами»[3].

Применение «мягкой силы» малыми странами имеет некоторые особенности, которые выгодно отличают их от великих держав. Во-первых, если «мягкая сила» великих держав, как правило, воспринимается как часть их внешнеполитической стратегии глобального или регионального влияния, то «мягкая сила» малых стран вызывает меньше подозрений по поводу их далеко идущих планов. Это дает последним определенное преимущество при осуществлении соответствующей политики. Во-вторых, статус «малой страны» дает возможность более эффективно, нежели великие державы, выполнять функции посредника при разрешении международных споров и конфликтных ситуаций. Отсутствие у малой страны военно-стратегических и глобальных экономических интересов делает ее в глазах участников спора или конфликта стороной, заслуживающей большего доверия. Одной из вариаций посреднической дипломатии малых стран может служить их участие в миротворческих операциях, осуществляемых под мандатом ООН. Будучи членами миротворческих подразделений, солдаты из малых

[3] Chong A. The Foreign Policy Potential of «Small States Soft Power» Information Strategies // CiteSeerX – scientific literature digital library. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.408.4444&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 16.01.2022).

стран воспринимаются местным населением, как правило, более лояльно и дружественно по сравнению с контингентом, состоящим из военнослужащих великих держав. В-третьих, малые страны не могут конкурировать на равных с великим державами по целому ряду средств обеспечения «мягкой силы»: финансовым, кадровым и информационным ресурсам. В силу данных обстоятельств многие малые страны, избегая глобальной повестки, делают основной акцент на проведении политики «мягкой силы» на региональном уровне, в отношении ближайших соседей или даже их отдельных территорий, тем самым стремясь более рационально распределить имеющиеся у них ресурсы. Наконец, помимо увеличения своего влияния вовне, «мягкая сила» для малых стран нередко выступает средством осуществления собственной безопасности и даже выживания. Это обстоятельство стимулирует руководство малых стран уделять «мягкой силе» особенно пристальное внимание.

О возможности для малых стран быть успешными в осуществлении политики «мягкой силы» свидетельствуют различные международные рейтинги. На страницах британского журнала «Монокль», начиная с 2010 г., ежегодно публикуется рейтинг «мягкой силы» стран мира («Soft power survey»). Наряду признанными флагманами мировой политики (США, КНР, Индия, Великобритания) среди лидеров рейтинга последних лет такие страны, как Швеция, Швейцария, Норвегия, Сингапур[1].

Что такое «мягкая сила» по-монгольски

Современная Монголия – яркий пример малой страны. Если по размеру территории страна занимает почетное 18 место среди стран мира, то по количеству жителей и, что особенно бросается в глаза, по плотности населения она находится в числе последних – 137 и 195 места соответственно. ВВП Монголии в 2020 г. составил 13,1 млрд. долл., что составляет 0,01% от всей мировой экономики[2]. Особенно заметна «малость» Монголии на фоне ее двух географических соседей – России и Китая, традиционно входящих в неформальный клуб великих держав.

[1] Soft Power Survey 2018/19 // Monocle magazine. Affairs. 21 December 2018. URL: https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/ (дата обращения: 16.01.2022).

[2] The World Bank in Mongolia // The World Bank. Overview. November 24, 2021. URL: https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1 (дата обращения: 16.01.2022).

Численность армии Монголии – 8 900 чел., РФ – 900 000 чел. и КНР – 2 035 000 чел[3].

Монголия практически полностью зависит от поставок нефтепродуктов из России и экспорта своей горнорудной продукции (угля, меди, железной руды и пр.) в КНР[4]. Можно констатировать, что ни в военном, ни в экономическом плане Монголия не сопоставима со своим северным и южным соседями.

Монгольские политические элиты, ясно осознавая эту геополитическую данность, активно продвигают стратегию сбалансированных отношений с ведущими центрами силы мировой политики. Развивая всеобъемлющее стратегическое партнерство с Россией и Китаем, Монголия активно сотрудничает с рядом внерегиональных игроков (США, Японией, Республикой Корея, ЕС, Индией, Турцией), относимых к категории «третий сосед»[5]. Подобная многовекторность, характерная для многих малых стран, исходит из желания лавировать между великими державами, используя свое географическое положение. Иными словами, и по основным объективным параметрам (население, военный и экономический потенциал), и по характеру внешнеполитического поведения Монголия без сомнения может быть отнесена к категории «малых стран».

Здесь нужно отметить, что, как и для многих других малых стран, основной задачей для Монголии в ее политике «мягкой силы» выступает не столько увеличение своего влияния на те или иные страны, сколько стремление укрепить национальный суверенитет и безопасность, расширяя круг внешних партнеров, помимо России и Китая. «Мягкая сила» в данном случае призвана улучшить имидж страны (ее узнаваемость) на международной арене и, тем самым, привлечь внимание влиятельных внерегиональных игроков.

---

[3] The Military Balance 2021 // Fact Military. Справочники/энциклопедии. 2021. URL: http://factmil.com/load/spravochniki/the_military_balance/the_military_balance_2021/10–1–0–7108 (дата обращения: 16.01.2022).

[4] Гадаад худалдаа 2020 // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. Гадаад худалдаа. 2020. URL: https://www.1212.mn//stat.aspx?LIST_ID=976_L14# (дата обращения: 16.01.2022).

[5] Монгол улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн дагуу нэг цонхоор сурталчлах талаар ажил хэргийн уулзалт боллоо // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 2021.03.06. URL: http://mfa.gov.mn/59069 (дата обращения: 16.01.2022).

Опыт Монголии в деле применения «мягкой силы» не большой в сравнении с рядом стран мира. Хотя можно вспомнить, что ещё в социалистический период Улан-Батор прибегал к практике выстраивания отношений с великими державами посредством несиловых методов, в частности, используя религиозный фактор. Пожалуй, самым ярким примером здесь является организация и проведение на территории Монгольской Народной Республики, начиная с 1970 г., «Азиатской буддийской конференции за мир». Одним из участником этих мероприятий являлся Далай-лама XIV. Приглашая мятежного по отношению к Пекину тибетского первосвященника, руководство МНР рассчитывало тем самым оказать давление на КНР, отношения с которой носили напряженный характер. Другой пример привлечения буддийских священников к процессу внешнеполитического сотрудничества – участие лам в составе монгольской делегации в Японию в конце 1950-х гг. в рамках антиядерных международных инициатив Токио[1].

Институционализация «мягкой силы» в Монголии началась сравнительно недавно. В 2016 г. правительством Монголии была утверждена «Программа по пропаганде Монголии за рубежом», предполагающая широкий спектр мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах[2].

В начале 2021 г. монгольское правительство обозначило в качестве стратегической цели своей деятельности повышение репутации страны за рубежом путем популяризации традиционной культуры[3]. Монгольские политики и эксперты неоднократно заявляли о необходимости использования «мягкой силы» в отношениях с внешним миром[4].

[1] Сэржав Б. БНМАУ-ын энхтайвны төлөөлөгчдийн үйлажиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг. – Улаанбаатар: Монголын Япон судлалын нийгэмлэг, 2019. – Pp. 41–55.

[2] Программа «Популяризация Монголии за рубежом» // Монголия сейчас. Новости. 27.08.2020. URL: http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/ (дата обращения: 16.01.2022).

[3] Монгол улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн дагуу нэг цонхоор сурталчлах талаар ажил хэргийн уулзалт боллоо // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 2021.03.06. URL: http://mfa.gov.mn/59069 (дата обращения: 16.01.2022).

[4] Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага // Montsame News Agency. Монголын мэдээ | Улс төр. 2019–07–06. URL: https://montsame.mn/en/read/194966 (дата обращения: 16.01.2022).; Эрдэнэту-

Одним из направлений деятельности государственных СМИ Монголии является работа с зарубежной аудиторией. Сайт монгольского государственного информационного агентства «Монцамэ» и радиостанция «Голос Монголии», помимо монгольской, имеет русскую, английскую, китайскую и японскую версии. Кроме государственных структур, продвижением позитивного образа Монголии за рубежом занимаются такие неправительственные организации, как «Ассоциация монголов мира», «Международный конгресс монголоведов» и другие.

Как и многие другие страны, Монголия в качестве элементов «мягкой силы» стремится использовать наиболее привлекательные атрибуты национальной культуры. Например, делаются попытки продвижения за рубеж таких национальных брендов, как монгольская кухня, в основе которой лежит экологически чистая мясная и молочная продукция, изделия из кожи и кашемира, выделяющиеся высоким качеством, эксклюзивностью и натуральным характером материала, используемого для производства. Монгольское правительство, делая ставку на развитие въездного этнотуризма, наряду со стремлением привлечь дополнительные финансовые средства в экономику страны стремится продвинуть позитивный образ Монголии в мире, сделать ее более узнаваемой. Также можно упомянуть успех монгольской фолк-рок группы «The Hu»[5], чьи синглы в последние годы заняли высокие позиции в ведущих западных чартах.

В то же время, при всем разнообразии и уникальности культурных маркеров Монголии, которые она использует для внешнего потребления, нужно признать, что на глобальном и региональном уровне их потенциал влияния сравнительно невелик. В сфере высшего образования, признаваемого одним из важных каналов «мягкой силы», Монголия выступает преимущественно донором. Тысячи монгольских студентов каждый год поступают в высшие учебные заведения различных стран.

яа Д.Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна // News.mn Agency. Нийгэм. Ярилцлага. 2020–10–13. URL: https://news.mn/r/2359366/ (дата обращения: 16.01.2022).

[5] Rutherford K. The Hu Brings Mongolian Metal to No. 1 on Hard Rock Digital Song Sales Chart // Billboard pro. Chart beat. 04/18/2019. URL: https://www.billboard.com/pro/the-hu-mongolian-metal-number-1-hard-rock-digital-song-sales/ (дата обращения: 16.01.2022).

Монгольские же университеты не могут похвастаться высокими местами в международных рейтингах высших учебных заведений. По состоянию на 2019 г., Монгольский государственный университет (главный вуз страны) занимал 1 851 место среди всех вузов Азии[1].

Позиции Монголии выглядят весьма скромно и в большинстве международных рейтингов, описывающих различные стороны привлекательности стран мира. 106 место в «Индексе хороших стран» в 2021 г.[2], 102 место в «Индексе глобальной конкурентоспособности» в 2019–2020 гг.[3], 58 место в «Индексе развития человеческого капитала в 2020 г.[4], 81 место в «Индексе легкости ведения бизнеса» в 2020 г.[5].

Основные направления политики «мягкой силы» Монголии

Несмотря на весьма ограниченный потенциал для использования «мягкой силы», Монголия за последние годы продемонстрировала возможность добиваться определенных успехов на этом поле. К наиболее заметным и имеющим перспективы для дальнейшего развития направлениям международного влияния Монголии можно отнести следующие.

С начала 1990-х гг., когда страна приступила к радикальной смене модели общественного развития, демократический характер политической системы стал рассматриваться в качестве важнейшего атрибута успешности монгольского постсоциалистического транзита. Мотивы монгольского руководства для позиционирования страны в качестве успешной демократии различны. Во-первых, это стремление обеспечить финансово-э-

[1] Ranking Web of Universities. 2020. URL: http://www.webometrics.info/en/Asia/Mongolia%20 (дата обращения: 16.01.2022).

[2] The Good Country Index 2021. URL: https://index.goodcountry.org/ (дата обращения: 16.01.2022).

[3] The Global Competitiveness Report 2019 // World Economic Forum. Schwab K. (ed.). WEForum. Cologny; Geneva: WEF, 2019. 666 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

[4] Human Capital Index 2020 // World Bank Group. OKR. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432 (дата обращения: 16.01.2022).

[5] Ease of Doing Business Index 2020 // World Bank Group. 2020. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment/doing-business-legacy (дата обращения: 16.01.2022).

кономическую поддержку со стороны коллективного Запада. Экономика Монголии остро нуждается во внешнем финансировании, которое может быть осуществлено через прямые иностранные инвестиции, кредиты, приток валюты от туристической сферы. Соответственно, общий благоприятный имидж страны на международной арене может позитивно сказаться на внешних финансовых вливаниях. Главными экспертами в оценке монгольской демократии являются западные НПО. Положительные оценки, даваемые монгольской демократии этими НПО, предоставляют возможность Монголии улучшить свой имидж как демократической страны. Так, на протяжении последних двух десятилетий в рейтингах политической свободы «Freedom House» Монголия неизменно обозначается в качестве «свободной страны»[6]. Эти оценки особенно заметны на фоне соседей Монголии (России, Китая, Казахстана), маркируемых «Freedom House» в качестве «несвободных стран».

Во-вторых, монгольские политические элиты разыгрывают карту «общности демократических ценностей» с целью усилить политику «третьего соседа», выступая не только в качестве объекта, но и субъекта «мягкой силы». Практически все встречи на высшем уровне официальных лиц Монголии и их западных коллег сопровождаются ссылками на общие ценности как важный фактор тесного сотрудничества. В Декларации о стратегическом партнерстве, принятой по итогам официального визита президента Монголии Х. Баттулги в США в июле 2019 г., было отмечено, что «отношения Монголии и США сближаются и укрепляются, опираясь на общие стратегические интересы, ценности демократии, компетентную власть, принципы суверенитета и уважение прав человека»[7].

Об «образцовости монгольской демократии» высказывались многие западные политики, включая Д. Байдена, бывшего на тот момент вице-президентом США[8].

[6] Freedom in the World 2021. Mongolia // Freedom House. 2021. URL: https://freedomhouse.org/country/mongolia/freedom-world/2021 (дата обращения: 16.01.2022).

[7] Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America // Office of President of Mongolia. 2019/08/01. URL: https://president.mn/en/2019/08/01/declaration-on-the-strategic-partnership-between-mongolia-and-the-united-states-of-america/ (дата обращения: 16.01.2022).

[8] Biden Names Mongolia Horse, Cheers Democracy on Way to Tokyo // Bloomberg.com. News. August, 22, 2019. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011–08–22/

Акцентируя внимание международного сообщества на демократичности своего режима, Улан-Батор демонстрирует свое принципиальное отличие от ближайших соседей. Так, Ц. Элбэгдорж, будучи президентом Монголии, в одном из своих интервью высказался следующим образом: «Философия развития наших соседей отличается от нашей. Наши соседи считают, что если центр сильный, то страна развивается, а народ живет спокойно. А Монголия считает, что если гражданин сильный, то сильна и страна»»[1].

В последние годы образ успешной демократии приобрел значимость с точки зрения продвижения влияния Монголии в ряде стран. В 2013 г. страна, будучи председателем «Содружества демократических стран», приняла седьмой Форум министров стран-участниц этой организации[2].

В рамках стратегии продвижения демократических ценностей в Монголии был создан «Фонд международного сотрудничества», среди целей которого «оказание поддержки странам, вступившим на путь демократии и реформ»[3].

Наличие парламентской формы правления подается Улан-Батором в качестве привлекательной модели политического развития для стран региона. По словам главы администрации президента Ц. Элбэгдоржа, произнесенным им по поводу конституционных изменений в Кыргызстане в 2010 г., «соседями Киргизии являются крупные державы, поэтому киргизы сочли нужным перейти на парламентскую власть. Впервые они выдвинули предложение, что нужно последовать примеру Монголии <…> Таким образом, в истории Средней Азии Киргизия стала первой страной с парламентской властью <…> Это действительно крупное демократическое событие в Средней Азии»[4].

---

biden-names-mongolian-horse-lauds-democratic-progress-before-japan-visit (дата обращения: 16.01.2022).

[1] Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Ц. Элбэгдорж UBS телевизийн Кофе юу, Цай юу нэвтрүүлэгт оролцлоо // Youtube.com. 2014.04.26. URL: https://www.youtube.com/watch?v=J6k18TCCELU (дата обращения: 16.01.2022).

[2] Монголия является сердцем демократии // Монголия сегодня. 26.04.2013. – С. 3.

[3] Олон Улсын хамтын ажиллагааны сангийн тухай // Монгол улсын засгийн газрын тогтоол. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. 2013 оны 3 дугаар сарын 30-ны өдөр. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/9128 (дата обращения: 16.01.2022).

[4] Киргизия решила последовать примеру Монголии // Монголия сегодня. 18.12.2011. – С. 5.

Киргизские официальные лица со своей стороны неоднократно выражали свою готовность перенять опыт Монголии. Так, президент Кыргызстана А. Атамбаев на встрече с монгольским коллегой отметил, что «Монголия на протяжении 22 лет успешно развивает парламентскую власть. А демократии в Киргизии только два года, поэтому у нас есть чему учиться у монголов»[5]. Привлекательность монгольского опыта для Кыргызстана объясняется как общим опытом социалистического развития, так и наличием историко-цивилизационных связей, выраженных в кочевом образе жизни. Кроме того, влияние Монголии, в отличие от «мягкой силы» таких великих держав как Россия, Турция, Китай, США, не воспринимается в кыргызском обществе в качестве угрозы безопасности и суверенитету.

Другим примером страны, в отношении которой Улан-Батор проводит весьма активную политику влияния, является Мьянма. В ходе официального визита в Мьянму в ноябре 2013 г. президент Ц. Элбэгдорж отметил «беспрецедентные усилия Мьянмы по демократизации и выразил поддержку своей страны в области демократизации, верховенства права и прав человека»[6].

Известный мьяманский политик и государственный деятель Аун Сан Су Чжи во время встречи с монгольским премьер-министром Ж. Эрдэнэбатом сказала, что Мьянме есть чему поучиться у Монголии, выразила желание изучить опыт Монголии, которая перешла к демократии мирным путем, установила политическую демократию и провела экономическую реформу. При этом она указала на буддийскую общность Монголии и Мьянмы в качестве одной из основ для развития демократических ценностей двух стран[7].

Вторым важным элементом «мягкой силы», активно используемым Монголией в своих интересах с начала 1990-х гг., является ее образ пацифистски настроенной страны и активная

[5] О встрече президентов Монголии и Кыргызстана // Монголия сегодня. 04.04.2012. – С. 7.

[6] Miliate B. The Surprising Potential of Mongolian-Myanmar Relations // The Diplomat Magazine. December 04, 2013. URL: https://thediplomat.com/2013/12/the-surprising-potential-of-mongolian-myanmar-relations/ (дата обращения: 16.01.2022).

[7] Халиун Н. Премьер-министр Монголии нанес визит Аун Сан Су Чжи // Montsame News Agency. Политика. 15 мая 2017 г. URL: https://montsame.mn/ru/read/160430 (дата обращения: 16.01.2022).

миротворческая деятельность. На протяжении большей части XX в. Монголия выступала ареной для реальных (бои на реке Халхин-гол) или потенциальных военных столкновений (напряженные отношения с КНР 1960–1980-х гг.). На территории МНР долгие годы размещалась крупная советская военная группировка. По мере ослабления и дальнейшего распада советско-монгольского военно-политического союза Улан-Батор кардинальным образом пересмотрел свою внешнеполитическую и оборонную доктрину. В течение 1987 г. МНР провела на своей территории два международных мероприятия, направленных на обсуждение инициативы Москвы по разоружению: Азиатско-Тихоокеанский международный молодежный и студенческий форум и Консультативную встречу представителей коммунистических и рабочих партий Азиатско-Тихоокеанского региона. Стремясь избавиться от образа «самого верного союзника Москвы в Азии», в 1991 г. Монголия вступила в ряды Движения неприсоединения. Этот шаг должен был продемонстрировать внешнему миру новый формат международной политики Улан-Батора, в основе которой лежит стремление к не конфронтационному пути развития отношений.

В 1992 г. Монголия официально провозгласила себя страной, свободной от размещения на ее территории ядерного оружия. С 1998 г. Генассамблея утверждает соответствующую резолюцию раз в два года[1]. Значимость этому статусу придает то обстоятельство, что Монголия расположена между двумя ядерными державами. Практически параллельно с безъядерным статусом в конституции страны, принятой в 1992 г., в статье 4 был прописан запрет на размещение на территории Монголии каких-либо иностранных вооруженных сил и их перемещение через монгольскую территорию[2]. Ссылки на эту норму играют особую роль каждый раз, когда в монгольской или иностранной прессе поднимаются вопросы о возможном размещении на территории страны военных баз той или иной великой державы. Сохраняя

[1] Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status // Цифровая библиотека ООН. 20.11.2000. URL: https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru (дата обращения: 16.01.2022).

[2] Монгол Улсын үндсэн хууль // Эрх зүйин мэдээллийн нэгдсэн систем. 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/367 (дата обращения: 16.01.2022).

статус страны-наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (несмотря на неоднократные предложения стать постоянным членом), Монголия также демонстрирует свое стремление быть вне прямого соперничества великих держав[3]. В целом все эти решения делают Монголию де-факто нейтральной, создавая ей имидж пацифистски настроенной страны.

Закреплению образа миролюбивой страны призвано служить активное участие монгольских военнослужащих в международных миротворческих акциях в различных странах мира. Монголия принимает самое активное участие в международных операциях под эгидой ООН. Вооруженные силы Монголии с 2002 г. были задействованы в миротворческих акциях в Ираке, Афганистане, Грузии, Косово, Эритрее, Чаде, Западной Сахаре, Конго, Судане и Йемене. По словам директора Центра военной истории НИИ обороны Т. Сухбаатара, «Монголия занимает первое место среди стран Азии по количеству миротворцев на душу населения, а также женщин-миротворцев. В целом, Монголия входит в десятку стран мира по количеству миротворцев на душу населения»[4].

Наконец, еще одним из важных и, возможно, ключевых ресурсов «мягкой силы» Монголии следует признать ее потенциал как государства-посредника при разрешении международных проблем. В Концепции национальной безопасности Монголии, принятой в 2010 г., указана задача «активного участия в процессе инициирования диалога и переговорного процесса по вопросам укрепления региональной безопасности и создания механизма коллективной безопасности»[5].

В практическом плане Монголия уже не одно десятилетие прилагает усилия для повышения своей роли в качестве посредника в переговорном процессе между государствами

[3] Rodionov V. Foreign Policy of President Kh. Battulga (2017–2020) // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2020. – Vol. 21. – Pp. 91–100.

[4] Биндэръяа Ч.Т. Сүхбаатар: Өнгөрсөн зуун жилийн түүхэнд Монголын зэвсэгт хүчин оролцсон нэг ч дайн тулаандаа ялагдаж үзээгүй // Өдрийн Сонин. 2021.08.18. URL: https://dnn.mn/т-сүхбаатар-өнгөрсөн-зуун-жилийн-түүхэнд-монголын-зэвсэгт-хүчин-оролцсон-нэг-ч-дайн-тулаандаа-ялагдаж-үзээгүй/ (дата обращения: 16.01.2022).

[5] Монгол Улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 2014.12.26. URL: http://www.mfa.gov.mn/?p=14968 (дата обращения: 16.01.2022).

Северо-Восточной Азии. Начиная с 2014 г. по инициативе монгольского президента в столице Монголии ежегодно проводится «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Данное мероприятие, имеющее уровень «полуторного трека», призвано стать международной площадкой для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества между государствами региона, что, по замыслу организаторов, должно способствовать закреплению за Улан-Батором статуса «азиатского Хельсинки или Женевы». По словам министра иностранных дел Монголии Д. Цогтбаатара, страна имеет возможность стать «мостом к миру» в Северо-Восточной Азии[1].

Важнейшим фактором для превращения в ключевое государство-посредника в Северо-Восточной Азии монгольское руководство считает особые отношения со всеми государствами региона. С тремя странами – Россией, Китаем и Японией – Монголия развивает стратегическое партнерство. Начиная с момента установления дипломатических отношений, динамично развивается сотрудничество с Республикой Корея. Но, пожалуй, главным козырем Улан-Батора являются дружественные отношения с самым непростым игроком – КНДР.

История монголо-северокорейских отношений берет свое начало в 1948 г., когда МНР стала второй после СССР страной, официально признавшей недавно образованную КНДР. Более того, монгольская сторона оказала поддержку Пхеньяну в Корейской войне 1950–1953 гг., а также в деле восстановления экономики страны в послевоенный период. В 1956 г. лидеры МНР и КНДР Ю. Цэдэнбал и Ким Ир Сен совершили взаимные визиты. Вплоть до начала 1990-х гг. отношения Улан-Батора и Пхеньяна основывались на принципах социалистической солидарности, что нашло свое отражение в Договоре о дружбе и взаимной помощи, подписанном в 1986 г.[2].

Временная пауза в отношениях, возникшая в 1990-х гг., была обусловлена отказом Монголии от социалистической идеологии и курсом на активное сближение с Сеулом. Однако

[1] Wishnick E. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? // The Diplomat Magazine. June 19, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 16.01.2022).

[2] Баярхуу Д. Монгол улс, БНАСАУ-ын харилцааны 70 жил. URL: http://www.baabar.mn/article/mongol-uls-bnasau-iin-khariltsaanii-70-jil (дата обращения: 16.01.2022).

впоследствии стороны сумели найти новые грани для взаимовыгодного сотрудничества. В частности, в рамках двусторонних соглашений до 5 000 северокорейских рабочих могут трудиться в Монголии. Периодически монгольская сторона предоставляет КНДР гуманитарную помощь (как правило, в виде продукции животноводства). Монгольская сторона через специализированный государственный фонд осуществляет поездки северокорейских школьников в летние лагеря страны. У Монголии, в свою очередь, имеется интерес получить доступ к открытому морю через северокорейский порт Раджин[3].

Доверительный характер двусторонних отношений подтверждается периодически случающимися взаимными визитами официальных представителей стран. В 2013 г. состоялся официальный визит монгольского президента Ц. Элбэгдоржа в КНДР, в ходе которого была обсуждена возможная посредническая роль Монголии в отношениях КНДР и РК[4].

В декабре 2018 г. министр иностранных дел КНДР Ри Ён Хо, нанеся визит в Монголию по случаю празднования 70-летия дипломатических отношений, заявил, что «как и Монголия, КНДР выступает за денуклеаризацию Корейского полуострова… сейчас крайне важно укрепить доверие в регионе»[5].

Можно отметить, что интерес Пхеньяна к Монголии как удобной переговорной площадке носит объективный характер. С одной стороны, отношения КНДР с Республикой Корея, Японией и США по-прежнему характеризуются как враждебные. С другой стороны, полного доверия к РФ и, особенно, КНР, как соседним великим державами, в Пхеньяне также нет. В этом свете Монголия – идеальный вариант для северокорейского руководства.

В целом отсутствие конфликтных ситуаций в отношениях Монголии со всеми без исключения государствами региона

[3] Монголия готова выйти в Японское море через особую экономическую зону // ЗабИнфо (Забайкальское информационное агентство. 30 августа 2012 г. URL: http://zabinfo.ru/93313 (дата обращения: 16.01.2022).

[4] Гольман М.И. Монголия – посредник и партнер КНДР // NEO (Новое Восточное обозрение). 08.08.2014. URL: https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/ (дата обращения: 16.01.2022).

[5] Батцэцэг Г. Монголию с ответным визитом посетил глава МИД КНДР // Montsame News Agency. Политика. 2018–12–10. URL: https://montsame.mn/ru/read/173860 (дата обращения: 16.01.2022).

является важным обстоятельством, призванным продемонстрировать потенциал страны как медиатора в деле урегулирования международных конфликтов в Северо-Восточной Азии.

Перспективы Монголии как возможного посредника в разрешении проблем вокруг Корейского полуострова стали более зримыми после фактического провала переговоров в шестистороннем формате (Россия, КНР, США, Япония, КНДР, РК)[1].

Практическим воплощением посреднической роли Монголии стал ряд встреч в Улан-Баторе между представителями северокорейской и японской сторон для урегулирования острых вопросов двусторонних отношений. Так, 15–16 ноября 2012 г. в монгольской столице прошли консультации представителей правительств КНДР и Японии на рабочем уровне, по итогам которых было достигнуто согласие по вопросу о возвращения на родину останков погибших на территории КНДР в годы Второй мировой войны японских военных. Двумя годами позже северокорейцы и японцы вновь избрали Монголию для проведения переговоров по проблеме похищенных японских граждан[2].

Другим примером активного вовлечения монгольской стороны в многосторонний переговорный процесс является выше упомянутый «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии», в работе которого помимо прочих стран принимает участие северокорейская делегация.

В преддверии исторической встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына в марте 2018 г. Улан-Батор рассматривался сторонами в качестве возможной переговорной площадки. Незадолго до самих переговоров глава администрации президента Х. Баттулги провел соответствующие консультации с официальными представителями КНДР и США. Аргументами «за» назывались: дружественный характер отношений как с КНДР, так и с США, отсутствие у Монголии военно-стратегических интересов в регионе, опыт ведения переговоров на монгольской территории по

[1] Косырев Д. Переговоры по Корее: с такими провалами и успехов не надо // «РИА Новости» 22.12.2006. URL: https://ria.ru/20061222/57599531.html (дата обращения: 16.01.2022).

[2] Игнатов И. А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 6. – С. 6–14.

различным аспектам корейской проблематики[3]. И хотя местом переговоров в итоге стал Сингапур, перспективы Монголии как посредника для встреч на столь высоком уровне по-прежнему реальны. Предпринимая усилия в данном направлении, Улан-Батор привлекает к себе дополнительное внимание международного сообщества и вовлекает в орбиту своей внешней политики новых партнеров.

Заключение

Как показывает международная практика, в последние десятилетия отдельные малые страны стали играть непропорционально большую, по сравнению с их размерами, роль в мировой политике, в том числе за счет успешного применения «мягкой силы». Наличие высокой конкуренции за влияние на международной арене и невозможность регулярного применения военно-экономических методов предоставляют шанс малым странам отстаивать собственные интересы, не полагаясь только на волю великих держав. Сам статус малой страны при определенных обстоятельствах может выступать элементом ее «мягкой силы».

Монголия, будучи ярким представителем неформального клуба «малых стран», не стоит в стороне от ключевых тенденций международных отношений, используя разнообразные методы ведения внешней политики. Желая расширить поле для внешнеполитического маневра, Улан-Батор стремится играть активную роль на международном уровне. В силу ограниченности внешнеполитических ресурсов и соответствующих амбиций монгольское руководство основной акцент в своей политике делает на региональном уровне, главным образом на Северо-Восточной и постсоветской Центральной Азии. Имидж молодой успешной демократии, пацифистской, де-факто нейтральной страны и идеального посредника для ведения межгосударственных переговоров по самым острым региональным проблемам призван укрепить международный авторитет монгольского государства, сформировать позитивные представления о нем и,

[3] Dierkes J., Jargalsaikhan M. What Mongolia Gains By Playing Host to a Historic Trump-Kim Summit // The Diplomat Magazine. March 17, 2018. URL: https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/ (дата обращения: 16.01.2022).

тем самым, диверсифицировать внешние связи Монголии. Все это позволяет сделать вывод о том, что для Монголии, как для малой страны, применение «мягкой силы» является не только вопросом увеличения своего международного влияния, но и делом обеспечения собственной безопасности и национального суверенитета в отношениях с сильными соседями.

Список использованных источников и литературы

Батцэцэг, Г. Монголию с ответным визитом посетил глава МИД КНДР / Г. Батцэцэг // Montsame News Agency. Политика. 2018–12–10. URL: https://montsame.mn/ru/read/173860 (дата обращения: 16.01.2022).

Гольман, М.И. Монголия – посредник и партнер КНДР / М.И. Гольман // NEO (Новое Восточное обозрение). 08.08.2014. URL: https://ru.journal-neo.org/2014/08/08/mongoliya-posrednik-i-partner-kndr/ (дата обращения: 16.01.2022).

Зимин, Б.Н. Малые высокоразвитые страны Западной Европы – теоретические итоги исследований [Текст] / Б.Н. Зимин // Известия РАН. Серия «География». – 1993. – № 2. – С. 95–104.

Игнатов, И.А. Посредническая и миротворческая роль Монголии на Корейском полуострове в рамках концепции «третьего соседа» [Текст] / И.А. Игнатов // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 6. – С. 6–14.

Киргизия решила 2011 – Киргизия решила последовать примеру Монголии [Текст] // Монголия сегодня. 18.12.2011. – С. 5.

Косырев, Д. Переговоры по Корее: с такими провалами и успехов не надо / Д. Косырев // «РИА Новости» 22.12.2006. URL: https://ria.ru/20061222/57599531.html (дата обращения: 16.01.2022).

Малые страны Западной Европы: экономические проблемы: Реф. сб. АН СССР [Текст] / отв. ред. Ю.А. Борко. М.: ИНИОН, 1987. – 214 с.

Монголия готова выйти в Японское море через особую экономическую зону // ЗабИнфо (Забайкальское информационное агентство. 30 августа 2012 г. URL: http://zabinfo.ru/93313 (дата обращения: 16.01.2022).

Монголия является сердцем демократии [Текст] // Монголия сегодня. 26.04.2013. – С. 3.

Най, Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике [Текст] / Дж.С. Най. – Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. – 224 с.

О встрече президентов Монголии и Кыргызстана [Текст] // Монголия сегодня. 04.04.2012. С. 7.

Программа «Популяризация Монголии за рубежом» // Монголия сейчас. Новости. 27.08.2020. URL: http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/ (дата обращения: 16.01.2022).

Халиун, Н. Премьер-министр Монголии нанес визит Аун Сан Су Чжи / Н. Халиун // Montsame News Agency. Политика. 15 мая 2017 г. URL: https://montsame.mn/ru/read/160430 (дата обращения: 16.01.2022).

Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага // Montsame News Agency. Монголын мэдээ | Улс төр. 2019–07–06. URL: https://montsame.mn/en/read/194966 (дата обращения: 16.01.2022).

Баярхуу, Д. Монгол улс, БНАСАУ-ын харилцааны 70 жил / Д. Бархуу. URL: http://www.baabar.mn/article/mongol-uls-bnasau-iin-khariltsaanii-70-jil (дата обращения: 16.01.2022).

Биндэръяа, Ч.Т. Сүхбаатар: Өнгөрсөн зуун жилийн түүхэнд Монголын зэвсэгт хүчин оролцсон нэг ч дайн тулаандаа ялагдаж үзээгүй / Ч.Т. Биндэръяа // Өдрийн Сонин. 2021.08.18. URL: https://dnn.mn/т-сүхбаатар-өнгөрсөн-зуун-жилийн-түүхэнд-монголын-зэвсэгт-хүчин-оролцсон-нэг-ч-дайн-тулаандаа-ялагдаж-үзээгүй/ (дата обращения: 16.01.2022).

Гадаад худалдаа 2020 // Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан. Гадаад худалдаа. 2020. URL: https://www.1212.mn//stat.aspx?LIST_ID=976_L14# (дата обращения: 16.01.2022).

Монгол улсыг гадаадад нэгдсэн стратегийн дагуу нэг цонхоор сурталчлах талаар ажил хэргийн уулзалт боллоо // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 2021.03.06. URL: http://mfa.gov.mn/59069 (дата обращения: 16.01.2022).

Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Ц. Элбэгдорж UBS телевизийн Кофе юу, Цай юу нэвтрүүлэгт оролцлоо. URL: https://www.youtube.com/watch?v=J6k18TCCELU (дата обращения: 16.01.2022).

Монгол Улсын үндсэн хууль // Эрх зүйин мэдээллийн нэгдсэн систем. 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/367 (дата обращения: 16.01.2022).

Монгол Улсын үндэсний аюулгуй байдлын үзэл баримтлал // Монгол Улсын гадаад харилцааны яам. 2014.12.26. URL: http://www.mfa.gov.mn/?p=14968 (дата обращения: 16.01.2022).

Олон Улсын хамтын ажиллагааны сангийн тухай // Монгол улсын засгийн газрын тогтоол. Эрх зүйин мэдээллийн нэгдсэн систем. 2013 оны 3 дугаар сарын 30-ны өдөр. URL: https://legalinfo.mn/mn/detail/9128 (дата обращения: 16.01.2022).

Сэржав, Б. БНМАУ-ын энхтайвны төлөөлөгчдийн үйлажиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг / Б. Сэржав. – Улаанбаатар: Монголын Япон судлалын нийгэмлэг, 2019. – Pp.41–55.

Эрдэнэтуяа, Д.Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна / Д.Ж. Эрдэнэтуяа // News.mn Agency. Нийгэм. Ярилцлага. 2020–10–13. URL: https://news.mn/r/2359366/ (дата обращения: 16.01.2022).

Biden Names Mongolia Horse, Cheers Democracy on Way to Tokyo // Bloomberg.com. News. August, 22, 2019. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011–08–22/biden-names-mongolian-horse-lauds-democratic-progress-before-japan-visit (дата обращения: 16.01.2022).

Chong A. The Foreign Policy Potential of «Small States Soft Power» Information Strategies // CiteSeerX – scientific literature digital library. URL: https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.408.4444&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 16.01.2022).

Declaration on the strategic partnership between Mongolia and the United States of America // Office of President of Mongolia. 2019/08/01. URL: https://president.mn/en/2019/08/01/declaration-on-the-strategic-partnership-between-mongolia-and-the-united-states-of-america/ (дата обращения: 16.01.2022).

Dierkes J., Jargalsaikhan M. What Mongolia Gains By Playing Host to a Historic Trump-Kim Summit // The Diplomat Magazine. – 2018. – March 17. URL: https://thediplomat.com/2018/03/what-mongolia-gains-by-playing-host-to-a-historic-trump-kim-summit/ (дата обращения: 16.01.2022).

Ease of Doing Business Index 2020 // World Bank Group. 2020. URL: https://www.worldbank.org/en/programs/business-enabling-environment/doing-business-legacy (дата обращения: 16.01.2022).

Freedom in the World 2021. Mongolia // Freedom House. 2021. URL: https://freedomhouse.org/country/mongolia/freedom-world/2021 (дата обращения: 16.01.2022).

Hey J.A. K. Introducing Small State Foreign Policy // Small States in World Politics. Explaining Foreign Policy Behavior / ed. by Jeanne A.K. Hey. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 2003. – Pp.2–13.

Human Capital Index 2020 // World Bank Group. OKR. The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432 (дата обращения: 16.01.2022).

Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. 1969. Vol. 23. №. 2. – Pp. 291–310.

Miliate B. The Surprising Potential of Mongolian-Myanmar Relations // The Diplomat Magazine. December 04, 2013. URL: https://thediplomat.com/2013/12/the-surprising-potential-of-mongolian-myanmar-relations/ (дата обращения: 16.01.2022).

Mongolia's international security and nuclear-weapon-free status // Цифровая библиотека ООН. 20.11.2000. URL: https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru (дата обращения: 16.01.2022).

Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990. – 307 p.

Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

Ranking Web of Universities. 2020 // URL: http://www.webometrics.info/en/Asia/Mongolia%20 (дата обращения: 16.01.2022).

Rodionov V. Foreign Policy of President Kh. Battulga (2017–2020) // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2020. – Vol. 21. – Pp. 91–100.

Rothstein R. Alliances and Small Power. – New York, London: Columbia University Press, 1968. – 331 p.

Rutherford K. The Hu Brings Mongolian Metal to No. 1 on Hard Rock Digital Song Sales Chart // Billboard pro. Chart beat. 04/18/2019. URL: https://www.billboard.com/pro/the-hu-mongolian-metal-number-1-hard-rock-digital-song-sales/ (дата обращения: 16.01.2022).

Soft Power Survey 2018/19 // Monocle magazine. Affairs. 21 December 2018. URL: https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2018-19/ (дата обращения: 16.01.2022).

The Global Competitiveness Report 2019 // World Economic Forum. Schwab K. (ed.). WEForum. Cologny; Geneva: WEF, 2019. 666 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения: 16.01.2022).

The Good Country Index 2021 // URL: https://index.goodcountry.org/ (дата обращения: 16.01.2022).

The Military Balance 2021 // Fact Military. Справочники/энциклопедии. 2021. URL: http://factmil.com/load/spravochniki/the_military_

balance/the_military_balance_2021/10–1–0–7108 (дата обращения: 16.01.2022).

The World Bank in Mongolia // The World Bank. Overview. November 24, 2021. URL: https://www.worldbank.org/en/country/mongolia/overview#1 (дата обращения: 16.01.2022).

The World Bank in small States // The World Bank. Where we work. Overview. URL: https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview (дата обращения: 16.01.2022).

Thurer D. The Perception of Small States: Myth and Reality / Ed.by L. Goetschel // Small States Inside and Outside the European Union: Interests and Policies. – Boston: Kluwer, 1998. – Pp. 33–42.

Vandenbosch A. The Small States in International Politics and Organization // The Journal of Politics. – 1964. – May. Vol. 26. – №. 2. – Pp. 293–312.

Vital D. The Inequality of States: a Study of the Small Power in International Relations. – Oxford: Clarendon Press, 1967. – 198 p.

Wishnick E. Mongolia: Bridge or Buffer in Northeast Asia? // The Diplomat Magazine. June 19, 2019. URL: https://thediplomat.com/2019/06/mongolia-bridge-or-buffer-in-northeast-asia/ (дата обращения: 16.01.2022).

И.Г. Актамов

3.2. «Мягкая сила» Монголии: истоки и основные элементы

Концепция «мягкой силы» выступает в качестве одного из основных направлений изучения стратегии выстраивания внешней политики государств в современных условиях. Феномен «мягкой силы» в современных международных отношениях выступает не только как один из основных инструментов расширения своего влияния со стороны ведущих государств мира на другие страны, но и сферой выстраивания межрегионального международного взаимодействия с учетом государственных интересов. Большой интерес в этом плане представляет внешняя политика Монголии в постсоциалистический период.

После демократической революции 1990 г. монгольское правительство начало реализацию внешней политики с опорой на развитые страны Запада. Вместе с тем, основные партнеры в лице РФ и КНР, в силу объективных обстоятельств не потеряли свое стратегическое значение. Вполне понятное стремление диверсифицировать характер международных отношений нашло отражение в так называемой политике «третьего соседа» Монголии. В Концепции национальной безопасности были обозначены основные принципы реализации политики «третьего соседа»[1]. К странам, которые Монголия рассматривает как потенциального «третьего соседа», предъявляются следующие критерии: «третьим соседом» могут быть развитые демократические государства, с которыми Монголия может развивать двусторонние и многосторонние партнерские отношения в политической, экономической, культурной, гуманитарной сферах»[2]. В тексте Концепции внешней политики Монголии указано, что в рамках реализации концепции «третьего соседа» развитие дружественных отношений с такими странами как США, Япония,

[1] Монгол улсын гадаад харилцааны яам. Гурвадагч хөршийн бодлого. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=16273. (дата обращения: 01.01.2021).

[2] Базарваань Г. Концепция «третьего соседа» Монголии // Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений: сб. науч. статей. – Улан-Удэ, 2014. – С. 18–23.

ЕС, Индия, Республика Корея, Турция и другими западными и восточными странами и межгосударственными объединениями является одной из главных задач[1].

Новый виток интенсификации отношений между Монголией и ее географическими соседями начался после старта глобальной инициативы КНР «Экономический пояс Шелковый путь», объявленного в 2013 г. В качестве встречной инициативы, монгольская сторона объявила свою программу – «Степной путь» (2014), а Россия Трансевразийский путь «Razvitie» (2015). Впоследствии данные проекты были несколько переформатированы, но принципиально не претерпели изменений.

Взаимоотношения в треугольнике Китай – Монголия – Россия с точки зрения построения политики «мягкой силы» со стороны Монголии могут иметь межрегиональный характер, поскольку геополитические возможности государств имеют объективно разный потенциал[2]. Вместе с тем, взаимоотношения Монголии с «третьим соседом» априори будут рассматриваться сквозь призму отношений со своими географическими соседями.

Монголия начала реализацию активной внешней политики после демократической революции 1990 г. Демократия рассматривалась главным мерилом современности и прогресса, отделяющим «продвинутые страны» от «стран отсталых» в общественном развитии. В свою очередь события 1989–90 гг. виделись началом этой современности, своеобразным водоразделом, отделяющим настоящее от прошлого. Таким прошлым выступал социалистический период истории Монголии, который представал как досовременная или даже антисовременная эпоха, основывавшаяся на отрицании ценностей современности[3]. Трансформация политической системы оказала непосредственное влияние на характер внешней политики. Реализация

[1] Там же, С. 20

[2] Подробнее см.: Актамов И.Г. Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века // Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития: Материалы Всероссийской науч.-практич. конференции с межд. участием (Кызыл, 15–18 сентября 2020 г.) / Отв. ред. З.Т. Голенкова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 321–328.

[3] Родионов В.А. Монголия на рубеже XX–XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации // Вестник института социологии. – 2016. – Выпуск 18. – Том 7. – №3. – С. 147.

политики «третьего соседа» стала логическим отражением внутригосударственных изменений.

Инструменты монгольской «мягкой силы»

Джозеф Най описывал мягкую силу как особую систему, которую можно условно разделить на несколько составных частей: международный имидж (активное участие в гуманитарных и иных программах, в том числе под эгидой ООН), провозглашаемые и отстаиваемые данным государством ценности (в области защиты прав человека и др.), интеллектуальные достижения (в науке, технологиях, здравоохранении, культуре, образовании)[4]. Исходя из данной характеристики, акторами «мягкой силы» изначально считались ведущие мировые державы, которые в силу своих возможностей оказывали большое значение на мировую ситуацию. Исследованием феномена «мягкой силы» на институциональном уровне занимаются различные центры. Одним из наиболее известных считается британское PR-агентство Portland, которое формирует свой ежегодный рейтинговый список из 30 стран, обладающих различным уровнем «мягкой силы»[5]. Лидирующие позиции на протяжении последних лет в мировом рейтинге занимают страны Запада. Вместе с тем, рост экономического и политического значения стран Азии не мог остаться без внимания со стороны экспертов агентства Portland. С 2019 г. стал составляться специальный рейтинговый список – The Asia Soft Power 10[6]. Согласно расчетам аналитиков Portland, места в рейтинге распределились следующим образом: Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай[7], Тайвань, Таиланд, Малайзия, Индия, Индонезия, Филиппины. Как видно, Монголия не включена в этот список. Вместе с тем, это не означает, что исследование британских аналитиков является максимально объективным. С другой стороны, это не говорит о том, что по своим суммарным возможностям элементов «мягкой силы» Монголия явно уступает тем же Филиппинам. Далее постара-

[4] Андреев И.А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 3. – С. 143–154.

[5] The soft power 30. A Global Ranking of Soft Power 2019. Portland. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019–1.pdf. (дата обращения: 01.01.2021).

[6] Там же.

[7] Эти страны представлены также в рейтинге Soft Power 30.

емся проанализировать инструменты «мягкой силы» Монголии, которые используются как средство повышения международного имиджа в новейшей истории страны.

Участие в международных организациях. Монголия является активным участником политических и экономических интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В настоящее время Монголия является членом АСЕМ и регионального форума АСЕАН, начиная с 1993 г. является постоянным участником саммитов АТЭС, в 2004 г. страна получила статус наблюдателя в ШОС. По состоянию на 1 января 2021 г. Монголия установила дипломатические отношения с 192 странами мира[1]. Европейский союз и его основные члены включены в категорию «третьего соседа» Монголии.

Особое значение на повышение роли Монголии как международной площадки для переговоров имеет «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» (UB Dialogue). Об этой инициативе было объявлено 29 апреля 2013 г. на 7-ой конференции Сообщества демократий, проходившей в Улан-Баторе. «UB Dialogue» призван внести свой вклад в дело снижения недоверия путем переговоров, прилагать усилия, направленные на достижение мира и согласия в регионе через механизмы диалога. Такой диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии позволит установить Pax Asiatica, и также будет способствовать укреплению национальной безопасности каждой страны[2].

Большой вклад в формирование позитивного имиджа Монголии вносит миротворческая деятельность под эгидой ООН. В настоящее время Монголия занимает 27-е место в мире по числу миротворцев – почти 900 военных и полицейских из Монголии задействованы в 5 миротворческих операциях ООН. Впервые эта страна присоединилась к миротворческим силам ООН в 2002 году, направив двоих невооруженных военных наблюдателей в Миссию ООН по проведению референдума в Западной

[1] Монгол улсын гадаад харилцааны яам. Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=49521. (дата обращения: 01.01.2021).

[2] Батбаяр Ц. Основные принципы внешней политики Монголии // Актуальные проблемы современного монголоведения: сб. науч.ст. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. – С.39.

Сахаре. Первым крупным вкладом Монголии в миротворческие операции ООН стала отправка 250 военных в составе Миссии ООН в Либерии – стране, которая пережила ожесточенную гражданскую войну. Спустя шесть лет Монголия направила свой крупнейший на сегодняшний день контингент миротворцев, состоящий из полноценного батальона в 850 военных, в Миссию ООН в Южном Судане, где они и сегодня играют важную роль в защите мирного населения. За пятнадцатилетнюю историю участия в операциях ООН монгольские миротворцы успели продемонстрировать высокий уровень подготовки. Они также приняли в свои ряды большое число женщин[3].

Начиная с 2016 г. Монголия начала реализацию «Программы по пропаганде Монголии за рубежом», которая предполагает широкий спектр мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах[4]. Таким образом, руководство страны официально начало реализацию политики «мягкой силы». Кроме того, концепт «мягкая сила» стал использоваться в общественном дискурсе, в том числе самим президентом Халтмаагийн Баттулгой. Примечательно, что в одним из инструментов «мягкой силы» Монголии по мнению президента должен стать государственный архив[5]. Большое внимание использованию потенциала «мягкой силы» Монголии уделяют также неправительственные организации страны[6].

Образовательные проекты. Реализация проектов в области образования является одним из наиболее перспективных и эффективных направлений с точки зрения реализации «мягкой силы»[7]. Монголия в этом плане также реализует ряд проектов.

---

[3] Служба и самоотверженность: Монголия задает высокие стандарты миротворчества. URL: https://news.un.org/ru/story/2018/03/1325522. (дата обращения: 03.01.2021).

[4] Программа «Популяризация Монголии за рубежом». URL: http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/. (дата обращения 02.01.2021).

[5] Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага. URL: https://montsame.mn/en/read/194966. (дата обращения 02.01.2021).

[6] Подробнее см.: Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна. URL: https://news.mn/r/2359366/ (дата обращения 02.01.2021).; Ж. Энхсайхан: Умард Солонгос их гүрнүүд шиг нөлөөгөө бусдад тогтооё гэсэн бодолгүй байх. URL: https://dnn.mn/ж-энхсайхан-умард-солонгос-их-гүрнүүд-шиг-нөлөөгөө-бусдад-тогтоё-гэсэн-бодолгүй-байх/ (дата обращения 02.01.2021).

[7] Подробнее см.: Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния // Власть. – 2019. – Том 27. – №3.

Традиционной формой реализации образовательного влияния является привлечение иностранных студентов в вузы страны, создание благоприятных условий для освоения программ дополнительного и профессионального образования. Согласно данным Национального бюро статистики, в 2018–2019 учебном году в Монголии обучалось 2275 студентов по разным направлениям подготовки, из них 1640 студентов (72,1%) являются гражданами КНР, 236 (10,4%) – граждане РФ, 171 (7,5%) – граждане Республики Корея[1]. Одним из важных образовательных проектов, призванных повысить имидж страны в гуманитарной сфере, является ставшая традиционной «Летняя школа молодых монголоведов», в которой принимает участие молодежь из разных стран мира[2]. Особенность данной школы заключается в том, что она сочетает в себе академическую сессию и выездную школу в условиях степи. В рамках академической сессии молодые монголоведы слушают лекции ведущих ученых из Академии наук Монголии, преподавателей университетов, музейных работников, специалистов в области изучения истории, языка, культуры монгольского государства. Во время второй части летней школы участники знакомятся с традиционной кочевой культурой монгольского народа: принимают непосредственное участие в хозяйственной деятельности скотоводов, живут в традиционном жилище – юртах, знакомятся с фольклором и языком в естественных условиях. В результате молодежь не только познает древнюю культуру монгольского народа, язык, историю, но и обретает новых друзей. Самым главным результатом этой школы является то, что для многих монголоведение становится увлечением всей жизни и становится профессией.

Спорт и монгольские спортсмены. В современном мире спорт высших достижений уже стал не только ареной состяза-

– С. 231–236; Актамов И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 221–237.

[1] Үндэсний статистикийн хороо. Дээд боловсролын үндсэн үзүүлэлтүүдийн төлөв байдал, түүнд нөлөөлөх хүчин зүйлийн шинжилгээ. URL: https://1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=EDUCATION_2019.pdf&ln=Mn. (дата обращения 02.01.2021).

[2] Подробнее см.: Олон улсын залуу монгол судлаачдын зуны сургууль эхэллээ. URL: https://gogo.mn/r/7633y. (дата обращения 02.01.2021).

ний, а площадкой борьбы за имидж страны через спортивные результаты своих атлетов. Более того, международные спортивные соревнования в последнее время стали инструментом, который используют для нанесения репутационных ударов по имиджу государства. Спортивная медицина становится еще одной сферой, в которой соревнуются ведущие государства, обладающие новейшими технологиями. Что же касается Монголии, то наибольшим авторитетом на международной арене пользуются представители единоборств, в первую очередь дзюдо. Самым известным является первый олимпийский чемпион в истории Монголии Найдангийн Тувшинбаяр, который завоевал золото на Пекинской олимпиаде в 2008 г., серебряный и бронзовый призер чемпионатов Азии 2007 и 2008 годов. 14 августа 2008 года ему было присвоены звания заслуженного спортсмена и героя труда Монголии, ордена Сухэ-Батора и Полярной звезды. На Олимпийских играх 2012 года занял второе место, став первым монгольским спортсменом, завоевавшим медали на нескольких Олимпиадах. Следует отметить, что дзюдо является особым видом спорта в новейшей истории Монголии, поскольку данный вид спорта тесно переплетен с политикой. Бывший президент Х. Баттулга (2017–2021 гг.) также является дзюдоистом, и даже использовал данный факт своей биографии в своей предвыборной борьбе на пост президента.

Отдельную когорту представляют борцы сумо, которые уже на протяжении многих лет становятся чемпионами национальных соревнований в Японии. Например, по состоянию на 24 декабря 2020 г. первые два места в национальном рейтинге борцов сумо уверенно занимают представители Монголии[3]. Более того, Мунхбатын Даваажаргал (Хакухо – «Белый феникс») возглавляет списки бойцов сумо как по общему числу выигранных турниров, так и по числу первенств, на которых он победил «в сухую»[4]. Примечательно, что кубок императора Японии Даваажаргалу вручал сам премьер-министр Синдзо Абэ, и это произошло впервые за последние два года.

[3] Сумо. Традиции и современность японской борьбы. URL: http://www.japan-sumo.ru/?q=leaders. (дата обращения 02.01.2021).

[4] «Белый феникс» Хакухо улучшил сразу несколько рекордов в мире сумо. URL: https://tass.ru/sport/3305123. (дата обращения 02.01.2021).

Еще одним ярким примером является монгольская спортсменка по пулевой стрельбе Доржсурэнгийн Мунхбаяр, которая достигла высоких результатов в данном виде спорта как в сборной Монголии (бронзовый призер Олимпиады 1992 г. в Барселоне), так и в сборной Германии (бронзовый призер Олимпиады 2008 г. в Пекине).

Из игровых видов спорта наиболее значимым достижением за последние годы стала серебряная медаль мужской сборной по стрит-болу на чемпионате Азии 2019 г.

Шоу-бизнес. Культурная сфера стала еще одной площадкой для реализации элементов «мягкой силы». Шоу-бизнес как элемент современной культуры играет особую роль в распространении влияния государства на соседние страны и на весь мир. Ярким примером служит феномен «корейской волны», или Халлю, который начал свое победное шествие с середины 1990-х годов в странах Азии[1]. Наиболее известным проектом в области распространения современной монгольской культуры является фестиваль «Хамаг Монгол» («Вся Монголия»). В марте 2013 г. во время концерта в Улан-Баторе один из наиболее известных монгольских певцов Самандын Жавхлан сказал: «В мире более десяти миллионов монголов. Из них только два с половиной миллиона проживают в Монголии. Остальные разбросаны по всему земному шару. Потомки Чингисхана, где бы они ни проживали, должны ощущать себя частью нации с великой историей, с прекрасным настоящим и безоблачным будущим. Вот ради чего воплощается проект «Хамаг Монгол». Монголы всего мира должны ощущать духовное единство»[2].

Заслуженным признанием пользуются представители монгольского цирка – исполнители номеров пластической акробатики, которые получили название «каучук». Монгольские акробаты стали ведущими артистами таких всемирно известных цирков, как канадский «Цирк дю солей». С 1994 года в общей сложности 37 монгольских артистов выступали в составе труппы этого цирка, 29 из них в качестве исполнителей

[1] Халлю (Корейская волна). URL: https://russian.korea.net/AboutKorea/Culture-and-the-Arts/Hallyu. (дата обращения 02.01.2021).

[2] Театр «Байкал» принял участие в закрытии фестиваля «Хамаг Монгол». URL: https://bgtrk.ru/news/society/97925/. (дата обращения 02.01.2021).

номеров «каучук». По свидетельству пресс-секретаря «Цирка дю солей», Монголия славится сильными цирковыми традициями в целом ряде акробатических дисциплин, включая номера воздушных гимнастов и акробатов, но традиция номеров «каучук» является уникальной в своем роде. Он особо отметил, что Монголия специализируется на этой дисциплине, что являет собой результат физической предрасположенности и сильной традиционной школы[3].

Что же касается классической монгольской культуры, то наиболее известными являются монгольская протяжная песня (уртын дуу), горловое пение и мелодии, исполняемые на струнном музыкальном инструменте морин хуур, которые включены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

Еще одним важным элементом реализации «мягкой силы» Монголии являются сообщества монгольских граждан в разных странах мира. Наиболее многочисленными являются диаспоры мигрантов в Республике Корея, КНР, Германии, США. Однако данный вопрос в настоящее время еще не является детально изученным, поскольку диаспоры не являются активными акторами «мягкой силы» Монголии. Наиболее изученным и известным является феномен «хуацяо» (□□) – китайских мигрантов, играющих весьма существенную роль в реализации политики КНР не только в странах Азии, но и по всему миру. Очевидно, что сравнивать феномен хуацяо и монгольской диаспоры некорректно, но интересен сам факт исследования практик поведения монгольских граждан и то, каким образом они могут стать неким инструментом «мягкой силы» своей родины. Данное направление станет предметом дальнейших наших исследований.

Выводы

Феномен «мягкой силы» традиционно рассматривался как инструмент, с помощью которого ведущие мировые державы оказывали свое влияние на государства, которые не обладали ни военной мощью, ни высокими экономическими показателями, ни новейшими технологиями. Усиление глобализационных процессов, развитие средств коммуникации позволило сократить разрыв в уровне развития между странами, обеспечить

[3] Монголия: Пластические акробаты добиваются признания ЮНЕСКО. URL: https://russian.eurasianet.org/node/60261. (дата обращения 02.01.2021).

быстрый обмен информацией. В этой ситуации государства, ранее не являвшиеся активными субъектами международных отношений, стали проявлять инициативу, содержательно наполнять и применять инструменты «мягкой силы» для повышения своего международного имиджа. Одним из таких государств является Монголия, которая в своей новейшей истории довольно успешно реализует собственные возможности для создания репутации международного игрока. В рамках данной статьи была предпринята попытка охарактеризовать основные инструменты «мягкой силы» Монголии, которые современное руководство страны использует для повышения статуса государства. Следует отметить, что данная работа является одной из первых, посвященных изучению «мягкой силы» Монголии, не претендует на завершенность и предполагает развитие исследований по данной проблеме.

Список использованных источников и литературы

«Белый феникс» Хакухо улучшил сразу несколько рекордов в мире сумо. URL: https://tass.ru/sport/3305123. (дата обращения 02.01.2022).

Актамов, И.Г. Инструменты мягкой силы Монголии в отношении российских регионов в начале XXI века [Текст]/ И.Г. Актамов // Человеческий потенциал Центрально-Азиатского региона: перспективы развития: Материалы Всероссийской науч.-практич. конференции с межд. участием (Кызыл, 15–18 сентября 2020 г.) / Отв. ред. З.Т. Голенкова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 321–328.

Актамов, И.Г. Образование как инструмент российской «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях в конце XX – начале XXI веков[Текст] / И.Г. Актамов // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 221–237.

Актамов, И. Г., Бадмацыренов, Т. Б. «Мягкая сила» Китая: образовательные стратегии внешнеполитического влияния [Текст] / И.Г. Актамов, Т.Б. Бадмацыренов // Власть. – 2019. – Том 27. – №3. – С. 231–236.

Андреев, И. А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта [Текст] / И.А. Андреев // Вестник Института социологии. – 2020. – Том 11. – № 3. – С. 143–154.

Батбаяр, Ц. Основные принципы внешней политики Монголии [Текст] / Ц. Батбаяр // Актуальные проблемы современного монголоведения: сб. науч.ст. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2016. – С. 36–39.

Базарваань, Г. Концепция «третьего соседа» Монголии [Текст] / Г. Базарваань // Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений: сб. науч. статей. – Улан-Удэ, 2014. – С. 18–23.

Монголия: Пластические акробаты добиваются признания ЮНЕСКО. URL: https://russian.eurasianet.org/node/60261. (дата обращения 02.01.2022).

Программа «Популяризация Монголии за рубежом». URL: http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/. (дата обращения 02.01.2022).

Родионов, В.А. Монголия на рубеже XX–XXI вв.: случай постсоциалистической трансформации [Текст] / В.А. Родионов // Вестник института социологии. – 2016. – Выпуск 18. – Том 7. – №3. – С. 138–159.

Родионов, В. А., Аюшиева, И. Г. «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт [Текст] / В.А. Родионов, И.Г. Аюшиева // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 125–130.

Служба и самоотверженность: Монголия задает высокие стандарты миротворчества. URL: https://news.un.org/ru/story/2018/03/1325522. (дата обращения: 03.01.2022).

Сумо. Традиции и современность японской борьбы. URL: http://www.japan-sumo.ru/?q=leaders. (дата обращения 02.01.2022).

Театр «Байкал» принял участие в закрытии фестиваля «Хамаг Монгол». URL: https://bgtrk.ru/news/society/97925/. (дата обращения 02.01.2022).

Халлю (Корейская волна). URL: https://russian.korea.net/AboutKorea/Culture-and-the-Arts/Hallyu. (дата обращения 02.01.2022).

Ж. Энхсайхан: Умард Солонгос их гүрнүүд шиг нөлөөгөө бусдад тогтооё гэсэн бодолгүй байх. URL: https://dnn.mn/ж-энхсайхан-умард-солонгос-их-гүрнүүд-шиг-нөлөөгөө-бусдад-тогтооё-гэсэн-бодолгүй-байх/ (дата обращения 02.01.2022).

Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна. URL: https://news.mn/r/2359366/ (дата обращения 02.01.2022).

Монгол улсын гадаад харилцааны яам. Гурвадагч хөршийн бодлого. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=16273. (дата обращения: 01.01.2022).

Олон улсын залуу монгол судлаачдын зуны сургууль эхэллээ. URL: https://gogo.mn/r/7633y. (дата обращения 02.01.2022).

Үндэсний статистикийн хороо. Дээд боловсролын үндсэн үзүүлэлтүүдийн төлөв байдал, түүнд нөлөөлөх хүчин зүйлийн шинжилгээ. URL: https://1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=EDUCATION_2019.pdf&ln=Mn. (дата обращения 02.01.2022).

Х. Баттулга: Архив бол Монголын «зөөлөн хүч» – ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага. URL: https://montsame.mn/en/read/194966. (дата обращения 02.01.2022).

The soft power 30. A Global Ranking of Soft Power 2019. Portland. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019–1.pdf. (дата обращения: 01.01.2022).

И.Г. Актамов, В.А. Родионов

3.3. Приграничные регионы России в политике «мягкой силы» Монголии

Объективной основой для популяризации концепции «мягкой силы» стало усложнение международных отношений, выраженное в усилении конкурентной борьбы и разнообразии способов ее ведения. Наряду с военно-политическими и экономическими методами все большую роль стали играть такие инструменты как идеология, массовая культура, информационное воздействие и прочее. В связи с этим теоретические изыскания Дж. Ная нашли широкий отклик среди академического сообщества и политических элит стран мира. Более того, развитие этой концепции, произошедшее в результате исследований внешнеполитической практики государств, привело к расширению содержания понятия «мягкой силы», добавлению параметров и критериев оценки ее эффективности. Например, английская консалтинговая компания Portland, начиная с 2015 г. ежегодно выпускающая глобальный рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30, среди критериев оценки ее потенциала использует такие параметры, как система управления (политические ценности, общественные институты), технологический прогресс, культурное наследие, уровень развития экономики, вовлеченность в международный контекст, образование[1].

Изначально акторами «мягкой силы» виделись только те государства, которые традиционно рассматривались как великие державы или по крайней мере претендовали на такой статус. Неслучайно основной массив публикаций на эту тему посвящен таким странам-лидерам западного мира как США, Германия, Франция, Великобритания, а также ведущим странам Азии – КНР, Японии, Индии, Турции. Все активнее в последнее время заявляет о себе в качестве игрока в поле «мягкой силы» Россия. В то же время крайне малое внимание уделяется тем странам, которые в силу своих масштабов, совокупного внешнеполитического потенциала несопоставимы с великими державами.

[1] Крячкина Ю.А. «Мягкая сила» во внешней политике Японии: ключевые особенности // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 6 (57). – С. 97.

Такие условно «малые страны», как правило, выступают в роли объектов, реципиентов «мягкой силы». Между тем, как показывает практика последних лет, подобные государства также стремятся использовать «мягкую силу» для защиты собственных интересов на международной арене.

Монголия как субъект «мягкой силы»

До недавнего времени Монголия рассматривалась исключительно в качестве объекта «мягкой силы» великих держав[1]. Между тем, современная Монголия являет собой пример «малой страны», нацеленной на использование собственного потенциала «мягкой силы» при осуществлении внешней политики. В 2016 г. правительством Монголии была утверждена «Программа по пропаганде Монголии за рубежом», предполагающая широкий спектр мероприятий культурно-просветительского, научного, информационного характера для создания благоприятного имиджа страны в зарубежных странах[2]. Монгольские политики и эксперты неоднократно заявляли о необходимости использования «мягкой силы» в отношениях с внешним миром[3]. К наиболее ярким проявлениям монгольской «мягкой силы», направленной на глобальный уровень, можно отнести активное участие монгольских военных в миротворческих операциях под эгидой ООН, ее стремление стать государством-посредником для переговоров по актуальным вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии, страна позиционирует себя как пример развитой азиатской демократии[4]. Одновременно с этим Улан-Батор стремится использовать «мягкую силу» не только на глобальном, но и на локальном уровне. Речь идет о потенциале влияния на приграничные с Монголией регионы России и Китая. Например, исследователь Института международных отношений Академии

[1] Родионов В.А. «Мягкая сила» в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 8. – С. 255–260.

[2] Программа «Популяризация Монголии за рубежом». URL: http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/ (дата обращения: 01.05.2022).

[3] См., например: Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага. URL: https://montsame.mn/en/read/194966 (дата обращения 01.05.2022); Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна. URL: https://news.mn/r/2359366/ (дата обращения: 01.05.2022).

[4] Родионов В.А., Железняков А.С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией». URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariey/ (дата обращения: 01.05.2022).

наук Монголии Д. Базардорж, рассуждая в одном из интервью о связях Монголии с монголоязычными этносами Китая и России, отметил: «Как независимое государство, мы должны осознать, что несем историческую ответственность за исследование положения этнических монголов за рубежом» [5]. Вполне вероятно, что такого же мнения придерживаются и представители органов государственной власти. В силу данного обстоятельства представляется актуальным исследование факторов, способствующих осуществлению политики «мягкой силы» Монголии в отношении отдельных регионов России.

Российско-монгольские двусторонние связи в новейшее время представляют интерес не только с точки зрения межгосударственного взаимодействия в области политики, экономики, гуманитарной сферы. Не менее значимыми можно признать межрегиональные связи и практики, имеющие тенденцию к расширению. Протяженная совместная граница (3485 км), исторически сложившиеся хозяйственные связи, этнокультурная и религиозная близость народов, выступающая содержательной основой концепта «монгольский мир», являются основными факторами интенсивности межрегионального взаимодействия. Дополнительный импульс регионально-приграничному сотрудничеству придал старт проекта «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия» (ЭККМР), объявленный в 2014 г.

Программа ЭККМР, предусматривающая комплексную модернизацию и развитие Центрального транспортного коридора по маршруту Улан-Удэ – Улан-Батор – Пекин – Тяньцзинь (включая железнодорожную ветку и сеть АН 3 Азиатских автодорог), охватывает пять приграничных субъектов России, три из которых являются национальными республиками – Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, два административно-краевыми образованиями – Забайкальский и Приморский края. Тем самым трехсторонние экономические коридоры пройдут через регионы компактного проживания монголоязычного народа России – бурят Забайкальского края и Республики Бурятия, а также через Республику Тыву – территорию, близкую к Монголии в культурно-религиозном отношении.

[5] Базардорж Д. Монгол, Өмнөд Монголын цар тахлын нөхцөл байдалд төсөөтэй зүйлс цөөнгүй. URL: https://ikon.mn/n/1wtl (дата обращения: 01.05.2022).

Одним из базовых документов, на основе которого выстраивается сотрудничество между Республикой Бурятия и Монголией, является «Соглашение об экономическом и приграничном сотрудничестве» от 25 февраля 1999 года. Между Бурятией, Тывой, Забайкальским краем с одной стороны и рядом аймаков Монголии с другой стороны действуют соответствующие соглашения о сотрудничестве. Также значимые рамки взаимодействия – связи между городами-побратимами – российским Улан-Удэ и монгольскими Улан-Батором, Эрдэнэтом и Дарханом; российской Читой и монгольским Чойбалсаном. Такие мероприятия экономического и культурного характера как «Дни экономики и культуры», бизнес-выставки, ярмарки высших учебных заведений, организация детского отдыха на территории российских субъектов и монгольских аймаков играют роль площадок для поддержания постоянных контактов между жителями двух стран.

На субъекты, входящие в Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, в последние годы приходится около трети всего товарооборота между Россией и Монголией[1]. Вступивший в силу с ноября 2014 г. обоюдный безвизовый режим между странами стимулировал резкое увеличение пассажиропотоков и миграционных перемещений в обоих направлениях. Нарастающий спрос на товары и продукты, производимые на приграничных территориях, дал новый импульс сфере туризма. Ниже приведены данные по взаимным туристическим визитам между Россией, Китаем и Монголией в последние годы (табл. 1, 2).

Таблица 1.

Число выездных туристских поездок граждан России в Китай и Монголию, 2015–2019 гг. (тыс.)

Годы / Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	1 284,3	1 676,2	2003,0	2018,0	2334,0
Монголия	57,2	71,9	91,0	111,0	130

[1] Суходолов Я.А., Даваасурэн А., Манжигеев А.Ф. Современная специфика и перспективы развития внешнеторгового сотрудничества России с Монголией // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 632–639.

Таблица 2.

Число въездных туристских поездок китайских и монгольских граждан в Россию, 2015–2019 гг. (тыс.)[2]

Годы / Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	1 121,5	1 288,7	1478,0	1690,0	1883,0
Монголия	378,2	522,0	396, 0	387,0	376,0

Из данных таблиц видно, что с 2015 г. количество монгольских граждан, посетивших Россию, в несколько раз превысило количество россиян, посетивших Монголию. Такая разница объясняется резким снижением курса российского рубля по отношению к монгольскому тугрику в 2014 г., что в значительной мере увеличило спрос на российские товары среди монгольских покупателей. Это, в свою очередь, оживило оптово-розничную торговлю в приграничных российских регионах, в первую очередь, в Республике Бурятия. Объемы продаж ритейлеров резко возросли, что сказалось на увеличении ВРП республики. Так, по данным официальной статистики, по итогам первой половины 2015 г. Бурятия заняла первое место в России по росту оборота розничной торговли с показателем 105,8% [3], в то время как в большинстве субъектов РФ эти показатели снизились на фоне экономического кризиса.

Инструменты «мягкой силы» Монголии

Поскольку покупатели из Монголии в массе своей не очень хорошо знают русский язык, то продавцам не только крупных торговых центров, гостиниц, кафе, но и представителям среднего и малого бизнеса пришлось искать механизмы оптимальной коммуникации. Рыночный спрос со стороны покупателей-монголов подтолкнул к изменению модели коммуникации со стороны продавцов-россиян. Продавцы были вынуждены овладеть основными фразами, торговой лексикой для реализации своей продукции. В этих условиях в более выигрышной ситуации ока-

[2] Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки числа въездных и выездных туристских поездок. URL: https://www.russiatourism.ru (дата обращения 15.05.2022).

[3] Гости из Монголии вывели Бурятию в лидеры по росту оборота розничной торговли. URL: https://www.baikal-daily.ru/news/15/162194/ (дата обращения: 01.05.2022).

зались продавцы, которые владели бурятским языком, который генетически является одним из монгольских языков. Экономические дивиденды от знания языка оказались самым явным преимуществом и подтолкнули многих представителей данной сферы к овладению бурятским языком, пусть даже и на самом начальном уровне. Показателен пример с торговцами фруктами и овощами на одном из оптово-розничных рынков Улан-Удэ. Как правило, эта сфера занята выходцами из государств Средней Азии и Кавказа. После притока покупателей из Монголии торговцы из этих стран очень быстро и на довольно хорошем уровне выучили торговую лексику на монгольском. Многие буряты, не знавшие свой язык, вынуждены были выдерживать конкуренцию и начать изучение языка. Особенно это было заметно среди продавцов зимней обуви – унтов из оленьих шкур, которые имели большой спрос у монголов в силу их практичности, морозостойкости и относительно невысокой стоимости. Эту нишу преимущественно заняли торговцы-буряты, и те, кто знал бурятский язык, оказались в более выгодном положении в плане коммуникации с покупателями из соседней страны. Экономическая потребность в знании азов монгольского языка стала одним из факторов повышения интереса к истории и культуре монгольского народа.

Важным мотивом для поездок в Бурятию граждан Монголии стало посещение религиозных мест. Наиболее ярким примером в этом плане является поклонение нетленному телу Хамбо-ламы Итигэлова в центре российского буддизма – Иволгинском дацане. Монгольские туристские компании организуют для паломников специальные автобусные туры, которые пользуются большой популярностью. Традиционная одежда, которую монголы надевают при посещении дацана, оказывает определенное воздействие на представителей бурятского этноса, которые практически перестали носить ее в быту. В результате у бурят ношение традиционной национальной одежды, в том числе одежды халха-монголов, стало весьма популярным. Более того, ношение традиционного монгольского костюма стало модным и среди представителей других национальностей. Таким образом, ежедневные экономические интеракции монгольских

туристов и жителей российских приграничных регионов стали одним из каналов популяризации всего монгольского.

Наряду с экономическими связями можно отметить активизацию сотрудничества в научной сфере. На гранты Российского фонда фундаментальных исследований организуются совместные российско-монгольские конкурсы по техническим, естественнонаучным и гуманитарным направлениям. Российские ученые совместно с монгольскими коллегами составляют программу исследований, календарный план, предполагаемые результаты проекта. Промежуточные итоги апробируются на конференциях различного уровня, а итоговый отчет находит свое отражение в виде коллективных монографий и сборников, которые порой могут представлять интерес не только для научной общественности. Наряду с традиционными центрами отечественного монголоведения (Москва и Санкт-Петербург) активную роль в совместных исследованиях в последние годы играют Улан-Удэ, Кызыл, Иркутск, Элиста.

Особое отношение как руководства Монголии, так и ее рядовых граждан к некоторым приграничным субъектам РФ обусловлено языковой, культурно-исторической и религиозной близостью. Все это в совокупности стало содержанием для идейного концепта «монгольский мир». Суть этого концепта сводится к тому, что, несмотря на государственные границы, между монголами, бурятами, тувинцами и даже проживающими за тысячи километров от Монголии калмыками существуют тесные, хоть и незримые связи [1].

Примерами международных мероприятий, в основе своей носящих этнокультурный характер и призванных укрепить связи между различными частями «монгольского мира», служат Всебурятский международный фестиваль «Алтаргана» (проводится в порядке очереди в разных регионах России – Бурятии, Иркутской области, Забайкальском крае и в Монголии), Конвент монголов мира, Баргутский фестиваль «Баргажан», международный песенный конкурс «Белый месяц», Международный конкурс этномоды «Торгон зам», Международный

[1] Чимитдоржиев Ш.Б. Бурятский этнос и монгольский мир. URL: http://asiarussia.ru/articles/4324/ (дата обращения: 01.05.2022).

фестиваль «Хамаг монгол – Вся Монголия»[1] и др. В программах этих мероприятий представлены самобытные традиции и современные направления развития обычаев, языка и культуры монголоязычных народов.

В 2015 г. был проведен Фестиваль студенческой молодежи монголоязычных народов Китая, Монголии и России. Основным организатором выступил Педагогический университет автономного района Внутренняя Монголия КНР. Творческие студенческие коллективы Бурятского госуниверситета (Россия), Монгольского государственного университета образования (Монголия), Педагогического университета АРВМ (Китай) выступали с концертными программами в городах Улан-Удэ, Улан-Батор, Эрлянь, Хух-Хото. Основной акцент в содержании художественных номеров был поставлен на демонстрации особенностей традиционной культуры монгольских народов в разных социокультурных условиях развития.

Помимо культурных площадок монгольская общность выступает как объект совместных научных исследований. К примеру, в 2006 г. были начаты научные проекты по исследованию особенностей развития детей монголоязычных народов, проживающих в Китае, России, Монголии. Проект был реализован тремя вузами – Педагогическим университетом Внутренней Монголии (КНР), Монгольским государственным университетом образования (Монголия) и Бурятским государственным университетом (РФ). Результаты исследования были отражены в монографии монгольских и российских ученых.

Отдельным направлением сотрудничества Монголии и российских регионов является возросший интерес к изучению классической монгольской письменности, или, в другом варианте – старомонгольской письменности. Активно организуются мастер-классы по монгольской каллиграфии, проводятся различные выставки и фестивали. Более того, образовательные центры включают в перечень иностранных языков классическую монгольскую письменность. Широкое распространение получило данное направление в информационной среде – соз-

[1] Сайдаш Монгуш представит Туву на международном фестивале в Калмыкии. URL: https://www.tuvaonline.ru/2013/05/02/saydash-mongush-predstavit-tuvu-na-mezhdunarodnom-festivale-v-kalmykii.html (дата обращения: 01.05.2022).

даются онлайн-платформы, в том числе всероссийского уровня [2]. Развитие классической монгольской письменности дало стимул развитию монгольской каллиграфии, причем не только в Бурятии, но и в Забайкальском крае [3] и Иркутской области. Под эгидой Правительства Монголии ежегодно проводятся летние школы по изучению монгольского языка. Первая часть, как правило, проходит в Улан-Баторе, а вторая проводится в традиционных условиях монгольской степи, в течение нескольких дней молодежь из разных стран живет в юртах, знакомится с бытом, культурой, традициями монгольского народа. Специфика данных школ заключается в том, что организаторы показывают разную Монголию – динамично развивающуюся столицу с шумом мегаполиса и атрибутами последних достижений цивилизации и консервативную, размеренную степную жизнь простых кочевников, уклад которых принципиально не изменился со времен средневековья. Молодежь после таких школ обретает новый научный опыт, повышает языковую компетентность, обретает коллег-единомышленников среди представителей как самой Монголии, так и других стран мира, создается круг друзей, увлеченных всем монгольским. Но самый главный результат этих школ – это формирование устойчивого позитивного отношения у участников к монгольской культуре, людям, стране и последующая трансляция такого отношения в обществе.

В то же время внутри «монгольского мира» можно увидеть некоторую иерархию его составных частей. Так, Монголия активно позиционируется в качестве центра притяжения для всех остальных народов «монгольского мира», оказавшихся на его «периферии», т.е. живущих вне монгольского государства. Аргументами в пользу данного положения вещей, как правило, являются сохранение в Монголии частью ее населения кочевого уклада, приверженность культурно-бытовым традициям (в одежде, пище, правилах поведения), доминирование монгольского языка. Подобный подход имеет заметный отклик в среде монголоязычных народов России и Китая, перед которыми

[2] Подробнее см.: URL: https://www.facebook.com/uutypomania/ (дата обращения: 01.05.2022).

[3] Жители более шести регионов страны изучают старомонгольскую письменность онлайн в Забайкалье. URL: https://75.ru/news/154759?fbclid=IwAR0vXIB7QSWAtYksYjYIhKtti8Sg70SZRtAUNTaj_jrH8fRqYsX_S1L6-Vo (дата обращения: 01.05.2022).

стоят актуальные задачи сохранения своей языковой и, шире, этнокультурной самобытности.

Пожалуй, самым главным маркером, подчеркивающим центральное положение Монголии в рамках «монгольского мира», является фигура Чингисхана. В современной Монголии сложился нарратив, призванный провести прямую связь между великим ханом-основателем империи и современной монгольской государственностью. Изображения или имя Чингисхана можно увидеть на государственных символах, национальной валюте, названиях центральных улиц и площадей, популярных товарах и местах массового отдыха. Попытки даже частичной «приватизации» Чингисхана другими этносами или государствами встречают яростное сопротивление и критику со стороны общественности Монголии.

В 2011 г. президент Монголии Ц. Элбэгдорж в своем выступлении на торжественной сессии Парламента по случаю 100-летия со дня провозглашения независимости страны вывел концепт «монгольский мир» на уровень большой международной политики. Глава государства обратился к монголам всего мира (в том числе имелись в виду российские буряты и калмыки) приезжать в Монголию на постоянное место жительства с целью участия в созидательной деятельности [1]. Эта попытка реализации репатриационной политики была призвана в очередной раз продемонстрировать, что Монголия является центром, ядром «монгольского мира», на который должны ориентироваться остальные сообщества. В целом такая символическая конфигурация автоматически делает Монголию субъектом, активным игроком в поле «мягкой силы» по отношению к приграничным регионам РФ.

Одним из показателей эффективности «мягкой силы» Монголии в российских приграничных регионах является преобладающий положительный образ страны, транслируемый через местные масс-медиа. Проведенное в 2019 г. исследование образа Монголии в региональных СМИ (Бурятии и Иркутской области) показало, что большинство материалов о ней носят позитивный характер. Львиная доля информации посвящена самобытной

[1] Президент Монголии пригласил монголов. URL: https://newbur.ru/n/38383/ (дата обращения: 01.05.2022).

монгольской культуре, спортивным достижениям монголов и привлекательности туристических поездок в эту страну[2].

Ситуация, связанная с пандемией коронавируса в 2020 г., внесла серьезные коррективы в повседневную жизнь граждан обеих стран, обернулась серьезным ущербом для экономики и социального сектора. Начиная с весны 2020 г. были сведены к минимуму взаимные поездки российских и монгольских граждан, резко сократились деловая активность и научно-образовательные контакты. Между тем даже в такой непростой обстановке Монголия сумела весьма эффективно укрепить позитивный образ в глазах ближайших соседей. Речь идет о действиях монгольских властей по борьбе с распространением вируса и полученных результатах. Еще в январе 2020 г., когда проблема не приобрела характер пандемии, монгольское руководство приняло решение закрыть границу с Китаем, перевело образовательные учреждения страны на дистанционный формат работы, отменило все массовые мероприятия, включая празднование Цагаан сар (Новый год по лунному календарю). Как результат, по количеству заболевших коронавирусом в 2020 г. Монголия занимала одно из последних мест в мире. Так, по состоянию на 14 ноября 2020 г. ситуация выглядела следующим образом: заболевших – 416 человек, вылечившихся – 328, находящихся на лечении – 88 [3]. До середины ноября 2020 г. в стране не было зафиксировано ни одной смерти от коронавируса и ни одного случая внутреннего заражения, все заболевшие были приехавшими из-за рубежа монгольскими гражданами или иностранцами. Успех Монголии был отмечен главой Всемирной организации здравоохранения, который похвалил монголов за высокий уровень организации в борьбе с вирусом [4]. Подобные цифры на тот момент времени выглядели особенно впечатляюще на фоне сложной ситуации с количеством заболевших

[2] Комбаев А.В., Доржиева И.Ц., Цыремпилова Э.В. Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражением «мягкой силы» Монголии (по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия) // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 142–147.

[3] Данные министерства здравоохранения Монголии. 14.11.2020. URL: https://covid19.mohs.mn/p/cat/post/57/ (дата обращения: 01.05.2022).

[4] Глава ВОЗ поздравил Монголию с успешной борьбой с COVID-19. URL: http://www.mongolnow.com/glava-voz-pozdravil-mongoliyu-s-uspeshnoj-borboj-s-covid-19/ (дата обращения: 01.05.2022).

коронавирусом в соседних с Монголией российских регионах. Четырнадцатого ноября 2020 г. количество заболевших в Бурятии составляло 14603 чел., в Тыве – 10789, в Забайкальском крае – 14961, в Иркутской области – 27814 [1]. Необходимо отметить, что в течение 2021 г. ситуация с заболеванием в Монголии значительно ухудшилась, выразившись в росте числа заболевших и появлении летальных исходов [2].

Помимо эффективной борьбы с пандемией Монголия проявила активность, помогая ближайшим соседям пережить это непростое время. Президент Монголии Х. Баттулга во время своего официального визита в Китай в самом начале пандемии передал Председателю КНР Си Цзиньпину сертификат на 30 тысяч баранов. Эта акция получила положительный отклик в том числе в публикациях российских СМИ [3]. Кроме того, была организована акция по сбору средств для помощи Китаю в борьбе с COVID-19. Монгольские выпускники китайских вузов, ассоциации выпускников занялись сбором средств и организовали флешмоб в социальной сети «Фэйсбук» под лозунгом «Ухань, держись!» (武汉加油！)[4].

Активную помощь в борьбе с коронавирусом Монголия оказала и российским регионам. Например, в июне 2020 г. Генеральный консул Монголии в Кызыле передал тувинским медикам гуманитарную помощь в рамках поддержки в борьбе с коронавирусом. Акция получила название «Помощь вечному соседу». В ней приняли участие 275 монгольских предпринимателей, 60 коллективов госучреждений и компаний, которые в сумме собрали 35,8 млн тугриков (примерно 970 тысяч рублей). На часть средств были закуплены средства индивидуальной защиты, в том числе монгольского производства [5]. Аналогичную

[1] Статистика случаев заражения коронавирусом в России. URL: https://coronavirusmonitor.ru/ (дата обращения: 01.05.2022).

[2] Данные министерства здравоохранения Монголии. 14.09.2021. URL: https://covid19.mohs.mn/p/cat/post/57/ (дата обращения: 01.05.2022).

[3] Монголия оказала Китаю гуманитарную помощь самым ценным, что у нее есть. URL: https://radiokp.ru/obschestvo/mongoliya-okazala-kitayu-gumanitarnuyu-pomosch-samym-cennym-chto-u-nee-est_nid12722_au4311au?page=1 (дата обращения: 01.05.2022).

[4] В Монголии официально запущена акция по сбору пожертвований в помощь Китаю в борьбе с коронавирусом. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2020/0219/c31520–9659275.html (дата обращения: 01.05.2022).

[5] «Помощь вечному соседу»: Монголия передала гуманитарную помощь медикам Тувы. URL: https://regnum.ru/news/society/2977319.html (дата обращения: 01.05.2022).

гуманитарную помощь получили и другие российские регионы. Селенгинский аймак Монголии передал Бурятии 5 тыс. медицинских масок в качестве гуманитарной помощи. Маски, а также пожелания здоровья и победы над коронавирусом передал генконсул Монголии в Улан-Удэ Дамдин Чадраабал от имени губернатора Шархуугийна Оргила. Господин Оргил в письме отметил, что Селенгинский аймак уже много лет сотрудничает с Бурятией [6]. Свою лепту внесли монгольские выпускники советских и российских вузов. Инициаторами благотворительной акции стали Союз монгольских обществ дружбы и Монгольская ассоциация выпускников советских и российских учебных заведений (МАВСУЗ). Акцию поддержали и Монгольская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. В ходе акции выпускники и преподаватели русского языка пожертвовали 5,37 млн тугриков (примерно 155 тысяч рублей) в знак благодарности Бурятии за помощь, оказанную в ходе прибытия на родину монгольских студентов из России [7].

Заключение

Три постсоциалистических десятилетия российско-монгольских отношений дали весьма богатый материал для того, чтобы увидеть серьезные изменения в характере взаимодействий. Монголия, долгие годы являвшаяся преимущественно объектом политики своего более могущественного северного соседа, постепенно приобрела характеристики субъекта, готового более активно отстаивать свои национальные интересы. Как и большинство стран мира, Монголия применяет «мягкую силу» в своей внешней политике. Но если в масштабе всей России влияние Монголии мало ощутимо в силу объективных обстоятельств, то на уровне отдельных российских регионов оно вполне заметно. Установление и развитие связей с приграничными субъектами РФ предоставляет Улан-Батору возможность для увеличения своей субъектности в отношениях с Москвой.

Намеченная главами России, Монголии и Китая программа по формированию международных экономических коридоров в

[6] Селенгинский аймак Монголии передал Бурятии 5 тысяч масок. URL: https://regnum.ru/news/society/2943731.html (дата обращения: 01.05.2022).

[7] Монгольские выпускники российских вузов подарили Бурятии 15 тысяч масок. URL: https://regnum.ru/news/polit/2935792.html (дата обращения: 01.05.2022).

случае ее успешной реализации значительно усилит экономические связи в регионе. Уже сейчас можно констатировать, что сама идея осуществления подобной программы способствовала увеличению взаимных контактов и расширению гуманитарного сотрудничества между странами. В свою очередь, интенсификация торгово-экономических связей между российскими регионами и Монголией помимо прямых результатов, выраженных в данных официальной статистики, привела к изменениям в представлениях населения приграничных регионов о своем соседе. Это, в свою очередь, стало определенным ресурсом влияния монгольской стороны посредством продвижения «мягкой силы» в российских регионах.

Важнейшим фактором продвижения монгольской «мягкой силы» выступает этнокультурная и религиозная близость народов, населяющих приграничные субъекты РФ и объединяемые концептом «монгольский мир». Опираясь на ресурс национального государства, Улан-Батор активно позиционирует Монголию в качестве места притяжения для всех монголов мира, примера для подражания в политическом, экономическом, культурном плане. Существующий запрос на сохранение и развитие национальных культур и языков народов России создает условия для стимулирования интереса ко всему монгольскому – языку, литературе, одежде, кухне, культурным и спортивным мероприятиям. Тем самым Монголия наращивает свое культурное влияние в ряде субъектов РФ (Бурятия, Тыва, Забайкальский край, Калмыкия), используя его как инструмент «мягкой силы».

Список использованных источников и литературы

«Помощь вечному соседу»: Монголия передала гуманитарную помощь медикам Тувы. URL: https://regnum.ru/news/society/2977319.html (дата обращения: 01.05.2022).

В Монголии официально запущена акция по сбору пожертвований в помощь Китаю в борьбе с коронавирусом. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2020/0219/c31520–9659275.html (дата обращения: 01.05.2022).

Выборочная статистическая информация, рассчитанная в соответствии с официальной статистической методологией оценки

числа въездных и выездных туристских поездок. URL: https://www.russiatourism.ru (дата обращения 15.05.2022).

Глава ВОЗ поздравил Монголию с успешной борьбой с COVID-19. URL: http://www.mongolnow.com/glava-voz-pozdravil-mongoliyu-s-uspeshnoj-borboj-s-covid-19/ (дата обращения: 01.05.2022).

Гости из Монголии вывели Бурятию в лидеры по росту оборота розничной торговли. URL: https://www.baikal-daily.ru/news/15/162194/ (дата обращения: 01.05.2022).

Данные министерства здравоохранения Монголии. 14.11.2020. URL: https://covid19.mohs.mn/p/cat/post/57/ (дата обращения: 01.05.2022).

Жители более шести регионов страны изучают старомонгольскую письменность онлайн в Забайкалье. URL: https://75.ru/news/154759?fbclid=IwAR0vXIB7QSWAtYksYjYIhKtti8Sg70SZRtAUNTaj_jrH8fRqYsX_S1L6-Vo (дата обращения: 01.05.2022).

Комбаев, А. В., Доржиева, И. Ц., Цыремпилова, Э.В. Образы Монголии в региональных СМИ приграничных территорий России как отражением «мягкой силы» Монголии (по материалам региональных печатных СМИ Иркутской области и Республики Бурятия) [Текст] / А. В Комбаев, И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 3. – С. 142–147.

Крячкина, Ю. А. «Мягкая сила» во внешней политике Японии: ключевые особенности [Текст] / Ю.А. Крячкина // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 6 (57). – С. 95–107.

Монголия оказала Китаю гуманитарную помощь самым ценным, что у нее есть. URL: https://radiokp.ru/obschestvo/mongoliya-okazala-kitayu-gumanitarnuyu-pomosch-samym-cennym-chto-u-nee-est_nid12722_au4311au?page=1 (дата обращения: 01.05.2022).

Монгольские выпускники российских вузов подарили Бурятии 15 тысяч масок. URL: https://regnum.ru/news/polit/2935792.html (дата обращения: 01.05.2022).

Президент Монголии пригласил монголов. URL: https://newbur.ru/n/38383/ (дата обращения: 01.05.2022).

Программа «Популяризация Монголии за рубежом». URL: http://www.mongolnow.com/programma-populyarizatsiya-mongolii-za-rubezhom/ (дата обращения: 01.05.2022).

Родионов В.А., Железняков А.С. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией». URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveytsariey/ (дата обращения: 01.05.2022).

Родионов, В. А. «Мягкая сила» в современных российско-монгольских отношениях [Текст] / В.А. Родионов // Вестник Бурят. гос. ун-та. – 2009. – № 8. – С. 255–260.

Сайдаш Монгуш представит Туву на международном фестивале в Калмыкии. URL: https://www.tuvaonline.ru/2013/05/02/saydash-mongush-predstavit-tuvu-na-mezhdunarodnom-festivale-v-kalmykii.html (дата обращения: 01.05.2022).

Селенгинский аймак Монголии передал Бурятии 5 тысяч масок. URL: https://regnum.ru/news/society/2943731.html (дата обращения: 01.05.2022).

Статистика случаев заражения коронавирусом в России. URL: https://coronavirus-monitor.ru/ (дата обращения: 01.05.2022).

Суходолов, Я. А., Даваасурэн, А., Манжигеев, А.Ф. Современная специфика и перспективы развития внешнеторгового сотрудничества России с Монголией [Текст] / Я.А. Суходолов, А. Даваасурэн, А.Ф. Манжигеев // Известия Байкал. гос. ун-та. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 632–639.

Чимитдоржиев Ш.Б. Бурятский этнос и монгольский мир. URL: http://asiarussia.ru/articles/4324/ (дата обращения: 01.05.2022).

Базардорж Д. Монгол, Өмнөд Монголын цар тахлын нөхцөл байдалд төсөөтэй зүйлс цөөнгүй. URL: https://ikon.mn/n/1wtl (дата обращения: 01.05.2022).

Ж. Энхсайхан: Монгол Улс нэр хүндээ өсгөх түүхэн боломжийг алдаж байна. URL: https://news.mn/r/2359366/ (дата обращения: 01.05.2022).

Х. Баттулга: Архив бол Монголын “зөөлөн хүч”-ний бодлогыг хэрэгжүүлэх нэг гол байгууллага. URL: https://montsame.mn/en/read/194966 (дата обращения 01.05.2022)

Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – N. Y.: Basic Books, 1990. – 292 p.

Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N. Y.: Public Affairs Group, 2004. – 192 p.

А.В. Комбаев, И.Ц. Доржиева, Э.В. Цыремпилова

3.4. Монголия как партнер России в зеркале региональных СМИ РФ и оценках экспертного сообщества

Среди различных аспектов, связанных с политикой «мягкой силы» Монголии, значительный интерес вызывает вопрос о восприятии этой страны в России, в первую очередь в ее регионально-приграничном пространстве.

Как известно, СМИ играют одну из важных ролей в формировании образа государства, выступая одновременно как фактором «мягкой силы», так и ее инструментом. С целью изучения образов Монголии в региональных СМИ мы проанализировали содержание самых известных региональных изданий приграничных территорий нашей страны:

– «Восточно-Сибирская правда», «Аргументы и Факты в Восточной Сибири», «Конкурент» – Иркутская область;

– «МК в Бурятии», «Номер один», «Информ Полис» – Республика Бурятия.

Используя методику контент-анализа, было проанализировано более 4 тысяч печатных материалов, из которых были выделены публикации, касающиеся вопросов, связанных с российско-монгольскими отношениями и в целом формирующих образ Монголии в массовом представлении жителей приграничных регионов.

Образ Монголии в Иркутском региональном информационном пространстве печатных СМИ

За десятилетний период с 2009 по 2021 гг. в наиболее популярных печатных СМИ Иркутской области было опубликовано 76 материалов (печатных статей), описывающих Монголию и российско-монгольские отношения. Самое большое количество статей, посвященных различным проблемам, было опубликовано в газете «Восточно-Сибирская правда» – 45 информационных материалов. В газете «Аргументы и Факты в Восточной Сибири» представлено 18 информационных материалов, в газете «Конкурент» за исследуемый нами период опубликовано

14 информационных материалов. Условно контент публикаций можно разделить на несколько тематических категорий:

– о дружбе и исторических корнях сотрудничества между двумя державами;

– о туризме;

– о проблемах экологии;

– заметки о деловых встречах.

Как правило, практически все анализируемые нами источники рассказывают об исторических фактах сотрудничества Монголии и Приангарья. Также в печатных еженедельниках часто встречаются публикации о туристических местах в Монголии и в целом об общей привлекательности Монголии как места отдыха. В меньшей степени освещается вопрос о деловых встречах между политиками Монголии и Иркутской области. Достаточно большое количество публикаций посвящено экологическим вопросам, в основном это несколько ключевых тем:

– эпидемия среди скота в Монголии и качество мяса;

– строительство ГЭС на монгольском участке реки Селенги (табл. 1).

В целом печатные СМИ Иркутской области рисуют положительный образ Монголии, исключением являются материалы, касающиеся строительства ГЭС «Эгийн-гол» на реке Селенге.

Очень часто в исследуемых нами материалах отмечается роль Иркутской области в развитии Монголии. В большей степени проецируется модель «старшего брата», нежели полноценного партнера. Тем не менее отмечается важность экономического сотрудничества. Положительных образов продукции Монголии и ее успешного продвижения на рынки Иркутской области в печатных СМИ отмечено не было. Образы культурной привлекательности соседа в публикуемых материалах также выражены слабо.

Большинство опубликованных негативных материалов приходится на период 2016–2018 гг. На наш взгляд, это связано прежде всего с проектом строительства ГЭС на р. Селенге, который жители приграничного региона в большей степени оценивают отрицательно и в целом считают пагубным для экологического развития региона и страны.

Таблица 1

Количественные показатели печатных материалов Иркутской области по теме российско-монгольских отношений, их характеристика

№ п/п	Тематическое содержание публикуемого материала	Количество статей по теме	Положительная характеристика материала	Отрицательная характеристика материала	Нейтральная характеристика материала
1	Официальные визиты, взаимные встречи, делегации, политическая аналитика	11	6	4	1
2	Экономическое сотрудничество	18	12	4	2
3	Наука и техника, развитие Монголии, совместные научные проекты, историческая аналитика	12	9	-	3
4	Туризм, культура, спорт	14	11	-	3
5	Экологические проблемы и их решение	21	-	18	3
6	Происшествия, контрабанда, преступления	0	0	0	0
7	Привлекательность политических институтов	0	0	0	0
8	Военное сотрудничество	0	0	0	0
	ИТОГО:	76	38	26	12

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы об информационном присутствии монгольской повестки в информационном пространстве Иркутской области:

– количество публикаций за исследуемый период очень незначительное в общей массе публикаций о других событиях и происшествиях;

– в большей степени спонтанно формируемый положительный образ соседнего государства является отражением «большой» информационной повестки, задаваемой центральными СМИ страны, нежели региональными;

– региональная информационная повестка не ставит на первый план освещение вопросов взаимодействия России и Монголии. Соседнее государство не проводит системной работы по закреплению положительного образа своей страны в информационном пространстве Иркутской области.

Образ Монголии в региональном информационном пространстве печатных СМИ Республики Бурятия

Бурятии как приграничному региону отводится центральное место в развитии российско-монгольских отношений. Республика Бурятия имеет с Монголией одну из самых протяженных границ (1213,6 км). Население Бурятии составляет 982,3 тыс. жителей, из них на приграничных территориях с Монголией проживает 115,7 тыс. человек, что составляет 11,8% общего числа населения всего региона. В приграничную территорию входят пять муниципальных районов Республики Бурятия – Кяхтинский, Закаменский, Джидинский, Тункинский, Окинский районы[1]. Во многом такая близость соседа создает объективные основания к сотрудничеству и взаимному интересу друг к другу, как экономическому, так и политическому.

Справедливости ради нужно отметить, что интерес в Республике Бурятия к Монголии, ее проблемам и успехам в развитии во многом формируется не под воздействием печатных или иных СМИ, а в силу объективных причин. Сегодня это

[1] Потаев В.С., Субанаков Г.Ю., Азжаргал Х. О развитии традиционного и инновационного малого предпринимательства в пастбищном животноводстве Республики Бурятия и Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 18–26.

наиболее близкий сосед, с которым многие связаны не только экономическими или культурными связями, а еще и родственными. Поэтому изучение различных привлекательных образов соседней страны в одном из самых популярных еженедельных изданий есть реакция на запрос читательской аудитории, а не искусственно создаваемая информационная повестка.

За исследуемый период было опубликовано в исследуемых источниках 492 сообщения различного характера. Наибольшей интенсивностью публикуемых материалов отличается еженедельник «Информ Полис», в котором было опубликовано 302 информационных материала, газета «Номер один» – 119, газета «МК в Бурятии» – 71.

Наибольшее освещение в изучаемых нами печатных СМИ нашли следующие тематические разделы:

– официальные встречи и визиты как монгольских политиков в Республику Бурятия Российской Федерации, так и российских политиков в Монголию;

– туристическое партнерство, культура и спорт;

– достижения монгольской экономики, экономическое сотрудничество Бурятии и Монголии;

– экологические проблемы и их решение (табл. 2).

Таблица 2

Количественные показатели печатных материалов Республики Бурятия по теме российско-монгольских отношений, их характеристика

№ п/п	Тематическое содержание публикуемого материала	Количество статей по теме	Положительная характеристика материала	Отрицательная характеристика материала	Нейтральная характеристика материала
1	Официальные визиты, взаимные встречи, делегации, политическая аналитика	58	50	2	6

2	Экономическое сотрудничество	101	71	15	15
3	Наука и техника, развитие Монголии, совместные научные проекты, историческая аналитика	52	35	1	16
4	Туризм, культура, спорт	164	140	6	18
5	Экологические проблемы и их решение	46	24	12	10
6	Происшествия, контрабанда, преступления	21	-	19	2
7	Привлекательность политических институтов	39	16	14	9
8	Военное сотрудничество	11	7	2	2
	ИТОГО:	492	343	71	78

Исходя из определения «мягкой силы» Джозефа Ная, который выделял присутствие информации и конкретных политических действий на трех уровнях (уровень культурных ценностей, сфера потребления, экономическая привлекательность, привлекательность политических институтов), можно сделать вывод о том, что в информационном пространстве печатных СМИ Бурятии такая информация не только присутствует, но и активно проецируется в информационных сообщениях. В большей степени неким «зеркалом» Монголии выступает еженедельник «Информ Полис», публикации в котором изобилуют информацией об этой стране. Некоторое время даже была отдельная колонка про Монголию, но ввиду отсутствия оперативных материалов от колонки отказались.

Большинство материалов носят позитивный характер (69,7%). Отрицательную окраску имеют лишь 14,4% всех публикаций. В основном это материалы, касающиеся криминальных новостей, а также проблемы, связанные с экономическим

сотрудничеством и политическими отношениями. В целом в СМИ Республики Бурятия формируется положительный образ Монголии, подчеркивается важность развития полноценного сотрудничества между двумя государствами в различных сферах (политика, экономика, культура, образование, наука и др.).

Современные государства не могут развиваться обособленно, не затрагивая историю и тенденции развития соседних стран. Россия также не может сбросить со счетов исторические предпосылки и многообразие партнерских отношений с соседними государствами. Так, одной из соседних дружественных держав России можно назвать Монголию, которая сегодня является одним из важных партнеров политических и экономических отношений. Это связано, прежде всего, с тем, что на протяжении многих десятилетий прошлого столетия наша страна занимала одно из ключевых мест в развитии Монголии в рамках ее культурного, социального и экономико-политического процветания. Стоит отметить, что Монголия для жителей России, а тем более ее приграничных регионов была не просто соседом по территориальным границам, а олицетворяла имидж «младшего брата» как политический феномен[1].

Но изменение интересов России и кардинальная смена внешней политики и ориентир на западные страны, в конце XX столетия, резко снизил интерес россиян к Монголии. Но только не в Бурятии. Многие политические деятели постсоветской Бурятии писали и говорили о том, что прежние связи с Монголией утеряны, стало трудно импортировать даже традиционное монгольское мясо для нужд Бурятского мясокомбината, «охладели» в те годы и связи парламентариев Республики Бурятия и Монголии, дружеские связи приграничных районов республики с монгольскими аймаками.

Для бурятского населения Республики Бурятия повышенный интерес к Монголии определялся еще и этническими, культурными, историческими связями с соседней страной. В те годы даже стали говорить, что монголы и Монголия для бурят и Бу-

[1] Иркутская школа монголоведения (XVII–XX вв.) / Ю.В. Кузьмин, В.В. Свинин ; под науч. ред. А.П. Суходолова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Байкальский гос. ун-т экономики и права, Центр изучения Монголии. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 437 с.

рятии важные и нужные партнеры, а такие понятия, как «старые друзья», «родственные народы» пришли в забвение.

Начиная с 2000-х годов намечается значительный положительный рост между соседними государствами в рамках политического и экономического сотрудничества. Так, в 2014–2016 гг. закончилась работа, направленная на инвентаризацию по формированию договорно-правовой основы в рамках российско-монгольских отношений. В результате чего был подписан договор о режиме государственной границы Российская Федерация и Монголия, а в последствие был создан проект, направленный на улучшение торгово-экономического партнерства на ближайшую среднесрочную перспективу[1]. Согласно данному партнерскому соглашению в определенной степени усиливается взаимодействие в сфере развития железнодорожного транспорта, на более высокий уровень выходят отношения в культурном и научном сотрудничестве. А также в рамках реализации подписанного договора решаются вопросы о государственном долге Монголии и вводится в действие безвизовый режим между странами.

В Бурятии в последние годы преобладает позитивная оценка о социально-политической, культурной жизни Монголии, появился здоровый и искренний оптимизм перспектив взаимовыгодного сотрудничества. И в средствах массовой информации, и в разговорах людей по обе стороны границы стали все чаще и с одобрением говорить о формировании транспортного прохода Россия-Монголия-Китай (железнодорожное и автомобильное сообщение, газовая труба «Россия-Монголия-Китай»). Также в последние годы активизировались приграничное торгово-экономическое сотрудничество, культурные, научно-образовательные обмены между Монголией и Республикой Бурятия и Российской Федерацией.

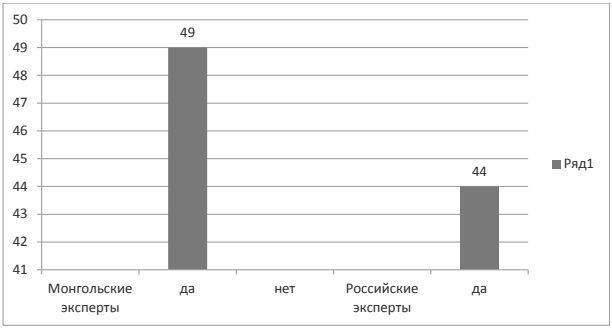
В оценках российских экспертов, опрошенных в рамках проекта РФФИ-Мин-во образования и науки Монголии «”Мягкая сила” в российско-монгольских отношениях: сравнительный анализ», преобладают положительные ассоциации с Монголией.

[1] Дорж Т. Этапы и проблемы современного социально-экономического развития Монголии: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией «Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука». – Иркутск: Изд-во БГУ. – 2016. – С. 194–202.

На первый, очень принципиальный, вопрос, «Является ли Россия (Монголия) важным партнером», все без исключения эксперты, как со стороны России, так и со стороны Монголии, единодушны на 100% – ответ «да».

Рисунок 1.

Структура ответов на вопрос «Является ли Россия / Монголия важным партнером»[2]



Это значит, что и россияне, и монголы, осознают свою историческую общность, и, одновременно, видят перспективы в разностороннем и многогранном сотрудничестве.

Хотя влияние России в Монголии в постсоветский период многократно уменьшилось, но все-таки «северный сосед», также является одним из ключевых партнером Монголии. Но и для России Монголия, также важна в центральноазиатском регионе. Этому способствуют не только географическая близость и общая граница протяженностью почти четыре тысячи километров. Экономические связи, несмотря на то, что они в значительной мере, по-прежнему крепкие. Как и раньше, Российская Федерация сохраняет за собой статус ключевого поставщика энергоресурсов на рынок Монголии, а в Россию экспортируются мясо, изделия из шерсти и кожи.

Наши дружеские отношения, преодолев период взаимного отчуждения 1990-х гг. прошлого века, постепенно возрождаются. Сегодня они выходят на стратегически новый уровень

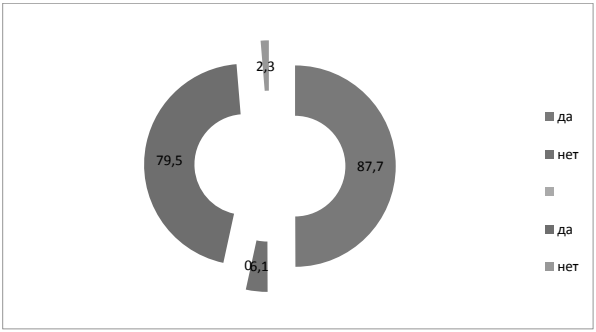
[2] Литвинова Т.Н. Образ Монголии глазами россиян (по результатам интернет-опроса) // Социодинамика. – 2019. – № 1. – С. 91–100.

сотрудничества, что можно было заметить по итогам официального визита президента России В.В. Путина в Монголию в сентябре 2019 г.

2020 г. принес в устоявшийся режим мирового пространства довольно суровой испытание в виде новой коронавирусной инфекции и объявления пандемии. Как следствие, были введены ограничения на выезд за рубеж, снижение объемов торговли. Однако, несмотря на это в 2020 г. товарооборот между Россией и Монголией составил 1,4 млрд. долл. Стоит отметить, что в 2019 г. данный показатель был зафиксирован на уровне 1,7 млрд. долл. Данный факт свидетельствует о довольно крепких экономических и политических отношениях между странами, отметила вице-премьер России В. Абрамченко на встрече весной 2021 г. сопредседателей межправительственной российско-монгольской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Рисунок 2.

Структура ответов на вопрос «Является ли Россия/ Монголия значимым для России (Монголии) экономическим партнером?»



Не случайно теперь Россия, согласно статистически данным, находится на втором месте по внешнеторговому товарообороту в Монголии. Так, более 90% нефтепродуктов, потребляемых в Монголии, завозятся из России. Не менее активно идет развитие военного сотрудничества между странами. С 2008 г. на территории России и Монголии ежегодно проводятся военные учения

«Селенга» в основном на территории Республики Бурятия. Со стороны России последовала инициатива по возобновлению советской практики, связанной с предоставлением техники воинским частям Монголии на безвозмездной основе. Кроме этого проводится подготовка военных монгольской стороны в ВУЗах России по определенному воинскому профилю.

Поэтому совсем не случайно эксперты обеих стран на вопрос «Является ли Россия (Монголия) значимым для России (Монголии) экономическим партнером?», 79,5% россиян ответили «да», а со стороны Монголии – 87,8%.

2,3% российских экспертов считают, что значение Монголии во внешнеполитическом курсе России несоизмеримо ниже, чем значение России для Монголии, но, все же, при этом, Монголия является значимым региональным партнером для субъектов России, таких, например, как Бурятия и Иркутская область. Для Республики Бурятия активизация торгово-экономического сотрудничества особенно важна.

Москва и Улан-Батор намечают модернизацию Улан-Баторской железной дороги, находящейся в совместной собственности. Эта работа затронет напрямую и Бурятию, поскольку начнется электрификация дороги от Улан-Удэ до станции Наушки, что поможет открыть тысячи новых рабочих мест и дополнительные финансовые вливания в бюджет республики. Предположительно, по территории Бурятии пройдет и газопровод «Сила Сибири-2», по которой природный газ пойдет через Монголию в Китай[1].

Как видим, Россия и Монголия создают транспортные экономические коридоры, потенциально способные в разы увеличить товарооборот между странами, и это сотрудничество благотворно скажется и на экономике Республики Бурятия.

Один из вопросов был сформулирован следующим образом: «Как Вы думаете, насколько изменились отношения между Россией и Монголией (Монголией и Россией) в сравнении с социалистическим периодом?»

[1] В Монголии назвали возможные сроки начала строительства «Силы Сибири-2». URL: https://www.rbc.ru/business/18/07/2022/62d4f0399a7947d6c7716062 (дата обращения: 20.05.2022).

88,6% российских экспертов считают, что они стали менее интенсивными, и лишь 4,5% – более интенсивными. А вот 2,3% считают, что принципиально изменилась природа отношений, Россия больше не старший союзник Монголии, а важный элемент усложнившейся системы международных отношений, элемент баланса между Китаем и Западом во главе с США. Монголия в то же время – не сателлит России, но по-прежнему буферное пространство, которое отделяет Россию от могущественного Китая.

А вот со стороны монгольских экспертов уже 91,1% считают, что наши отношения стали менее интенсивными, и лишь 2% – более.

Монголия проводит с начала 1990-х годов «многоопорную политику». Страна ведет активное сотрудничество с двумя своими соседями – Россией и Китаем. При этом также страна имеет тесные партнерские отношения с такими внерегиональными партнерами как США, Южная Корея, страны Евросоюза, Япония и др.

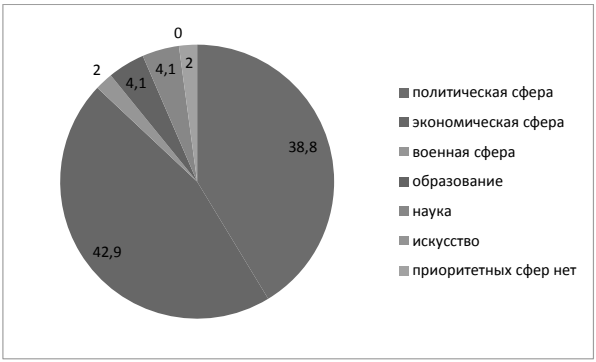
С одной стороны, наблюдается процесс, связанный с уменьшением уровня влияния России в Монголии. Данную тенденцию можно проследить на основании сокращения употребления в речи монголов русского языка. В первую очередь это относится к молодому поколению. Но с другой стороны, нельзя сказать, что на сегодняшний день Россия не играет важной роли в жизни Монголии и вообще находится на периферии ее интересов.

На вопрос «Какая сфера отношений между Россией и Монголией наиболее приоритетна для Монголии?» 61,4% российских экспертов видят в экономике, и лишь 20,5% – в политической сфере. Но когда вопрос ставится в другой логике: «Какая сфера отношений между Россией и Монголией наиболее приоритетна для России?», 22,7% экспертов считают, что это экономика, а 63,6% выбирают политическую сферу. От 6,3 до 2,3% экспертов отдают предпочтение военной сфере, образованию, науке и искусству.

А вот ответы на идентичные вопросы монгольских экспертов расходятся с российскими. Так, для Монголии, считают они, и экономическая и политическая сфера почти равноценны.

Рисунок 3

Структура ответов на вопрос «Какая сфера отношений между Россией и Монголией наиболее приоритетна для Монголии?»



Такая оценка монгольских экспертов свидетельствует о том, что Монголии лучше и выгоднее, если Россия останется так называемым «мягким» соседним государством для Монголии, которое не стремится доминировать и оказывать монопольное влияние. При этом, Россия отстаивает свои законные интересы относительно безопасности и экономического развития и не намерена вступать в прямой конфликт с другими странами из-за влияния на Монголию. Более того, не намерена ставит Монголию перед выбором между «пророссийской», «прокитайской» или «прозападной» ориентацией.

Россия и Монголии и по-прежнему будут другом и соседом, не будут претендовать на какую-то ревизию, исторических или современных, сложившихся политических и экономических отношений. Ведь это вопрос независимости Монголии. И потом, Россия и россияне в глазах Монголии, по-прежнему ассоциируется с гарантом их независимости и безопасности. Для России важным фактором остаётся, чтобы Монголия оставалась независимым государством, и не ориентировалась на какую-то из других держав, Россия заинтересована в этом. И в этом смысле Россия воспринимается позитивно.

Список использованных источников и литературы

Баяртсайхан, Н. К некоторым проблемам государственного регулирования экономики (на примере Монголии) [Текст] / Надмид Баяртсайхан ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Байкальский государственный университет. – Иркутск : Изд-во Байкальского гос. ун-та, 2017. – 159 с.

Дорж, Т. Этапы и проблемы современного социально-экономического развития Монголии [Текст] / Т. Дорж : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией «Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука». – Иркутск, Изд-во БГУ – 2016. – С. 194–202.

Залогова, О.И. Состояние и перспективы развития транспортной инфраструктуры Монголии для экспорта угля [Текст] / О.И. Залогова, Л.Н. Такайшвили // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2019. – Т. 62. – № 2. – С. 177–185.

Иркутская школа монголоведения (XVII–XX вв.) [Текст] / Ю.В. Кузьмин, В.В. Свинин ; под науч. ред. А.П. Суходолова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Байкальский гос. ун-т экономики и права, Центр изучения Монголии. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 437 с.

Кутовой, Е.Г. К сотворчеству российской дипломатии и науки [Текст] / Е.Г. Кутовой // Обозреватель-Observer. – 2014. – № 10. – С. 79–97.

Литвинова, Т.Н. Образ Монголии глазами россиян (по результатам интернет-опроса) [Текст] / Т.Н. Литвинова // Социодинамика. – 2019. – № 1. – С. 91–100.

Потаев, В. С., Субанаков, Г. Ю., Азжаргал, Х. О развитии традиционного и инновационного малого предпринимательства в пастбищном животноводстве Республики Бурятия и Монголии [Текст] / В.С. Потаев, Г.Ю. Субанаков, Х. Азжаргал // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 18–26.

Родионов, В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века [Текст] / В.А. Родионов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 228 с.

Об авторах

АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич, кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией Центра переводов с восточных языков, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

АРИУНГУА Нацагдоржийн, доктор исторических наук (PhD), ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований, Академия наук Монголии (Улан-Батор).

ДОРЖИЕВА Ирина Цыдыпжаповна, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ).

КОМБАЕВ Алексей Викторович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ).

КУРАС Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

НЯМДОЛЖИН Адьяагийн, доктор исторических наук (PhD), ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований, Академия наук Монголии (Улан-Батор).

РОДИОНОВ Владимир Александрович – доктор политических наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ).

ЦЫРЕМПИЛОВА Эржена Васильевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (Улан-Удэ).

«МЯГКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Коллективная монография

«Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 27.07.2022 г.
Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 11.27. Уч.-изд. л. 9.52.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 123.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел.: (3952) 34-32-34, 241-242.
www.ottisk-irk.ru